

Ф. Р А Б Л Э

ГАРГАНТЮА
И ПАНТАГРЮЭЛЬ

ГОСТИНИЦА

Глава I.

О генеалогии и древности рода Гаргантюа

Желающих установить генеалогию Гаргантюа и древность его рода я отсылаю к великой Пантагрюэльской хронике. Она более обстоятельно расскажет вам о том, как появились на свете первые великаны и как по прямой линии произошел от них Гаргантюа, отец Пантагрюэля. И вы уж на меня не пеняйте за то, что сейчас я не буду на этом останавливаться, хотя история эта сама по себе такова, что чем чаще о ней вспоминать, тем больше бы она пришлась вашим милостям по вкусу, и в доказательство я сошлюсь на Филеба и Горгия Платона, а также на Флакка, который утверждает, что чем чаще повторять иные речи (а мои речи, разумеется, именно таковы), тем они приятнее.

Дай Бог, чтоб каждому была столь же доподлинно известна его родословная от Ноева ковчега и до наших дней! Я полагаю, что многие из нынешних императоров, королей, герцогов, князей и пап произошли от каких-нибудь мелких торговцев реликвиями или же корзинщиков и, наоборот, немало жалких и убогих побирушек из богаделен являются прямыми потомками

великих королей и императоров, – достаточно вспомнить, как поразительно быстро сменили
ассириян – мидяне,
мидян – персы,
персов – македоняне,
македонян – римляне,
римлян – греки,
греков – французы.

Что касается меня, то я, уж верно, происхожу от какого-нибудь богатого короля или владетельного князя, жившего в незапамятные времена, ибо не родился еще на свет такой человек, который сильнее меня желал бы стать королем и разбогатеть, – для того чтобы пировать, ничего не делать, ни о чем не заботиться и щедрой рукой одарять своих приятелей и всех порядочных и просвещенных людей. Однако ж я себя утешаю, что в ином мире я непременно буду королем, да еще столь великим, что сейчас и помыслить о том не смею. Придумайте же и вы себе такое или даже еще лучшее утешение в несчастье и пейте на здоровье, коли есть охота.

Возвращаясь к нашим баранам, я должен сказать, что по великой милости божьей родословная Гаргантюа с древнейших времен дошла до нас в более полном виде, чем какая-либо еще, не считая родословной Мессии, но о ней я говорить не намерен, ибо это

меня не касается, тем более что этому противятся черти (то есть, я хотел сказать, клеветники и лицемеры). Сия родословная была найдена Жаном Одо на его собственном лугу близ Голо, пониже Олив, в той стороне, где Нарсе, при следующих обстоятельствах. Землекопы, которым он велел выгрести ил из канав, обнаружили, что их заступы упираются в огромный бронзовый склеп длины невероятной, ибо конца его так и не нашли, – склеп уходил куда-то далеко за вьенские шлюзы. В том самом месте, над которым был изображен кубок, а вокруг кубка этрусскими буквами написано: *Nic bibitur*⁵, склеп решились вскрыть и обнаружили девять фляг в таком порядке, в каком гасконцы расставляют кегли, а под средней флягой оказалась громадная, громоздкая, грязная, грузная, красивая, малюсенькая заплесневелая книжица, пахнувшая сильнее, но, увы, не слаще роз.

Вот эта книжица и заключала в себе вышеупомянутую родословную, всю целиком написанную курсивным письмом, но не на пергаменте, не на вощенной табличке, а на коре вяза, столь, однако, обветшавшей, что на ней почти ничего нельзя было разобрать.

Аз многогрешный был туда зван и, прибегнув к помощи очков, применив тот способ чтения стершихся букв, коему нас научил Аристотель, разобрал их все, в

⁵ 5Здесь пьют (лат.)

чем вы и удостоверитесь, как скоро начнете пантагрюэльствовать, то есть потягивать из бутылочки, потягивать да почитать о престрашных деяниях Пантагрюэля.

В конце книги был обнаружен небольшой трактат под названием Целительные безделки. Начало этой истории погрызли крысы, тараканы и, чтобы сказать – не соврать, другие вредные твари. Остальное я из уважения к древности найденного творения при сем прилагаю.

Глава II.

Целительные безделки, отысканные в древних развалинах

Вон тот герой, кем были кимвры биты,
Боясь росы, по воздуху летит.
Узрев его, народ во все корыта
Влить бочки масла свежего спешит.
Одна лишь старушонка голосит:
«Ох, судари мои, его ловите, —
Ведь он до самых пят дерьмом покрыт, —
Иль лесенку ему сюда несите».

Иной предполагал, что, лобызая
Его туфлю, спасти он душу мог.
Но тут явился некий плут из края,
Где ловят в озере плотву, и рек:

«От этого да сохранит вас Бог!
В сей лавочке нечистое творится.
Не худо б вам заметить, что порок
Под клобуком приказчика гнездится».

Тогда прочли главу, но смысла было
В ней столько ж, сколько у овцы рогов.
А он сказал: «Тиара так застыла,
Что мозг во мне заоченеть готов».
Но у плиты, где пахло из котлов
Душистой брюквой, он согрелся скоро,
Возликовав, что вновь на дураков
И полоумных надевают шоры.

Речь шла о щели Патрика Святого,
О Гибралтаре и щелях иных.
Когда б они зарубцевались снова,
Умолк бы кашель в толще недр земных.
Зиянье этих дыр для глаз людских
Всегда казалось наглостью безбожной.
Вот если б удалось захлопнуть их,
То и в аренду сдать их было б можно.

Затем пришел и ощипал ворону
Геракл, забыв ливийские края.
«Увы! – Минос воскликнул разъяренно. —
Всех пригласили, обойден лишь я!
Они еще хотят, чтоб длань моя
Лягушками их не снабжала боле!
Пусть дьявола возьму я в кумовья,
Коль пряжею им торговать позволю».

Хромой К. Б. пришел и усмирил их.
Он пропуск от скворцов принес с собой.

Свояк Циклопа, гнев сдержать не в силах,
Убил их. Каждый вытер нос рукой.
Бывал осмеян содомит любой
В дубильне, что стоит на поле этом.
Тревогу поднимайте всей толпой:
Там будет больше их, чем прошлым летом.

Затем орел Юпитера решился
Побиться об заклад и сверху – шась,
Но, видя их досаду, устранился,
Что рай от их бесчинства может пасть,
И предпочел огонь небес украсть
Из рощи, где торговцы сельдью жили,
И захватить над всей лазурью власть,
Как масореты в старину учили.

Все подписали сделку, не робея
Пред Атою, бросавшей злобный взгляд,
И показалась им Пенфесилея
Старухой, продающей кресс-салат.
Кричал ей каждый: «Уходи, назад,
Уродина, чье тело тоще тени!
Тобой обманно был у римлян взят
Их стяг великолепный из веленя!»

Одна Юнона с манною совою
Из туч на птиц стремилась алчный взор.
С ней пошутили шуткою такую,
Что был совсем изъят ее убор.

Она могла – таков был уговор —
Лишь два яйца отнять у Прозерпины,
Не то ее привяжут к гребню гор,
Подсунув ей боярышник под спину.

Через пятнадцать месяцев тот воин,
Кем был когда-то Карфаген снесен,
Вошел в их круг, где, вежлив и спокоен,
Потребовал вернуть наследство он
Иль разделить, как требует закон,
Ровнее, чем стежки во шву сапожном,
Чем суп, который в полдень разделен
У грузчиков по котелкам порожним.

Но самострелом, дном котла пустого
И прялками отмечен будет год,
Когда все тело короля дурного
Под горностаем люэс изгрызет.

Ужель из-за одной ханжи пойдет
Такое множество арпанов прахом?
Оставьте! Маска вам не пристает,
От брата змей бегите прочь со страхом.

Когда сей год свершит свое течение,
На землю снидут мир и тишина.
Исчезнут грубость, злость и оскорбленья,
А честность будет вознаграждена,
И радость, что была возвещена

Насельникам небес, взойдет на башню,
И волей царственного скакуна
Восторжествует мученик вчерашний.

И будет продолжаться это время,
Покуда Марс останется в цепях.
Затем придет прекраснейший меж всеми
Великий муж с веселием в очах.
Друзья мои, ликуйте на пирах,
Раз человек, отдавший душу Богу,
Как ни жалеет он о прошлых днях,
Назад не может отыскать дорогу.

В конце концов того, кто был из воска,
Удастся к жакемару приковать,
И государем даже подголоски
Не станут звонаря с кастрюлей звать.
Эх, если б саблю у него отнять,
Не нужны б стали хитрость и уловки
И можно было б накрепко связать
Все горести концом одной веревки.

Глава III.

О том, как Гаргантюа одиннадцать месяцев пребывал во чреве матери

Грангузье был в свое время большой шутник, по тогдашнему обычаю пил непременно до дна и любил закусить соленьким. На сей предмет он постоянно держал основательный запас майнцской и байоннской ветчины, немало копченых бычьих языков, в зимнее время уйму колбас, изрядное количество солонины с горчицей, на крайний же случай у него была еще икра и сосиски, но не болонские (он боялся ломбардской отравы), а бигоррские, лонгонейские, бреннские и руаргские.

Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамелле, дочери короля мотылькотов, девице из себя видной и пригожей, и частенько составляли они вместе животное о двух спинах и весело терлись друг о друга своими телесами, вследствие чего Гаргамелла зачала хорошего сына и проносила его одиннадцать месяцев.

Должно заметить, что женщины вполне могут столько носить, и даже еще больше, особливо если

это кто-нибудь из ряда вон выходящий, кому назначены в удел великие подвиги. Так, Гомер говорит, что младенец, коего нимфа понесла от Нептуна, родился через год, то есть спустя двенадцать месяцев. Между тем, как указывает в книге III Авл Геллий, длительный этот срок в точности соответствовал величию Нептуна, ибо Нептунов младенец только за такой промежуток времени и мог окончательно сформироваться. По той же причине Юпитер продлил ночь, проведенную им с Алкменой, до сорока восьми часов, а ведь в меньший срок ему бы не удалось выковать Геркулеса, избавившего мир от чудищ и тиранов.

Господа древние пантагрюэлисты подтверждают сказанное мною и объявляют, что ребенок вполне может родиться от женщины спустя одиннадцать месяцев после смерти своего отца и что его, разумеется, должно признать законнорожденным:

Гиппократ, *De alimento*⁶,

Плиний, кн. VII, гл. V,

Плавт, *Cistellaria*⁷,

Марк Варрон в сатире *Завещание* с соответствующей ссылкой на Аристотеля,

Цензорин, *De die natali*⁸,

⁶ 6«О пище» (лат.)

⁷ 7«Комедия о ларчике» (лат.)

⁸ 8«О дне рождения» (лит.)

Аристотель, Da nat. Animalium⁹,

Гелий, кн. III, гл. XVI,

Сервий в Комментариях к Экл., толкуя стих Вергилия:

Matri longa decem¹⁰ и т. д. – и многие другие безумцы, число коих умножится, если мы к ним присовокупим еще и законоведов: ff. De suis el legit., l. Intestato¹¹, §13, а также: Autent., De restitut. et ea que parit in undecimo mense¹². Наконец был состряпан по этому поводу крючкотворительный закон: Callus ff. De lib. et posthu. et 1. septimo ff. De stat. Homin¹³, и еще я мог бы сослаться на некоторые законы, да только пока не решаюсь. Благодаря таким законам вдовы смело могут пускаться во все тяжкие целых два месяца после кончины супруга.

Милые вы мои сукины дети, покорнейше вас прошу: ежели попадутся вам такие вдовушки, с которыми приятно было бы иметь дело, то валяйте-ка сами, а потом приводите их ко мне. Ведь если они и

⁹ 9«О при[роде] животных» (лат.)

¹⁰ 10Матери долгие десять... (лат.)

¹¹ 11[Дигесты], О своих и закон[ных], з[акон] «Не оставившему завещания» (лат.)

¹² 12Новеллы, О восстановл[ении в правах] и о той, что родит на одиннадцатом месяце (лат.)

¹³ 13Галл, [Дигесты]. О детях и посмерт[ных наследника] и [Дигесты], О состоянии людей, з[акон] «На седьмом [месяце]»

забеременеют на третий месяц, то ребенок все равно будет признан наследником покойного, а как скоро они забеременеют, то уж потом действуют без всякой опаски: пузо нагуляла – поехали дальше! Вот, например, Юлия, дочь императора Октавиана: она отдавалась своим любезникам, только когда чувствовала себя непорочней, подобно тому как судну требуется лоцман не прежде, чем оно проконопачено и нагружено. Если же кто-нибудь осудит их за то, что они дают себя латать во время беременности, и укажет им, что брюхатые самки животных ни за что не подпустят к себе самцов, они могут ответить, что одно дело – самки, а другое, мол, женщины, которые отлично знают, что суперфетация таит в себе особую прелесть, а ведь именно в этом роде и ответила некогда Популия во II кн. Макробиевых Сатурналий.

Если же диавол так подстроит, что нарвешься не на беременную, то надобно только поглубже ввинтить затычку – и никому ни гугу!

Глава IV.

О том, как Гаргамелла, носившая в своем чреве Гаргантюа, объелась требухой

Вот при каких обстоятельствах и каким образом родила Гаргамелла; если же вы этому не поверите, то пусть у вас выпадет кишка!

А у Гаргамеллы кишка выпала третьего февраля, после обеда, оттого что она съела слишком много годбийо. Годбийо – это внутренности жирных куаро. Куаро – это волы, которых откармливают в хлеву и на гимо. Гимо – это луга, которые косят два раза в лето. Так вот, зарезали триста шестьдесят семь тысяч четырнадцать таких жирных волов, и решено было на масляной их засолить – с таким расчетом, чтобы к весеннему сезону мяса оказалось вдоволь и чтобы перед обедом всегда можно было приложиться к соленью, а как приложишься, то уж тут вина только подавай.

Требухи, сами понимаете, получилось предостаточно, да еще такой вкусной, что все ели и пальчики облизывали. Но вот в чем закорючка: ее нельзя долго

хранить, она начала портиться, а уж это на что же хуже! Ну и решили все сразу слопать, чтобы ничего зря не пропадало. Того ради созвали всех обитателей Сине, Сейи, Ларош-Клермо, Вогодри, Кудре-Монпансье, Ведского брода, а равно и других соседей, и все они, как на подбор, были славные кутилы, славные ребята и женскому полу спуску не давали.

Добряк Грангузье разыграл духом и распорядился, чтобы угощение было на славу. Жене он все-таки сказал, чтобы она не очень налегала, потому что она уже на сносях, а потроха – пища тяжелая. «Кишок без дерьма не бывает», – примолвил он. Однако ж, невзирая на предостережения, Гаргамелла съела этих самых кишок шестнадцать бочек, два бочонка и шесть горшков. Ну и раздуло же ее от аппетитного содержимого этих кишок!

После обеда все повалили гурьбой в Сосе и там, на густой траве, под звуки разымчивых флажолетов и нежных волынок пустились в пляс, и такое пошло у них веселье, что любо-дорого было смотреть.

Глава V.

Беседа во хмелю

Потом рассудили за благо подзакусить прямо на свежем воздухе. Тут бутылочки взад-вперед заходили, окорока заплясали, стаканчики запорхали, кувшинчики зазвенели.

– Наливай!

– Подавай!

- Не зевай!
- Разбавляй!
- Э, нет, мне без воды! Спасибо, приятель!
- А ну-ка, единым духом!
- Сообрази-ка мне стаканчик кларету, да гляди, что бы с верхом! – Зальем жажду!
- Теперь ты от меня отстанешь, лихоманка проклятая
- Поверите ли, душенька, что-то мне нынче не пьется
- Вам, верно, нездоровится, милочка?
- Да, нехорошо что-то мне.
- Трах-тарарах-тарарах, поговорим о вине!
- Я, как папский мул, пью в определенные часы.
- А я, как монах, на все руки мастер: и пить, и гулять, и часы читать.
- Что раньше появилось: жажда или напитки?
- Жажда, ибо кому бы пришло в голову ни с того ни с сего начать пить, когда люди были еще невинны, как дети?
- Напитки, ибо *privatio presupponit habitum*¹⁴. Я – духовная особа.

¹⁴ Лишение уже предполагает обладание (лат.)

– Мы, невинные детки, и без жажды пьем лихо.

– А я хоть и грешник, да без жажды не пью. Когда я, Господи благослови, начинаю, ее еще может и не быть, но потом она приходит сама, – я ее только опережаю, понятно? Я пью под будущую жажду. Вот почему я пью вечно. Вечная жизнь для меня в вине, вино – вот моя вечная жизнь.

– Давайте пить! Давайте петь! Псалмы тянуть!

– А кто это у меня стакан стянул?

– А мне без всякого законного основания не подливают!

– Вы промачиваете горло для того, чтобы оно потом пересохло, или, наоборот, сперва сушите, чтобы потом промочить?

– Я в теориях не разбираюсь, вот насчет практики – это еще туда-сюда.

– Живей, живей!

– Я промачиваю, я спрыскиваю, я пью – и все оттого, что боюсь умереть.

– Пейте всегда – и вы никогда не умрете.

– Если я перестану пить, я весь высохну и умру. Моя душа улетит от меня туда, где посуше. В сухом месте

¹⁵ 15Чаще к вину прибегай – и будешь вития отменный.

душа не живет.

– А ну-ка, виночерпии, создатели новых форм, сотворите из непьющего пьющего!

– Надо хорошенько полить эти жесткие, сухие внутренности!

– Кто пьет без всякого удовольствия, тому вино – не в коня корм.

– Вино все в кровь поступает – нужнику ничего не достается.

– Я себе нынче утром кишочки очистил, теперь нужно их сполоснуть. – Уж я себе пузо набил!

– Если бы бумага, на которой я пишу векселя, пила так же, как я, то, когда бы их подали ко взысканию, оказалось бы, что все буквы пьяным-пьяны, все – в лежку, и суд, ничего не разобрав, не мог бы начать разбирательство.

– Смотрите за своей рукой: ее так и тянет к вину, оттого у вас нос краснеет.

– Пока это вино выйдет, сколько еще успеет войти!

– Пить такими наперсточками – это все равно что воробья причащать.

– Это называется охота с бутылочками.

– Есть разница между бутылочкой и милочкой?

– Разница большая: бутылочку затыкают пробочкой, а милочку живчиком.

– Здорово сказано!

- А предки наши вмиг выцеживали бочку.
- Славные певуны-п...уны! Выпьем!
- Зачем ходить на реку? Это лучше кишки промы-
вает.

– Я пью, как губка.

– А я – как тамплиер.

– А я – *tanquam sponsus*¹⁶.

– А я – *sicut terra sine aqua*¹⁷.

– Что такое ветчина?

– Требование на попойку, лесенка вроде той, по ко-
торой бочки с вином спускают в погребок; ну, а по этой
– вино спускают в желудок.

– А посему выпьем, а посему выпьем! Я еще не на-
грузился. *Respice personam; pone pro duos; bus non est
in usu*¹⁸

– Если б я так же умел ржать, как жрать, из меня
вышел бы славный жеребчик.

– Богач Жак Кер пивал не раз.

– Вот так поили бы и нас.

– Вакх под хмельком дошел до Инда.

– В подпитии взята Мелинда.

– От мелкого дождя прекращается сильный ветер.

¹⁶ 16Как жених (лат.)

¹⁷ 17Подобно земле безводной (лат.)

¹⁸ 18Не забывай, с кем дело имеешь, лей на двоих; «bus» из употреб-
ления вышло (лат.)

От долгих возлияний стихает гром.

– Эй, паж, налей-ка мне еще! Теперь и я вчиню тебе иск!

– Всем хватит вина, лишь бы пили до дна!

– Я подаю жалобу на свою жажду. Паж, дай законный ход моей жалобе!

– Мне бы остаточки вон с того блюда!

– Прежде я имел обыкновение пить до дна, а теперь я пью все до капельки.

– Нам спешить некуда, давайте все подъедем!

– Уж и кишки у этого бычка, рыжего с черными полосками,

– все отдай, да мало! А ну, давайте мы их подчистую.

– Пейте, иначе я...

– Нет, нет!

– Пейте, я вас прошу!

– Птицы начинают есть только после того, как их по хвосту легонечко хлопнут, а я начинаю пить только после того, как меня хорошенько попросят.

– *Lagona edatera*¹⁹. Во всем моем теле норки такой не сыщешь, где бы жажда могла укрыться от вина.

– У меня от этого вина жажда только сильнее.

– А мою жажду это вино прогонит.

– Объявим во всеуслышание под звон бутылок и

¹⁹ 19Приятель, выпьем! (баск.)

фляг: коли ты потерял свою жажду, то уж внутри себя ее не ищи, – частые винные клистиры ее извергли.

– Господь Бог сотворил твердь, а вот мы уже на ногах не тверды.

– У меня на устах слово Господа: Sitio²⁰.

– Не столь несокрушим камень, асбестом именуемый, сколь неутолима жажда, которую сейчас испытывает мое высокопреподобие.

– «Аппетит приходит во время еды», сказал Анже Майский; жажда проходит во время питья.

– Есть средство от жажды?

– Есть, но только противоположное тому, какое помогает от укуса собаки: если вы будете бежать позади собаки, она вас никогда не укусит; если вы будете пить до жажды, она у вас никогда не появится.

– Ловлю тебя на слове, виночерпий! Будь же неисчерпаем! Еще черепушечку! Проворней, не будь черепахой! Аргусу, чтобы видеть, нужно было сто глаз, а виночерпию, как Бриарей, нужно сто рук, чтобы все подливать да подливать.

– Чем лучше вымокнем, тем лучше подсохнем!

– Мне белого! Лей все, сколько там есть, лей, черт поberi! Полней, полней, у меня все горит!

– Хлопнем, служивый?

– Давай, давай! За твое здоровье, дружище!

²⁰ 20Жажду (лат.)

- Ну и ну! Столько слопали, что чуть не лопнули!
- О, *lacryma Christi!*²¹
- Это из Девиньеры, это пино!
- Славное белое винцо!
- Бархат, да и только, честное слово!
- Ах, что за вино! Карнаухое, чисто сработанное, из лучшей шерсти!
- А ну-ка, с новыми силами, приятель!
- Нам только выставь – мы все ставки уьем.
- *Ex hoc in hoc!*²² И никакого мошенничества. Все тому были свидетели. Я всех нынче перепил.
- Ты перепил, а я перепел.
- О пьянствующие! О жаждущие!
- Паж, дружочек, пополни, чтоб сверху корона была!
- Красная, как кардинальская мантия!
- *Natura abhorret vacuum*²³.
- После меня будет тут чем мухе напиться?
- Будем пить по-бретонски!
- Залпом, залпом!
- Пейте, пейте этот целебный бальзам!

²¹ 21Слеза Христова (лат.)

²² 22Отсюда – сюда! (лат.)

²³ 23Природа не терпит пустоты (лат.)

Глава VI.

О том, каким весьма странным образом появился на свет Гаргантюа

Пьяная болтовня все еще продолжалась, как вдруг Гаргамелла почувствовала резь в животе. Тогда Грангузье поднялся и, полагая, что это предродовые схватки, в самых учтивых выражениях начал ее успокаивать; он посоветовал ей прилечь на травку под ивами, – у нее, мол, отрастут вскорости новые ножи, только для этого перед появлением новорожденной малютки ей нужен новый запас душевных сил; правда, боль ей предстоит довольно мучительная, но она скоро пройдет, зато радость, которая за этим последует, все искупит, и о былых страданиях Гаргамелла и думать позабудет.

– Я тебе это докажу, – объявил он. – В Евангелии от Иоанна, глава шестнадцатая, наш Спаситель говорит: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, но когда родит младенца, уже не помнит скорби».

– Ишь как это у тебя складно выходит, – заметила она.

– Я больше люблю слушать Евангелие, чем житие святой Маргариты или что-нибудь еще в таком же ханжеском роде, да и пользы мне от него больше.

– Ты ведь у меня храбрая, как овечка, – сказал он, – вот и разрешайся скорее, а там, глядишь, мы с тобой и другого сделаем.

– Ну, ну! Вам, мужчинам, легко говорить! – сказала она.

– Уж я с Божьей помощью для тебя постараюсь. А все-таки лучше, если б тебе его отрезали!

– Что отрезали? – спросил Грангузье.

– Ну, ну, полно дурака валять! – сказала она. – Сам знаешь что.

– Ах, это! – сказал он. – Да пес с ним совсем! Коли уж он так тебе досадил, вели хоть сейчас принести нож.

– Э, нет, избави Бог! – сказала она. – Прости, Господи, мое согрешение! Я так просто сболтнула, не обращай на меня внимания. Это я только к тому, что, если Господь не поможет, мне нынче придется здорово помучиться, и все из-за него, из-за того, что уж очень ты его балуешь.

– Ничего, ничего! – сказал он. – Об остальном не беспокойся, самое главное позади. Пойду-ка я пропущу еще стаканчик. Если тебе станет худо, я буду поблизости. Крикни что есть мочи, и я прибегу.

Малое время спустя она начала вздыхать, стонать и кричать. Тотчас отовсюду набежали повитухи, стали ее щупать внизу и наткнулись на какие-то обрывки кожи, весьма дурно пахнувшие; они было подумали, что это и есть младенец, но это оказалась прямая кишка: она выпала у роженицы вследствие ослабления сфинктера, или, по-вашему, заднего прохода, оттого что роженица, как было сказано выше, объелась требухой.

Тогда одна мерзкая старушонка, лет за шестьдесят до того переселившаяся сюда из Бризпайля, что возле Сен-Жну, и слывшая за великую лекарку, дала Гаргамелле какого-то ужасного вяжущего средства, от которого у нее так сжались и стянулись кольцевидные мышцы, что – страшно подумать! – вы бы их и зубами, пожалуй, не растянули. Одним словом, получилось как у черта, который во время молебна св. Мартину записывал на пергаменте, о чем судачили две податливые бабенки, а потом так и не сумел растянуть пергамент зубами.

Из-за этого несчастного случая вены устья маточных артерий у роженицы расширились, и ребенок проскочил прямо в полую вену, а затем, взобравшись по диафрагме на высоту плеч, где вышеуказанная вена раздваивается, повернул налево и вылез в левое ухо. Едва появившись на свет, он не закричал, как дру-

гие младенцы: «И-и-и! И-и-и!», – нет, он зычным голо- сом заорал: «Лакать! Лакать! Лакать!» – словно всем предлагал лакать, и крик его был слышен от Бюссы до Виваре.

Я подозреваю, что такие необычные роды представляются вам не вполне вероятными. Что ж, не верите – не надо, но только помните, что люди порядочные, люди здравомыслящие верят всему, что услышат или прочтут. Не сам ли Соломон в Притчах, глава XIV, сказал; *Innocens credit omni verbo*²⁴, и т. д.? И не апостол ли Павел в Первом послании к Коринфянам, глава XIII, сказал: *Charitas omnia credit*?²⁵ Почему бы и вам не поверить? Потому, скажете вы, что здесь отсутствует даже видимость правды? Я же вам скажу, что по этой-то самой причине вы и должны мне верить, верить слепо, ибо сорбоннисты прямо утверждают, что вера и есть обличение вещей невидимых. Разве тут что-нибудь находится в противоречии с нашими законами, с нашей верой, со здравым смыслом, со Священным писанием? Я, по крайней мере, держусь того мнения, что это ни в чем не противоречит Библии. Ведь, если была на то Божья воля, вы же не станете утверждать, что Господь не мог так сделать? Нет уж, пожалуйста, не обморочивайте себя праздны-

²⁴ 24Глупый верит всякому слову (лат.)

²⁵ 25Любовь всему верит (лат.)

ми мыслями. Ведь для Бога нет ничего невозможного, и если бы Он только захотел, то все женщины производили бы на свет детей через уши.

Разве Вакх не вышел из бедра Юпитера?

Роктальяд – из пятки своей матери?

Крокмуш – из туфли кормилицы?

Разве Минерва не родилась в мозгу у Юпитера и не вышла через его ухо?

Разве Адонис не вышел из-под коры миррового дерева?

А Кастор и Поллукс – из яйца, высиженного и снесенного Ледой?

А как бы вы были удивлены и ошеломлены, если б я вам сейчас прочел целиком ту главу из Плиния, где говорится о необычных и противоестественных родах! А ведь я не такой самонадеянный враль, как он. Прочтите III главу VII книги его Естественной истории – и не задуривайте мне голову.

Глава VII.

**О том, как Гаргантюа
было дано имя и как он
стал посасывать вино**

Добряк Грангузье, выпивая и веселясь с гостями, услышал страшный крик, который испустил его сын, появившись на свет. «Лакать! Лакать! Лакать!» – взывал ревущий младенец. Тогда Грангузье воскликнул: «Ке гран тю а!..» – что означало: «Ну и здоровенная же она у тебя!..» Он имел в виду глотку. Присутствовавшие не преминули заметить, что по образцу и примеру древних евреев младенца, конечно, нужно назвать Гаргантюа, раз именно таково было первое слово, произнесенное отцом при его рождении. Отец изъявил свое согласие, матери это имя тоже очень понравилось. А чтобы унять ребенка, ему дали тяпнуть винца, затем окунули в купель и по доброму христианскому обычаю окрестили.

Между тем из Понтиля и Бреемона было доставлено семнадцать тысяч девятьсот тринадцать коров, каковые должны были поить его молоком, ибо во всей стране не нашлось ни одной подходящей кормилицы – так много молока требовалось для его кормления. Впрочем, иные ученые скоттисты утверждали, что его выкормила мать и что она могла нацедить из своих сосцов тысячу четыреста две бочки и девять горшков молока зараз, однако это неправдоподобно. Сорбонна сочла такое мнение предосудительным, благочестивый слух оскорбляющим и припахивающим ере-

сю.

Так прошел год и десять месяцев, и с этого времени по совету врачей ребенка начали вывозить, для чего некий Жан Денио смастерил прелестную колясочку, в которую впрягали волов. В этой самой колясочке младенец лихо раскатывал взад и вперед, и все с удовольствием на него смотрели: мордашка у него была славная, число подбородков доходило едва ли не до восемнадцати, и кричал он очень редко, зато марался каждый час, так как задняя часть была у него на редкость слизокровна, что объяснялось как свойствами его организма, так и случайными обстоятельствами, то есть особым его пристрастием к возлияниям. Впрочем, без причины он капли в рот не брал. Когда же он бывал раздосадован, разгневан, раздражен или удручен, когда он топал ногами, плакал, кричал, ему давали выпить, и он тут же утихомиривался и опять становился спокойным и веселым мальчиком.

Одна из его нянек честью клялась мне, что он к этому до того приохотился, что, бывало, чуть только услышит, как звенят кружки и фляги, и уже впадает в экстаз, словно предвкушая райское блаженство. По сему обстоятельству все няньки из уважения к этому божественному его свойству развлекали его по утрам тем, что стучали ножами по стаканам, стеклянными пробками по бутылкам или, наконец, крышками по

кружкам, при каковых звуках он весь дрожал от радости и сам начинал раскачивать люльку, мерно покачивая головой, тренькая пальцами, а задницей выводя рулады.

Глава VIII.

О том, как Гаргантюа был одет

Еще когда Гаргантюа находился в младенческом возрасте, отец заказал для него одежду фамильного цвета: белого с голубым. На нее положили немало труда, и была она изготовлена, скроена и сшита по тогдашней моде. На основании старинных актов, сохранившихся в счетной палате города Монсоро, я утверждаю, что Гаргантюа был одет следующим образом.

На его рубашку пошло девятьсот локтей шательродского полотна и еще двести на квадратные ластовицы под мышками. Рубашка у него была без сборок, оттого что рубашки со сборками были изобретены лишь после того, как белошвейки, сломав кончики иголок, наловчились работать задним концом.

На его куртку пошло восемьсот тринадцать локтей белого атласа, а на шнуровку – тысяча пятьсот девять с половиной собачьих шкур. Тогда как раз начали пристегивать штаны к куртке, а не куртку к штанам, что, как убедительно доказал Оккам в комментариях к *Exhronibilia*²⁶ магистра Шаровара, противостоит естественности.

²⁶ 26«Описуемое» (лат.)

На штаны пошло тысяча сто пять с третью локтей белой шерстяной материи. И скроены они были в виде колонн, с желобками и прорезами сзади, чтобы почкам было не слишком жарко. И в каждом прорезе пузырились голубого дамасского шелка буфы надлежащих размеров. Должно заметить, что ляжки у Гаргантюа были очень красивые и всему его сложению соразмерные.

На гульфик пошло шестнадцать с четвертью локтей той же шерстяной материи, и сшит он был в виде дуги, изящно скрепленной двумя красивыми золотыми пряжками с эмалевыми крючками, в каждый из которых был вставлен изумруд величиною с апельсин. А ведь этот камень, как утверждают Орфей в своей книге *De lapidibus*²⁷ и Плиний, *libro ultimo*²⁸, обладает способностью возбуждать и укреплять детородный член. Выступ на гульфике выдавался на полтора локтя, на самом гульфике были такие же прорезы, как на штанах, а равно и пышные буфы такого же голубого дамасского шелку. Глядя на искусное золотое шитье, на затейливое, ювелирной работы, плетенье, украшенное настоящими брильянтами, рубинами, бирюзой, изумрудами и персидским жемчугом, вы, уж верно, сравнили бы гульфик с прелестным рогом

²⁷ 27«О камнях» (лат.)

²⁸ 28В книге последней (лат.)

изобилия, который вам приходилось видеть на Древних изображениях и который подарила Рея двум нимфам, Адрастее и Иде, вскормившим Юпитера. Вечно влекущий, вечно цветущий, юностью дышащий, свежестью пышущий, влагу источающий, соками набухающий, оплодотворяющий, полный цветов, полный плодов, полный всякого рода утех, – вот как перед Богом говорю, до чего же приятно было на него смотреть! Более подробно, однако ж, я остановлюсь на этом в своей книге О достоинствах гульфиков. Полагаю, впрочем, нелишним заметить, что гульфик был не только длинен и широк, – внутри там тоже всего было вдоволь и в изобилии, так что он нимало не походил на лицемерные гульфики многих франтов, к великому прискорбию для женского сословия наполненные одним лишь ветром.

На башмаки Гаргантюа пошло четыреста шесть локтей ярко-голубого бархата. Бархат был аккуратно разрезан пополам, и две эти полосы сшиты в виде двух одинаковых цилиндров. На подошвы употребили тысячу сто коровьих шкур бурого цвета, а носки у башмаков были сделаны острые.

На камзол пошло тысяча восемьсот локтей ярко-синего бархата с вышитыми кругом прелестными веточками винограда, посредине же на нем красовались оплетенные золотыми кольцами и множеством жем-

чужин кружки из серебряной канители; в этом таился намек, что со временем из Гаргантюа выйдет изрядный пьянчуга.

Пояс ему сшили из трехсот с половиной локтей шелковистой саржи, наполовину белой, а наполовину, если не ошибаюсь, голубой.

Шпага у него была не валенсийская, а кинжал – не сарагосский, потому что его отец ненавидел всех этих пьяных идальго, эту помесь испанцев с окаянными нехристями; у него была отличная деревянная шпага и смазной кожи кинжал, раскрашенные и позолоченные, – словом, одно загляденье.

Кошелек его был сделан из слоновой мошонки, которую ему подарил гер Праконталь, ливийский проконсул. На его плащ пошло девять тысяч пятьсот девяносто девять и две трети локтей синего бархата, на котором по диагонали были вытканы золотые фигурки, так что стоило только выбрать надлежащий угол зрения – и получался непередаваемый перелив красок, как на шее у горлинки, и это необычайно радовало глаз.

На его шляпу пошло триста два с четвертью локтя белого бархата, и была она широкая и круглая, соответственно форме головы. Что касается тех напоминающих высокие хлебцы головных уборов, какие носит всякий омавританившийся сброд, то его отец гово-

рил, что они приносят несчастье своим бритолобым владельцам.

Плюмажем ему служило большое красивое голубое перо пеликана той породы, какая водится в диких местах Гиркайи; перо это очень мило свешивалось у него над правым ухом.

Его кокарда представляла собой золотую пластинку весом в шестьдесят восемь марок, а к дощечке была приделана эмалевая фигурка, изображавшая человека с двумя головами, повернутыми друг к другу, с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя задами, ибо, как говорит Платон в Пире, такова человеческая природа в ее изначальной мистической сущности. Вокруг этой фигуры было написано ионическими буквами:

Agame Ou Zetei Ta Eantes²⁹

На шее он носил золотую цепь весом в двадцать пять тысяч шестьдесят три золотые марки, причем ее звенья были сделаны в виде крупных ягод; между ними висели большие драконы из зеленой яшмы, а вокруг них все лучи и блески, лучи и блески, – такие драконы были когда-то у царя Нехепса; спускалась же эта цепь до самой подложечки, и пользу от сего, о ко-

²⁹ 29Любовь не ищет своей выгоды (греч.)

торой осведомлены греческие врачи, Гаргантюа ощущал всю свою жизнь.

Для его перчаток были употреблены в дело шестнадцать кож, снятых с упырей, а для опушки – три кожи, снятые с вурдалаков. Таково на сей предмет было предписание сенлуанских каббалистов.

Перстни у него были такие (отец хотел, чтобы он их носил ради восстановления этого старинного отличия знатных особ): на указательном пальце левой руки – карбункул величиною со страусово яйцо в весьма изящной оправе из чистого золота; на безымянном пальце той же руки – перстень из необыкновенного, дотоле не виданного сплава четырех металлов, в котором сталь не портила золота, а серебро не затмевало меди: то была работа капитана Шапюи и его почтенного поверенного Алькофрибаса. На безымянном пальце правой руки Гаргантюа носил перстень в виде спирали, и в него были вделаны превосходный бледно-красный рубин, остроконечный брильянт и физонский изумруд, коим не было цены. Ганс Карвель, великий ювелир царя Мелиндского, ценил их в шестьдесят девять миллионов восемьсот девяносто четыре тысячи восемнадцать «длинношерстных баранов», во столько же оценивали их и аугсбургские Фуггеры.

Глава IX.

Цвета одежды Гаргантюа

Цвета Гаргантюа, как вы знаете, были белый и голубой, – этим его отец хотел дать понять, что сын для него – радость, посланная с неба; надобно заметить, что белый цвет означал для него радость, удовольствие, усладу и веселье, голубой же – все, что имеет отношение к небу.

Я уверен, что, прочтя это место, вы посмеетесь над старым пьяницей и признаете подобное толкование цветов слишком плоским и вздорным; вы скажете, что белый цвет означает веру, а голубой – стойкость. Ну так возразите же мне, если хотите, но только спокойно, без раздражения, не волнуясь и не горячась (время-то у нас теперь уж больно опасное!). Ни вас, ни кого бы то ни было еще я уламывать не намерен; я хочу только, чтобы вы не забыли про бутылочку.

Чего вы волнуетесь? Чего вы на стену лезете? Кто вам внушил, что белый цвет означает веру, а голубой – стойкость? «Одна никем не читаемая и не почитаемая книга под названием Геральдика цветов, которую можно купить у офеней и книгонош», – скажете вы. А кто ее сочинил? Кто бы он ни был, он поступил благо-

разумно, не указав своего имени. Впрочем, не знаю, что в нем более достойно удивления – самомнение или глупость: может статься, самомнение, ибо он, не приводя никаких оснований, доводов и причин, опираясь только на свои собственные домыслы, осмелился предписать, как именно надлежит толковать цвета, – таков обычай тиранов, которые в противоположность людям мудрым и ученым, почитающим за нужное приводить веские доводы, стремятся к тому, чтобы здравый смысл уступил место их произволу; а может статься, глупость, ибо он воображает, что, не имея доказательств и достаточных оснований, а лишь следуя его ни с чем несообразным догадкам, люди станут сочинять себе девизы.

И точно (видно, правду говорит пословица: было бы корыто, а свиньи найдутся): он нашел каких-то допотопных простофиль, и вот эти-то простофили и поверили его писаниям; накроив по ним изречений и поучений, они разукрасили ими упряжь своих мулов и одежду слуг, разрисовали ими свои штаны, вышили их на перчатках, выткали на пологих, намалевали на гербах, вставили в песни и, что хуже всего, запятнали и бросили тень на доброе имя некоторых целомудренных матрон, а те об этом и не подозревали.

Вот до чего дошли эти придворные щеголи и суесловы! Если они избирают своим девизом веселье, то

велят изобразить весло; если кротость, то – крота; если печаль, то – печать; если рок, то – бараний рог; если лопнувший банк, то – лопнувшую банку; если балкон, то – коней на балу; если восторг, то – воз и торг. Все это такие нелепые, такие пошлые, такие вымученные и грубые омонимы, что всякому, кто теперь, после того как изящная словесность во Франции возродилась, станет их употреблять, следовало бы пришить к воротнику лисий хвост, а рожу вымазать коровьим калом.

Исходя из тех же самых домыслов (хотя, собственно, мысли-то никакой в этих домыслах и нет), я мог бы велеть нарисовать горчичницу в знак того, что я огорчен, розмарин – в знак того, что меня разморило, сказать, что ночной фиал – это все равно что официал, что задок моих штанов – это пук цветов, что мой гашник – это набалдашник, а что котяшок – это тот самый петушок, по которому вздыхает моя милашка.

Совершенно иначе в былые времена поступали египетские мудрецы, пользовавшиеся письменами, которые они называли иероглифами. В письменах этих никто ничего не понимал, понимали только те, которые понимали свойства, особенности и природу вещей, коих знаки они собой представляли, Гор-Аполлон написал о них по-гречески две книги, а еще подробнее на них остановился в Любовных сновидени-

ях Полифил. Во Франции нечто подобное вы найдете в девизе г-на Адмирала, который, в свою очередь, позаимствовал его у Октавиана Августа.

Однако плыть далее среди подобных пучин и мелей небезопасно – я возвращаюсь в ту гавань, откуда я вышел. Надеюсь когда-нибудь изложить все это обстоятельно и доказать как с помощью философских умозаключений, так и путем ссылок на признанные авторитеты древнего мира, сколь многочисленны и каковы суть цвета в природе и что каждым из них можно обозначить. Дай только Бог, чтобы с плеч моих не свалилась подставка для колпака или же, как говаривала моя бабушка, кувшин для вина.

Глава X.

О том, что означают белый и голубой цвета

Итак, белый цвет означает радость, усладу и веселье, и это не натяжка, это в точности соответствует действительности, в чем вы можете удостовериться, как скоро пожелаете, отрешившись от предубеждений, выслушать то, что я вам сейчас изложу.

Аристотель утверждает, что если мы возьмем понятия противоположные, как, например, добро и зло, добродетель и порок, холодное и горячее, белое и черное, блаженство и страдание, радость и горе и тому подобные, и будем соединять их попарно так, чтобы одно из противоположных понятий одной пары соответствовало по смыслу одному из противоположных понятий другой пары, то мы придем к заключению, что другое противоположное понятие первой пары согласуется с другим понятием смежной пары. Пример: добродетель и порок в пределах данной пары представляют собой понятия противоположные; таковы же суть добро и зло; если же первое понятие верхней пары соответствует первому понятию смежной пары, как, например, добродетель и добро, ибо

само собою разумеется, что добродетель хороша, так же точно будут соотноситься между собой и два других понятия, то есть зло и порок, ибо порок дурен.

Если вам этот логический вывод ясен, то возьмите два противоположных понятия: радость и печаль, затем еще два: белое и черное, ибо они противоположны по своим физическим свойствам; так вот, если черное означает горе то белое на том же самом основании означает радость.

Значения эти основаны не на произвольных толкованиях, принадлежащих отдельным лицам, – нет, таково общее мнение, именуемое на языке философов *jus gentium*³⁰, всеобщим законом, действующим повсеместно.

Вы отлично знаете, что все народы, все страны (за исключением древних сиракузцев и некоторых аргивян, страдавших извращенностью ума) и все языки, желая каким-либо внешним образом выразить свою печаль, носят черные одежды, ибо черный цвет есть цвет траурный. Этот обычай мог утвердиться повсеместно только потому, что сама природа дает ему объяснение и обоснование, которое каждый из нас может постигнуть самостоятельно, без посторонней помощи, и это мы и называем естественным правом.

По тому же внушению природы все условились счи-

³⁰ 30Право народов (лат.)

тать белый цвет знаком радости, веселья, удовольствия, наслаждения и блаженства.

В былые времена фракийцы и критяне отмечали счастливые и радостные дни белым камнем, печальные и несчастливые – черным.

Разве ночь не зловеща, не печальна и не уныла? А ведь она темна и мрачна. Разве вся природа не радуется свету? А ведь ничего нет белее его. В доказательство я мог бы сослаться на книгу Лоренцо Баллы, которую он написал против Бартола, но полагаю, что вас вполне удовлетворит свидетельство евангелиста: в гл. XVII от Матфея, где говорится о Преображении Господнем, мы читаем: *V estimenta ejus facta sunt alba sicut lux*, одежды его сделались белыми, как свет, по каковой ослепительной белизне три апостола составили себе понятие и представление о вечном блаженстве. Свету радуется всякое живое существо; вы, верно, помните эту старуху, – у нее не осталось во рту ни единого зуба, а она все твердила: *Vona lux!*³¹ А ослепший Товит (гл. V), отвечая на приветствие Рафаила, воскликнул: «Как могу я радоваться, если не вижу света небесного?» И тем же цветом ангелы выразили радость всей вселенной в день воскресения Христова (от Иоанна, гл. XX) и в день вознесения (Деяния, гл. 1). В таких же одеждах увидел всех верных

³¹ 31Милый свет! (лат.)

в небесном, блаженном граде Иерусалиме св. Иоанн Богослов (Апокалипсис, гл. IV и VII).

Прочтите древнюю историю, историю Греции, историю Рима. Вы узнаете, что город Альба-Лонга, прапращур Рима, был обязан своим происхождением белой свинье.

Вы узнаете, что у древних римлян был заведен такой порядок: победитель, коему предстояло с триумфом въехать в Рим, должен был восседать на колеснице, запряженной белыми конями; то же самое полагалось и при более скромном чествовании, ибо никакой другой знак или же цвет не мог ярче выразить радость по случаю прибытия триумфаторов, нежели белизна.

Вы узнаете, что Перикл, правитель афинский, отдал такое распоряжение: чтобы та часть его войска, коей по жребию достались белые бобы, целый день радовалась, веселилась и отдыхала, а другая часть сражалась. Количество примеров и ссылок я мог бы умножить, но здесь для этого не место.

Благодаря таковым познаниям вы сумеете разрешить проблему, которую Александр Афродисийский считал неразрешимой: «Почему лев, одним своим рыканием наводящий страх на всех животных, боится и чтит только белого петуха?» Оттого, как говорит Про-

кл в книге *De sacrificio et magia*³², что свойство солнца, источника и вместилища всего земного и небесного света, более подходит и подобает белому петуху, если принять в соображение его цвет, его особенности и повадки, чем льву. Еще он говорит, что бесы часто принимают обличье льва, меж тем как при виде белого петуха они внезапно исчезают. Вот почему *Galli*³³ (то есть французы, названные так потому, что они от рождения белы, как молоко, а молоко по-гречески *gala*) любят носить на шляпах белые перья, ибо по природе своей они жизнерадостны, простодушны, приветливы и всеми любимы, и гербом и эмблемой служит им белейший из всех цветов, а именно – лилия.

Если же вы спросите, каким образом природа дает нам понять, что белый цвет означает радость и веселье, то я вам отвечу, что аналогия и соответствие здесь таковы. Подобно тому как при взгляде на белое в глазах у человека все мелькает и ходит ходуном, оттого что белый цвет разлагает зрительные токи, о чем говорит в своих *Проблемах* Аристотель, и притупляет различительную способность (если вам случилось ходить по снежным горам, то вы должны были испытать это на себе, – вы начинали плохо видеть; Ксенофонт пишет, что так случилось с его во-

³² 32«О жертвоприношении и магии» (лат.)

³³ 33*Galli* (лат.) – петухи и галлы.

инами, об этом же подробно говорит Гален в кн. X, De usu partium) – так же точно сердце под влиянием радостного волнения ходит ходуном, вследствие чего начинается распад питающих его жизненных токов, и распад этот бывает иногда столь бурным, что сердце остается без всякой поддержки; таким образом, сильная радость может пресечь саму жизнь, на что указывает Гален в Method³⁴, книга XII, De locis affectis³⁵ и в De symptomaton causis³⁶, кн. II; а что такие случаи действительно имели место в древности, в этом нас убеждают Марк Туллий (см. Quaestio Tuscul.,³⁷кн. 1), Веррий, Аристотель, Тит Ливий (после битвы при Каннах), Плиний (кн. VII, гл. XXXII и LIII), А. Геллий (кн. III, XV и др.), а также Диагор Родосский, Хилон, Софокл, Дионисий, тиран Сицилийский, Филиппид, Филемон, Поликрат, Филистион, М. Ювенций и многие другие, умершие от радости, или же, как указывает Авиценна во II трактате Канона и в книге De viribus cordis³⁸, от шафрана, сильная доза которого так возбуждает человека, что он умирает от расширения и разрыва сердца. Об этом вы можете прочитать у Александра

³⁴ 34«О мето[де лечения]» (лат.)

³⁵ 35«О пораженных местах» (лат.)

³⁶ 36«О симптомах и причинах» (лат.)

³⁷ 37«Тускул[анские] беседы» (лат.)

³⁸ 38«О силах сердца» (лат.)

Афродисийского в его *Problematum*³⁹ (кн. 1, гл. XIX).
Что и требовалось доказать.

Впрочем, я увлекся и наговорил по этому поводу больше, чем предполагал вначале. Итак, я убираю паруса, dokonчу же я свое рассуждение в особой книге и докажу в немногих словах, что голубой цвет означает небо и все к нему относящееся и что связь символическая здесь та же, что и между белым цветом, с одной стороны, и радостью и наслаждением – с другой.

³⁹ 39«Проблемах» (лат.)

Глава XI.

О детстве Гаргантюа

В возрасте от трех до пяти лет Гаргантюа растили и воспитывали по всем правилам, ибо такова была воля его отца, и время он проводил, как все дети в том краю, а именно: пил, ел и спал; ел, спал и пил; спал, пил и ел.

Вечно валялся в грязи, пачкал нос, мазал лицо, стаптывал башмаки, ловил частенько мух и с увлечением гонялся за мотыльками, подвластными его отцу. Писал себе на башмаки, какал в штаны, утирал рукавом нос, сморкался в суп, шлепал по всем лужам, пил из туфли и имел обыкновение тереть себе живот корзинкой. Точил зубы о колодку, мыл руки похлебкой, расчесывал волосы стаканом, садился между двух стульев, укрывался мокрым мешком, запивал суп водой, как ему аукали, так он и откликался, кусался, когда смеялся, смеялся, когда кусался, частенько плевал в колодец, лопался от жира, нападал на своих, от дождя прятался в воде, ковал, когда остывало, ловил в небе журавля, прикидывался тихоней, драл козла, имел привычку бормотать себе под нос, возвращался к своим баранам, перескакивал из пятого в десятое, бил собаку в назидание льву, начинал не с того конца, обжегшись на молоке, дул на воду, выводывал всю подноготную, гонялся за двумя зайцами, любил, чтоб нынче было у него густо, а завтра

хоть бы и пусто, толк воду в ступе, сам себя щекотал под мышками, уплетал за обе щеки, жертвовал Богу, что не годилось ему самому, в будний день ударял в большой колокол и находил, что так и надо, целился в ворону, а попадал в корову, не плутал только в трех соснах, переливал из пустого в порожнее, скоблил бумагу, марал пергамент, задавал стрекача, куликал, не спросясь броду, совался в воду, оставался на бобах, полагал, что облака из молока, а луна из чугуна, с одного вола драл две шкуры, дурачком прикидывался, а в дураках оставлял других, прыгал выше носа, черпал воду решетом, клевал по зернышку, даровому коню неукоснительно смотрел в зубы, начинал за здоровье, а кончал за упокой, в бочку дегтя подливал ложку меду, хвост вытаскивал, а нос у него завязал в грязи, охранял луну от волков, считал, что если бы да кабы у него во рту росли бобы, то был бы не рот, а целый огород, по одежке протягивал ножки, всегда платил той же монетой, на все чихал с высокого дерева, каждое утро драл козла. Отцовы щенки лакали из его миски, а он ел с ними. Он кусал их за уши, а они ему царапали нос, он им дул в зад, а они его лизали в губы.

И знаете что, дети мои, чтоб вам допить до белой горячки? Этот маленький потаскун щупал своих нянек почем зря и вверху и внизу, и спереди и сзади и стал уже задавать работу своему гульфику. А няньки

ежедневно украшали его гульфик пышными букетами, пышными лентами, пышными цветами, пышными кистями и развлекались тем, что мяли его в руках, точно пластырь, свернутый в трубочку; когда же у гульфика ушки становились на макушке, няньки покатывались со смеху – видно было, что эта игра доставляла им немалое удовольствие.

Одна из них называла его втулочкой, другая – булавочкой, третья – коралловой веточкой, четвертая – пробочкой, пятая – затычеккой, коловоротиком, сверлышком, буравчиком, подвесочком, резвунчиком-попрыгунчиком, стоячком, красненькой колбаской, яичком-невеличком.

– Он мой, – говорила одна.

– Нет, мой, – говорила другая.

– А мне ничего? – говорила третья. – Ну так я его отрежу, ей-ей отрежу!

– Еще чего, отрезать! – говорила четвертая. – Да ведь ему больно будет! Кто же, сударыня, эти штучки детям отрезает? Хочешь, чтобы он бесхвостый вырос?

Сверстники Гаргантюа в тех краях играли в вертушки, и ему тоже смастерили для игры отличную вертушку из крыльев мирбалеиской ветряной мельницы.

**Глава XII.
Об игрушечных
лошадках Гаргантюа**

Потом, чтобы из него на всю жизнь вышел хороший наездник, ему сделали красивую большую деревянную лошадь, и он заставлял ее гарцевать, скакать, круто поворачивать, брыкаться, танцевать, и все это одновременно; ходить шагом, бегать рысью, сбитой рысью, галопом, иноходью, полугалопом, тропотом, по-верблюжьему и по-ослиному. Он заставлял ее менять масть, как иеродиаконы меняют в соответствии с праздниками стихари, и она у него была то гнедой, то рыжей, то серой в яблоках, то мышиной, то саврасой, то чалой, то соловой, то игреневой, то пегой, то буланой, то белой.

Сам Гаргантюа своими руками сделал себе из толстого бревна на колесах охотничью лошадь, из балки от давилного чана – коня на каждый день, а из цельного вяза – мула с попоной, для комнатных игр. Еще было у него около десятка лошадей для подставки и семь почтовых. И всех он укладывал с собой спать.

Однажды, в тот самый день, когда отца Гаргантюа посетили герцог де Лизоблюд и граф де Приживаль, в сопровождении пышной и блестящей свиты к нему приехал сеньор де Скупердяй. Откровенно говоря, помещение оказалось тесновато для такого множества гостей, а уж про конюшни и говорить нечего. По сему обстоятельству дворецкий и конюший вышеупомяну-

того сеньора де Скупердяй, желая узнать, нет ли где тут свободных стойл, обратились к маленькому Гаргантюа и спросили его украдкой, куда бы поставить строевых коней, ибо они были уверены, что уж ребенок-то им все выложит. Гаргантюа повел их по главной лестнице замка, а затем через вторую залу и широкую галерею они проникли в большую башню; когда же они стали подниматься еще выше, конюший сказал дворецкому:

– Обманул нас мальчонка: наверху конюшен не бывает.

– Ты ошибаешься, – возразил дворецкий, – мне точно известно, что в Лионе, Бамете, Шиноне и в других местах есть такие дома, где конюшни на самом верху. Наверно, где-нибудь сзади устроен особый выход для посадки. Впрочем, я его еще раз спрошу для верности.

И он обратился к Гаргантюа:

– Куда ты ведешь нас, малыш?

– В стойло, где мои строевые кони, – отвечал тот. – Это совсем близко отсюда: еще несколько ступенек, и все.

И тут он, пройдя еще одну большую залу, подвел их к своей комнате и, распахнув дверь, сказал:

– Вот она, конюшня. Это мой испанский жеребец, это мерин, это лаведанский жеребец, а это инохо-

дец. – С этими словами он протянул им здоровенную балку. – Дарю вам этого фризского скакуна, – объявил он. – Мне его пригнали из Франкфурта, но теперь он ваш. Это добрая лошадка, очень выносливая. Заведите себе еще кречета, пяток испанских легавых да пару борзых, и вы будете грозой всех зайцев и куро-патов.

– Святые угодники! – воскликнули те двое. – Вот тебе раз! Что ж ты, милый, дурака валял?

– Да разве я кого-нибудь из вас валял? – спросил Гаргантюа.

Посудите сами, как в сем случае надлежало поступить дворецкому и конюшему: сквозь землю провалиться от стыда или посмеяться над этим приключением? Когда же они в великом смущении стали спускаться с лестницы, Гаргантюа сказал:

– На приступочке песочек.

– Что такое? – спросили они.

– Откусите дерьма кусочек, – отвечал он.

– Если нынче нас кто-нибудь захочет вздуть, то это будет напрасный труд, – нас и без того порядком надули, заметил дворецкий. – Ах, малыш, малыш, славно провел ты нас за нос! Быть тебе когда-нибудь святейшим владыкою папой!

– Я сам так думаю, – заметил Гаргантюа. – Я буду святейшеством, а ты пустосвятом, а вот из этого сви-

ща тоже выйдет изрядный святоша.

– Все может быть, – заметил конюший.

– А вот теперь скажите, – продолжал Гаргантюа, – какого цвета хвост платья у моей матери?

– Про хвост я ничего не могу сказать, – отвечал конюший.

– Сам признался, что ты прохвост, – подхватил Гаргантюа.

– Как так? – спросил конюший.

– Так ли, не так ли, сунь себе в нос пакли, – отвечал Гаргантюа. – Кто слишком много такает, тому птичка в ротик какает.

– Господи помилуй, ну и собеседник нам попался! – воскликнул дворецкий. – Много лет тебе здравствовать, балагур ты этакий, – уж больно ты речист!

Спускаясь второпях с лестницы, дворецкий с конюшим уронили здоровенную балку, которой их нагрузил Гаргантюа.

– Какие же вы после этого наездники, черт бы вас побрал! – воскликнул Гаргантюа. – Вам только на клячах и ездить. Если бы вам предстояло путешествие в Каюзак, что бы вы предпочли: ехать верхом на гусенке или же свинью вести на веревочке?

– Я предпочитаю выпить, – сказал конюший.

Тут они вошли в одну из нижних зал и, застав там остальную компанию, рассказали ей об этом проис-

Шествии и чуть не уморили всех со смеху.

Глава XIII.

О том, как Грангузье распознал необыкновенный ум Гаргантюа, когда тот изобрел подтирку

К концу пятого года Грангузье, возвратившись после поражения канарийцев, навел своего сына Гаргантюа. Обрадовался он ему, как только мог обрадоваться такой отец при виде такого сына: он целовал его, обнимал и расспрашивал о всяких его ребячьих делах. Тут же он не упустил случая выпить с ним и с его няньками, поговорил с ними о том о сем, а затем стал подробно расспрашивать, соблюдают ли они в уходе за ребенком чистоту и опрятность. На это ему ответил Гаргантюа, что он сам завел такой порядок, благодаря которому он теперь самый чистый мальчик во всей стране.

– Как так? – спросил Грангузье.

– После долговременных и любопытных опытов я изобрел особый способ подтираться, – отвечал Гаргантюа, – самый, можно сказать, королевский, самый благородный, самый лучший и самый удобный из всех, какие я знаю.

– Что же это за способ? – осведомился Грангузье.

– Сейчас я вам расскажу, – отвечал Гаргантюа. – Как-то раз я подтерся бархатной полумаской одной из ваших притворных, то бишь придворных, дам и нашел, что это недурно, – прикосновение мягкой материи к заднепроходному отверстию доставило мне наслаждение неизъяснимое. В другой раз – шапочкой одной из помянутых дам, – ощущение было то же самое. Затем шейным платком. Затем атласными наушниками, но к ним, оказывается, была прицеплена уйма этих поганых золотых шариков, и они мне все седалище ободрали. Антонов огонь ему в зад, этому ювелиру, который их сделал, а заодно и придворной даме, которая их носила! Боль прошла только после того, как я подтерся шляпой пажа, украшенной перьями на швейцарский манер.

Затем как-то раз я присел под кустик и подтерся мартовской кошкой, попавшейся мне под руку, но она мне расцарапала своими когтями всю промежность.

Оправился я от этого только на другой день, после того как подтерся перчатками моей матери, надушенными этим несносным, то бишь росным, ладаном.

Подтирался я еще шалфеем, укропом, анисом, майораном, розами, тыквенной ботвой, свекольной ботвой, капустными и виноградными листьями, проскурняком, диванкой, от которой краснеет зад, ла-

туком, листьями шпината, – пользы мне от всего этого было, как от козла молока, – затем пролеской, бурьяном, крапивой, живокостью, но от этого у меня началось кровотечение, тогда я подтерся гульфиком, и это мне помогло.

Затем я подтирался простынями, одеялами, занавесками, подушками, скатертями, дорожками, тряпочками для пыли, салфетками, носовыми платками, пеньюарами. Все это доставляло мне больше удовольствия, нежели получает чесоточный, когда его скребут.

– Так, так, – сказал Грангузье, – какая, однако ж, подтирка, по-твоему, самая лучшая?

– Вот к этому-то я и веду, – отвечал Гаргантюа, – сейчас вы узнаете все досконально. Я подтирался сеном, соломой, паклей, волосом, шерстью, бумагой, но —

Кто подтирает зад бумагой,
Тот весь обрызган желтой влагой.

– Что я слышу? – воскликнул Грангузье. – Ах, озорник ты этакий! Тишком, тишком уже и до стишков добрался?

– А как же, ваше величество! – отвечал Гаргантюа. –

Понемножку кропаю, но только от стихоплетства у меня язык иной раз заплетается. Вот, не угодно ли послушать, какая надпись висит у нас в нужнике:

Харкун, Писун, Пачкун!
Не раз
Ты клал,
А кал
Стекал
На нас.
Валяй,
Воняй,
Но знай:
В антоновом огне сгорает,
Кто жир
Из дыр
В сортир,
Не подтираясь, низвергает.

Хотите еще?

– Очень даже хочу, – сказал Грангузье.

– Так вот, – продолжал Гаргантюа:

Рондо

Мой зад свой голос подает,
На зов природы отвечая.
Вокруг клубится вонь такая,
Что я зажал и нос и рот.
О, пусть в сей нужник та придет,
Кого я жду, опорожня
Мой зад!

Тогда я мочевого проход
Прочищу ей, от счастья тая;
Она ж, рукой меня лаская,
Перстом умелым подотрет
Мой зад.

Попробуйте теперь сказать, что я ничего не знаю!
Клянусь раками, это не я сочинил стихи, – я слышал,
как их читали одной важной даме, и они удержались
в охотничьей сумке моей памяти.

– Обратимся к предмету нашего разговора, – сказал
Грангузье.

– К какому? – спросил Гаргантюа. – К испражнениям?

– Нет, к подтирке, – отвечал Грангузье.

– А как вы насчет того, чтобы выставить бочонок бретонского, если я вас положу на обе лопатки?

– Выставлю, выставлю, – обещал Грангузье.

– Незачем подтираться, коли нет дерьма, – продолжал Гаргантюа. – А дерьма не бывает, если не покакаешь. Следственно, прежде надобно покакать, а потом уж подтереться.

– Ах, как ты здраво рассуждаешь, мой мальчик! – воскликнул Грангузье. – Ей-Богу, ты у меня в ближайшее же время выступишь на диспуте в Сорбонне, и тебе присудят докторскую степень – ты умен не по летам! Сделай милость, однако ж, продолжай подтиральное свое рассуждение. Клянусь бородой, я тебе выставлю не бочонок, а целых шестьдесят бочек доброго бретонского вина, каковое выделяется отнюдь не в Бретани, а в славном Верроне.

– Потом я еще подтирался, – продолжал Гаргантюа, – головной повязкой, думкой, тифлей, охотничьей сумкой, корзинкой, но все это была, доложу я вам, прескверная подтирка! Наконец шляпами. Надобно вам знать, что есть шляпы гладкие, есть шерстистые, есть ворсистые, есть шелковистые, есть атласистые. Лучше других шерстистые – кишечные из-

вержения отлично ими отчищаются.

Подтирался я еще курицей, петухом, цыпленком, телячьей шкуркой, зайцем, голубем, бакланом, адвокатским метком, капюшоном, чепцом, чучелом птицы.

В заключение, однако ж, я должен сказать следующее: лучшая в мире подтирка – это пушистый гусенок, уверяю вас, – только когда вы просовываете его себе между ног, то держите его за голову. Вашему отверстию в это время бывает необыкновенно приятно, во-первых, потому, что пух у гусенка нежный, а во-вторых, потому, что сам гусенок тепленький, и это тепло через задний проход и кишечник без труда проникает в область сердца и мозга. И напрасно вы думаете, будто всем своим блаженством в Елисейских полях герои и полубоги обязаны асфоделям, амброзии и нектару, как тут у нас болтают старухи. По-моему, все дело в том, что они подтираются гусятами, и таково мнение ученейшего Иоанна Скотта.

Глава XIV.

О том, как некий богослов обучал Гаргантюа латыни

Послушав такие речи и удостоверившись, что Гаргантюа отличается возвышенным складом ума и необычайной сметливостью, добряк Грангузье пришел в совершенный восторг. Он сказал его нянькам:

– Филипп, царь Македонский, понял, насколько умен его сын Александр, по тому, как ловко он правил конем. А ведь конь этот был лихой, с норовом, так что никто не решался на него сесть, – он сбрасывал всех: одному всаднику шею сломает, другому – ноги, этому голову проломит, тому челюсть вывихнет. Александр наблюдал за всем этим на ипподроме (так называлось то место, где вольтижировали и объезжали лошадей) и наконец пришел к заключению, что лошадь бесится от страха, а боится она своей же собственной тени. Тогда, вскочив на коня, он погнал его против солнца, так что тень падала сзади, и таким способом его приручил. И тут отец удостоверился, что у его сына воистину божественный разум, и взял ему в учителя не кого другого, как Аристотеля, которого тогда признавали за лучшего греческого философа. Я же ска-

жу вам, что один этот разговор, который я сейчас вел в вашем присутствии с сыном моим Гаргантюа, убеждает меня в том, что ум его заключает в себе нечто божественное, до того он остер, тонок, глубок и ясен; его надобно только обучить всем наукам, и он достигнет высшей степени мудрости. Того ради я намерен приставить к нему какого-нибудь ученого, и пусть ученый преподаст ему все, что только мой сын способен усвоить, а уж я ничего для этого не пожалею.

И точно: мальчику взяли в наставники великого богослова, магистра Тубала Олоферна, и магистр так хорошо сумел преподавать ему азбуку, что тот выучил ее наизусть в обратном порядке, для чего потребовалось пять лет и три месяца. Затем учитель прочел с ним Доната, Фацет, Теодоле и Параболы Алана, для чего потребовалось тринадцать лет, шесть месяцев и две недели.

Должно при этом заметить, что одновременно он учил Гаргантюа писать готическими буквами, и тот переписывал все свои учебники, ибо искусство книгопечатания тогда еще не было изобретено.

Большой письменный прибор, который обыкновенно приносил на уроки Гаргантюа, весил более семи тысяч квинталов, его пенал равнялся по величине и объему колоннам аббатства Эне, а чернильница висела на толстых железных цепях, вместимость же ее

равнялась вместимости бочки.

Далее Тубал Олоферн прочел с ним *De modis significandi*⁴⁰ с комментариями Пустомелиуса, Оболтуса, Прудпруды, Галео, Жана Теленка, Грошемуцена и пропасть других, для чего потребовалось восемнадцать лет и одиннадцать с лишним месяцев. И все это Гаргантюа так хорошо усвоил, что на экзамене сумел ответить все наизусть в обратном порядке и доказал матери как дважды два, что *De modis significandi pop erat scientia*⁴¹.

Далее Тубал Олоферн прочел с ним Календарь, для чего потребовалось верных шестнадцать лет и два месяца, и тут означенный наставник скончался:

В год тысяча четыреста двадцатый
От люэса, что он поймал когда-то.

Его сменил еще один старый хрен, магистр Дурако Простофиль, и тот прочел с ним Гугуция, Греческий язык Эберара, Доктринал, Части речи. *Quid est, Supplementum, Бестолкования, De moribus in mensa servandis, De quatuor virtulibus cardinalibus* Сенеки,

⁴⁰ 40«О способах обозначения» (лат.)

⁴¹ 41«О способах обозначения» не есть наука (лат.)

Пассаванти cum commento, в праздничные дни Dormi secure и еще кое-что в этом же роде, отчего Гаргантюа так поумнел, что уж нам с вами никак бы за ним не угнаться.

Глава XV.

О том, как Гаргантюа был поручен заботам других воспитателей

Между тем отец стал замечать, что сын его, точно, оказывает большие успехи, что от книг его не оторвешь, но что впрок это ему не идет и что к довершению всего он глупеет, тупеет и час от часу становится рассеянное и бестолковое.

Грангузье пожаловался на это дону Филиппу де Марре, вице-королю Папелигосскому, и услышал в ответ, что лучше совсем ничему не учиться, чем учиться по таким книгам под руководством таких наставников, ибо их наука – бредни, а их мудрость – напыщенный вздор, сбивающий с толку лучшие, благороднейшие умы и губящий цвет юношества.

– Коли на то пошло, – сказал вице-король, – пригласите к себе кого-нибудь из нынешних молодых людей, проучившихся года два, не больше. И вот если он уступит вашему сыну по части здравомыслия, красноречия, находчивости, обходительности и благовоспитанности, можете считать меня последним вралем.

Грангузье эта мысль привела в восхищение, и он изъявил свое согласие.

Вечером, явившись к ужину, вышеназванный де Маре привел с собой одного из юных своих пажей, Эвдемона из Вильгонжи, аккуратно причесанного, нарядного, чистенького, вежливого, скорее похожего на ангелочка, чем на мальчика, и, обратясь к Грангузье, сказал:

– Посмотрите на этого отрока. Ему еще нет двенадцати. Давайте удостоверимся, кто больше знает: старые празднословы или же современные молодые люди.

Грангузье согласился произвести этот опыт и велел пажу начинать. Тогда Эвдемон испросил дозволения у своего господина, вице-короля, встал и, держа шляпу в руках, устремив на Гаргантюа свой честный и уверенный взгляд и раскрыв румяные уста, с юношескою скромностью принялся славить его и превозносить: во-первых, за его добродетели и благонравие, во-вторых, за ученость, в-третьих, за благородство, в-четвертых, за телесную красоту, а засим стал в самых мягких выражениях убеждать его относиться к отцу с особым почтением за то, что отец, мол, сделал все от себя зависящее, чтобы дать сыну наилучшее образование. Под конец он обратился к Гаргантюа с просьбой считать его своим преданнейшим слу-

гою, ибо сейчас он, Эвдемон, просит Небо только об одной, дескать, милости: с Божьей помощью чем-либо угодить Гаргантюа и оказать ему какую-либо важную услугу. Вся эта речь была произнесена внятно и громогласно на прекрасном латинском языке, весьма изысканным слогом, скорее напоминавшим слог доброго старого Гракха, Цицерона или же Эмилия, чем современного юнца, и сопровождалась подобающими движениями.

Гаргантюа же вместо ответа заревел как корова и уткнулся носом в шляпу, и в эту минуту он был так же способен произнести речь, как дохлый осел – пукнуть.

Грангузье до того взбеленился, что чуть было не убил на месте магистра Дурако. Однако вышеупомянутый де Маре обратился к нему с красноречивым увещанием, и гнев Грангузье утих. Он велел уплатить наставнику жалованье, напоить его по-богословски, а затем отправить ко всем чертям.

– Эх, хоть бы он нынче нализался, как англичанин, и окошел, – примолвил Грангузье, – тогда бы уж нам ничего не нужно было ему платить!

Когда магистр Дурако удалился, Грангузье спросил у вице-короля, кого бы он посоветовал взять в наставники Гаргантюа, и тут между ними было условлено, что эти обязанности примет на себя Понократ, воспитатель Эвдемона, и что они все вместе отправятся в

Париж, дабы ознакомиться с тем, как там теперь поставлено обучение французских юношей.

Глава XVI.

О том, как Гаргантюа был отправлен в Париж, на какой громадной кобыле он ехал и как она уничтожила босских оводов

В это самое время Файоль, четвертый царь Нумидийский, прислал Грангузье из Африки самую огромную и высоченную кобылу; какую когда-либо видел свет, поистине чудо из чудес (вы же знаете, что в Африке все – необыкновенное): величиною она была с шесть слонов, на ногах у нее были пальцы, как у лошади Юлия Цезаря, уши длинные, как у лангедокских коз, а на заду торчал маленький рог. Масти она была рыжей с подпалинами и в серых яблоках. Но особенно страшен был у нее хвост: он был точь-в-точь такой толщины, как столп св. Марса, близ Ланже, и такой же четырехугольный, с пучками волос, торчавшими во все стороны, ни дать ни взять как хлебные колосья.

Если вас это удивляет, то еще более удивительными вам должны были бы показаться хвосты скифских баранов, весившие более тридцати фунтов, или же баранов сирийских, к крупу которых (если верить Тенно) приходится прилаживать особые тележки для хвоста, – до того он у них длинный и тяжелый. А вот у вас, потаскуны несчастные, таких хвостов нет!

Итак, кобыла была доставлена морем, на трех карраках и одной бригантине, в гавань Олонн, что в Тальмондуа.

При виде ее Грангузье воскликнул:

– Вот и хорошо! На ней мой сын отправится в Па-

риж. Все пойдет как по маслу, ей-богу! Со временем из него выйдет знаменитый ученый. Ученье, как говорится, – тьма, а неученье – свет.

На другой день Гаргантюа, его наставник Понократ со своими слугами, а также юный паж Эвдемон выпили на дорожку как полагается и тронулись в путь. День выдался солнечный и погожий, а потому Грангузье распорядился, чтобы Гаргантюа надели желтые сапоги, – Бабен именует их полусапожками.

Во все продолжение пути они нимало не скучали и до самого Орлеана все подкреплялись и подкреплялись. Далее путь их лежал через дремучий лес в тридцать пять миль длиной и семнадцать шириной или около того. В этом лесу была тьма-тьмущая оводов и слепней, представлявших собой истинный бич для несчастных кобылиц, ослов и коней. Но кобыла Гаргантюа честно отомстила за зло, причиненное всей ее родне, применив для этого способ, дотоле никому не приходивший в голову. Как скоро они въехали в указанный лес и на них напали слепни, кобыла привела в действие свой хвост и, начав им размахивать, смахнула не только слепней, но вместе с ними и весь лес. Вдоль, поперек, там, сям, с той стороны, с этой, в длину, в ширину, снизу вверх, сверху вниз она косила деревья, как косарь траву. Словом, не осталось ни леса, ни слепней, – одно ровное поле, и ничего больше.

Гаргантюа это доставило видимое удовольствие, однако ж он не возгордился, – он только сказал своим спутникам:

– Ну, теперь здесь всякому гнусу – тубо-с!

И с той поры край этот стал называться Бос.

Что же касается закусочки, то путники блохой закусили и больше не просили. И в память этого босские дворяне до сего времени закусывают блохой, да еще и похваляют, да еще и облизываются.

Наконец путники прибыли в Париж, и денька два после этого Гаргантюа отдыхал, пировал со своими друзьями-приятелями и всех расспрашивал, какие тут есть ученые и какому вину в этом городе отдают предпочтение.

Глава XVII.

О том, как Гаргантюа отплатил парижанам за оказанный ему прием и как он унес большие колокола с Собора Богоматери

Отдохнув несколько дней, Гаргантюа пошел осматривать город, и все глазели на него с великим изумлением: должно заметить, что в Париже живут такие олухи, тупицы и зеваки, что любой фигляр, торговец реликвиями, мул с бубенцами или же уличный музыкант соберут здесь больше народа, нежели хороший проповедник.

И так неотступно они его преследовали, что он вынужден был усесться на башни Собора Богоматери. Посиживая на башнях и видя, сколько внизу собралось народа, он объявил во всеуслышание:

– Должно полагать, эти протобестии ждут, чтобы я уплатил им за въезд и за прием. Добро! С кем угодно готов держать пари, что я их сейчас попотчую вином, но только для смеха.

С этими словами он, посмеиваясь, отстегнул свой несравненный гульффик, извлек оттуда нечто и столь обильно оросил собравшихся, что двести шестьдесят тысяч четыреста восемнадцать человек утонули, не считая женщин и детей.

Лишь немногим благодаря проворству ног удалось спастись от наводнения; когда же они очутились в верхней части Университетского квартала, то, обливаясь потом, откашливаясь, отплеываясь, отдуваясь, начали клясться и божиться, иные – в гневе, иные –

со смехом:

– Клянусь язвами исподними, истинный рог, отсохни у меня что хочешь, клянусь раками, по *cab de bious*, *das dich Gots leiden shend*, *pate de Christo*⁴², клянусь чревом святого Кене, ей-же-ей, клянусь святым Фиаком Брийским, святым Треньяном, свидетель мне – святой Тибо, клянусь Господней Пасхой, клянусь Рождеством, пусть меня черт возьмет, клянусь святой Сосиской, святым Хродегангом, которого побили печеными яблоками, святым апостолом Препохабием, святым Удом, святой угодницей Милашкой, ну и оказал же он нас, ну и пари ж он придумал для смеха!

Так с тех пор и называли этот город – Париж, а прежде, как утверждает в кн. IV Страбон, он назывался Левкецией, что по-гречески означает Белянка, по причине особой белизны бедер у местных дам. А так как все, кто присутствовал при переименовании города, не оставили в покое святых своего прихода, ибо парижане, народ разношерстный и разнокалиберный, по природе своей не только отменные законники, но и отменные похабники, отличающиеся к тому же некоторой заносчивостью, то это дало основание Иоаннису де Барранко в книге *De copiositate reverentiarum*⁴³

⁴² 42Голова Господня! (гасконск.); страсти Господни, стыда в тебе нет (нем.); голова Христова (итал.)

⁴³ 43«О благоговении, в изобилии питаемом» (лат.)

утверждать, что слово парижане происходит от греческого паррезияне, то есть невоздержные на язык.

Засим Гаргантюа осмотрел большие колокола, висевшие на соборных башнях, и весьма мелодично в них зазвонил. Тут ему пришло в голову, что они с успехом могли бы заменить бубенцы на шее у его кобылы, каковую он собирался отправить к отцу с немалым грузом сыра бри и свежих сельдей, а посему он унес колокола к себе.

Тем временем в Париж прибыл на предмет сбора свинины ветчинный командор ордена св. Антония. Он тоже намеревался потихоньку унести колокола, чтобы издали было слышно, что едет командор, и чтобы свиное сало в кладовых заранее дрожало от страха, что его заберут; но, будучи человеком честным, он все же их не похитил, и не потому, чтобы они жгли ему руки, а потому, что они были слегка тяжеловаты.

Не следует, однако, смешивать этого командора с командором бургским, близким моим другом.

Весь город пришел в волнение, а ведь вам известно, какие здесь живут смутьяны: недаром иностранцы удивляются долготерпению, а вернее сказать, тупоумию французских королей, которые, видя, что каждый день от этого происходят беспорядки, не прибегают к крайним мерам для того, чтобы их прекратить. Эх, если б я только знал, где находится гнездо этих

еретиков и заговорщиков, я бы их обличил перед лицом всех братств моего прихода!

Так вот, изволите ли видеть, толпа, ошалев и всполошившись, бросилась к Сорбонне, где находился в то время (теперь его уже нет) оракул Левкеции. Ему изложили суть дела и перечислили проистекающие из похищения колоколов неудобства. После того, как были взвешены все pro и contra⁴⁴ по фигуре Baralipton, было решено послать к Гаргантюа старейшего и достойнейшего представителя богословского факультета, дабы указать ему на крайние неудобства, сопряженные с потерей колоколов. И, несмотря на возражения со стороны некоторых деятелей университета, доказывавших, что подобное поручение более приличествует ритору, нежели богослову, выбор пал на высокочтимого магистра Ианотуса де Брагмардо.

⁴⁴ 443а и против (лат.)

Глава XVIII.

О том, как Ианотус де Брагмардо был послан к Гаргантюа, чтобы получить у него обратно большие колокола

Магистр Ианотус, причесавшись под Юлия Цезаря, надев на голову богословскую шапочку, вволю накушавшись пирожков с вареньем и запив святой водицей из погреба, отправился к Гаргантюа, причем впереди выступали три краснорожих пристава, которые если уж пристанут, так от них не отвяжешься, а замыкали шествие человек пять не весьма казистых магистров наук, все до одного грязнее грязи.

У входа их встретил Понократ, и вид этих людей привел его в ужас; наконец он решил, что это ряженные, и обратился к одному из вышеупомянутых неказистых магистров с вопросом, что сей маскарад означает. Тот ответил, что они просят вернуть колокола.

Услышав такие речи, Понократ поспешил предупредить Гаргантюа, чтобы он знал, что ему отвечать, и чтобы он незамедлительно принял решение. Получив таковые сведения, Гаргантюа отозвал в сторону Поно-

крата, своего наставника, Филотомия, своего дворецкого, Гимнаста, своего конюшего, и, наконец, Эвдемона и попросил у них у всех совета, что ему делать и что отвечать. Все сошлись на том, что гостей должно препроводить в буфетную и напоить их по-богословски, а дабы старый хрен не кичился тем, что колокола возвращены благодаря его настояниям, решили послать, пока он будет тут бражничать, за префектом города, ректором факультета и викарным епископом и передать им колокола прежде, нежели богослов успеет изложить свою просьбу. Далее решено было предоставить ученому мужу возможность произнести в присутствии вышеуказанных лиц его блестящую речь.

И точно: когда все собрались, богослова ввели в переполненную залу, и он, откашлявшись, начал так.

Глава XIX.

Речь магистра Ианотуса де Брагмардо, в которой он обращается к Гаргантюа с просьбой вернуть колокола

– Ках, ках, кха! Мпа dies⁴⁵, милостивый государь, тпа dies, el vobis⁴⁶, милостивые государи! Как бы это было хорошо, если б вы вернули нам колокола, ибо мы испытываем в них крайнюю необходимость! Кхе, кхе, кха! Много лет тому назад мы не отдали их за большие деньги кагорским лондонцам, равно как и брийским бордосцам, коих пленили субстанциональные достоинства их элементарной комплекции, укореневающиеся в земнородности их квиддитативной природы и порождающие способность разгонять лунный гало и предохранять от стихийных бедствий наши виноградники, то есть, собственно говоря, не наши, но окрестные, а ведь если мы лишимся крепких напитков, то мы утратим и все наше имение, и все на-

⁴⁵ 45Добрый день (лат.)

⁴⁶ 46Добрый день, и вам также (лат.)

ше разумение.

Если вы исполните мою просьбу, то я заработаю десять пядей сосисок и отличные штаны, в которых будет очень удобно моим ногам, в противном же случае пославшие меня окажутся обманщиками. А ей-богу, domine⁴⁷, хорошая вещь – штаны, et vir sapiens поп abhorrebit eam!⁴⁸ Ах! Ах! Не у всякого есть штаны, это я хорошо знаю по себе! Примите в соображение, domine, что я восемнадцать дней испальцовывал эту блестящую мухоморительную речь. Reddite quo sunt Cesaris Cesari, et que sunt Dei Deo. Ibi jacet lepus⁴⁹.

По чести, domine, если вы желаете отужинать со мной in camera, черт побери, charitatis, nos faciemus bonum cherubin. Ego occidi unum porcum, et ego habet bon vino.⁵⁰ А из доброго vini не сделать дурной латыни.

Итак, de parte Dei, date nobis clochas nostras⁵¹. Послушайте, я вам подарю на память от всего нашего

⁴⁷ 47Господин мой (лат.)

⁴⁸ 48И человек мудрый ею не погнушается! (лат.)

⁴⁹ 49Воздайте кесарево кесарю, а Богу богово. Вот где зарыта собака (лат.)

⁵⁰ 50В храмине, черт побери, милосердия мы славно подзаправимся. Я заколол свинку, найдется у меня и доброе винцо (средневековая латынь – испорченная, так называемая «кухонная» или нарочито искажаемая, макароническая).

⁵¹ 51Бога ради, отдайте нам наши колокола (средневеков. лат.)

факультета sermones de Utino, utinam⁵² вы нам отдали наши колокола. Viiltis etiam pardonos? Per Diem, vos habebitis et nihil poyabitis⁵³.

О милостивый государь, o domine, clochidonnaminor nobis!⁵⁴ Ведь это est bonum urbis⁵⁵. В них нуждаются все поголовно. Если вашей кобыле от них польза, следственно и нашему факультету, que comparata esi jumentis insipientibas et similis facta est eis psalmo nescio quo⁵⁶, – это у меня где-то записано на клочке, – et est unum bonum Achilles⁵⁷. Кихи, каха, кха!

Вот я вам сейчас докажу, что вы должны мне вернуть их! Ego sic argumentor:

Omnis clocha clochabilis, in clocherio clochando, clochans clochotivo clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas. Ergo glus⁵⁸.

⁵² 52Проповеди Удины, лишь бы только (средневеков. лат.)

⁵³ 53Вам нужны отпущения? Ей-же-ей, вы их получите, и к тому же безвозмездно (средневеков. лат.)

⁵⁴ 54Господин, ококолодетельствуй нас! (средневеков. лат.)

⁵⁵ 55Достояние города (лат.)

⁵⁶ 56Каковой уподоблен был скотам неразумным и сравнился с ними, смотри псалом, не знаю какой (лат.)

⁵⁷ 57Это Ахилл на славу (средневеков. лат.)

⁵⁸ 58Я рассуждаю следующим образом: всякий колокол колокольный, на колокольне колокольствующий, колоколя колоколительно, колоколение вызывает у колокольствующих колокольственное. В Париже имеются колокола. Что и требовалось доказать (средневеков. лат.)

Ха-ха-ха! Недурно сказано! Точь-в-точь in tertio prime⁵⁹, по Darii⁶⁰ или какому-то еще. Истинный Бог, когда-то я мастер был рассуждать, а теперь вот могу только дичь пороть, и ничего мне больше не нужно, кроме доброго вина и мягкой постели. Спину поближе к огню, брюхо поближе к столу, да чтобы миска была до краев!

Ах, domine, прошу вас in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti amen⁶¹, верните нам колокола, и да хранят вас от всех болезней и здравия да ниспошлют вам Господь Бог и Царица Небесная, qui vivit et regnat per omnia secula seculorum, amen!⁶² Кихи, каха, кихи, каха, кххха!

Verum enim vero, quando quidem, dubio procul, edepol, quoniam, ita certe, meus Deus fidus⁶³, город без колоколов – все равно что слепец без клюки, осел без пахвей, корова без бубенчиков. Пока вы нам их не вернете, мы будем звать к вам, как слепец, потерявший клюку, верещать, как осел без Пилвей, и реветь, как корова без бубенчиков.

⁵⁹ 59По третьему модусу первой фигуры (лат.)

⁶⁰ 60Название этого модуса. – Ред.

⁶¹ 61Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь! (лат.)

⁶² 62Его же царствию не будет конца, аминь! (лат.)

⁶³ 63Но, однако же, поелику, без сомнения, клянусь Поллуксом, коль скоро, во всяком случае, Бог свидетель (лат.)

Некий латинист, проживающий недалеко от больницы, однажды, процитировав светского поэта Балдана, – то есть, виноват, Понтануса, – изъявил желание, чтобы самые колокола были сделаны из перьев, а языки – из лисьих хвостов, иначе, мол, у него от них мозговая колика начинается, когда он плетет свои стихообразные вирши. Но за это самое, туки-тук, туки-тук, лясь, хрясь, вверх тормашки, кувырком, его у нас объявили еретиком, – ведь мы еретиков, как блины, печем. А засим, как говорится: «Свидетель, вы свободны!» *Valele et plaudite. Calepinus recensui*⁶⁴.

⁶⁴ 64Прощайте и хлопайте. Я, Калепино, проверку окончил (лат.)

Глава XX.

О том, как богослов унес свое сукно и как у него началась тяжба с другими сорбоннистами

Когда богослов окончил свою речь, Понократ и Эвдемон залились таким неудержимым хохотом, что чуть было не отдали Богу душу, – точь-в-точь как Краесе при виде осла, глотавшего репейники, или Филемон, который умер от смеха при виде осла, пожиравшего фиги, приготовленные к обеду. Глядя на них, захохотал и магистр Ианотус, – причем неизвестно, кто смеялся громче, – так что в конце концов на глазах у всех выступили слезы, ибо от сильного сотрясения мозговое вещество отжало слезную жидкость, и она притекла к глазным нервам. Таким образом, они изобразили собой гераклитствующего Демокрита и демокритствующего Гераклита.

Когда же все вволю насмеялись, Гаргантюа обратился за советом к своим приближенным, как ему поступить. Понократ высказал мнение, что блестящего оратора следует еще раз напоить и, ввиду того что он их развлек и насмешил почище самого Сонжеккре,

выдать ему десять пядей сосисок, упомянутых в его игривой речи, штаны, триста больших поленьев, двадцать пять бочек вина, постель с тремя перинами гусяного пера и весьма объемистую и глубокую миску, – словом, все, в чем, по его словам, он на старости лет нуждался.

Все это и было ему выдано, за исключением штанов, ибо Гаргантюа усомнился, чтобы так, сразу, можно было найти оратору подходящего размера штаны; к тому же Гаргантюа не знал, какой фасон приличествует магистру: с форточкой ли наподобие подъемного и опускаемого моста, которая упрощает заднюю часть отправление естественной потребности, морской ли фасон, упрощающий мочеиспускание, швейцарский ли, чтобы пузу было теплее, или же с прорезами, чтобы не жарко было пояснице; а потому он велел вместо штанов выдать оратору семь локтей черного сукна и три локтя белой материи на подкладку. Дрова отнесли ему на дом носильщики; сосиски и миску понесли магистры наук; сукно пожелал нести сам магистр Ианотус. Один из помянутых магистров, по имени Жус Бандуй, заметил, что богослову это не пристало и не подобает, а посему пусть, мол, он передаст сукно кому-нибудь из них.

– Ах ты, ослина, ослина! – воскликнул Ианотус. – Не

умеешь ты выводить заключения *in modo et figura*⁶⁵. Не пошли тебе, видно, впрок Предположения а *Parva logicalia! Panus pro quo supponit?*⁶⁶

– *Confuse et distributive*⁶⁷. – отвечал Бандуй. – Я тебя не спрашиваю, ослина, *quo modo supponit*, но *pro quo*⁶⁸. Ясно, ослина, что *pro tibiis meis*⁶⁹. Следственно, сукно понесу я, *egomet, sicut suppositum portat adpositum*⁷⁰. И он понес его крадучись, как Патлен. Однако на этом дело не кончилось: старый хрен еще раз торжественно потребовал штаны и сосиски на пленарном заседании в Сорбонне, но ему было в этом решительно отказано на том основании, что, по имеющимся сведениям, он уже все получил от Гаргантюа. Магистр Ианртус возразил, что то было сделано *gratis*⁷¹ благодаря щедрости Гаргантюа, каковая-де не освобождает сорбонников от исполнения данных обещаний. Со всем тем ему было сказано, что с ним рассчитались по справедливости и больше он ни шиша не получит.

⁶⁵ 65По модусу и фигуре (лат.)

⁶⁶ 66Малые логикалии! Сукно к чему приложимо? (лат.)

⁶⁷ 67Бессистемно и к разным лицам (лат.)

⁶⁸ 68Каким образом приложимо, но к чему (лат.)

⁶⁹ 69К моим голням (лат.)

⁷⁰ 70Я сам, подобно тому как субстанция несет акциденцию (лат.)

⁷¹ 71Бескорыстно (лат.)

– По справедливости? – возопил Ианотус. – Да у вас тут ею и не пахнет. Ах, подлецы вы этакие, дрянь паршивая! Свет еще не видел таких мерзавцев, как вы. Уж я-то знаю вас как свои пять пальцев, – чего же вы припадаете на ногу перед хромым? Ведь я делал всякие пакости вместе с вами. Вот, отсохни у меня селезенка, донесу я уже королю о тех страшных беззакониях, которые вы здесь замышляете и творите, и пусть на меня нападет проказа, если он не велит всех вас сжечь живьем, как мужеложцев, злодеев, еретиков и соблазнительей, отверженных самим Богом и добродетелью!

За эти слова его привлекли к суду, но он добился отсрочки судебного разбирательства. В общем, тяжба затянулась и тянется доныне. По сему случаю сорбонники дали обет не мыться, а Ианотус и иже с ним дали обет не утирать носа до тех пор, пока не будет вынесен окончательный приговор.

Во исполнение данных обетов они и до сей поры пребывают грязными и сопливыми, ибо суд еще не раскумекал это дело до тонкости. Приговор последует в ближайшие греческие календы, иными словами, никогда не последует, – вы же знаете, что судьи сильнее самой природы и даже своих собственных законов. Так, например, согласно парижским кодексам един Бог властен продолжать что-либо до бесконечности.

Природа сама по себе не создает ничего бессмертного, ибо всему произведенному ею на свет она же сама полагает предел и конец: *omnia orta cadunt*⁷² и т. д. Но усилиями этих крючкотворов разбираемые ими тяжбы становятся бесконечными и бессмертными. Таким образом, они подтверждают справедливость изречения, принадлежащего Хилону Лакедемонянину и вошедшего в поговорку у дельфийцев: нищета – подруга тяжбы, а все тяжущиеся – нищие, ибо скорее настанет конец их жизни, нежели конец тому делу, которое они возбудили.

⁷² 72Все рожденное обречено гибели (лат.)

Глава XXI.

О том, чем занимался Гаргантюа по расписанию, составленному его учителями-сорбонниками

Спустя несколько дней по прибытии Гаргантюа в Париж колокола были водворены на место, и парижане в знак благодарности за этот великодушный поступок обратились к нему с предложением кормить и содержать его кобылицу, сколько он пожелает, к каковому предложению Гаргантюа отнесся весьма благосклонно, вследствие чего кобылицу отправили в Бьерский лес. Полагаю, впрочем, что теперь ее уже там нет.

После этого Гаргантюа возымел охоту со всем возможным прилежанием начать заниматься под руководством Понократа, но тот для начала велел ему следовать прежней методе: Понократу нужно было уяснить себе, каким способом за столь долгий срок бывшие наставники Гаргантюа ничего не сумели добиться и он вышел у них таким олухом, глупцом и неучем.

Время Гаргантюа было распределено таким обра-

зом, что просыпался он обыкновенно между восемью и девятью часами утра, независимо от того, светло на дворе или нет, – так ему предписали наставники-богословы, ссылавшиеся на слова Давида: *Vanum est vobis ante lucernam surgere*⁷³.

Некоторое время он для прилива животных токов болтал ногами, прыгал и валялся в постели, затем одевался глядя по времени года, причем особенной его любовью пользовался широкий и длинный плащ из плотной фризской ткани, подбитый лисьим мехом; потом причесывался альменовским гребнем, сиречь пятерней, ибо наставники твердили ему, что причесываться иначе, чиститься и мыться – это значит даром терять время, отведенное для земной жизни.

Засим он испражнялся, мочился, харкал, рыгал, пукал, зевал, плевал, кашлял, икал, чихал, сморкался, как архидьякон, и, наконец, завтракал, а на завтрак, чтобы ему не повредили ни сырость, ни сквозняк, подавались превосходные вареные потроха, жареное мясо, отменная ветчина, чудесная жареная козлятина и в большом количестве ломтики хлеба, смоченные в супе.

Понократ заметил, что, встав с постели, нужно сейчас же проделать некоторые упражнения, а не набрасываться на еду. Но Гаргантюа возразил:

⁷³ 73Напрасно вы до света встаете (лат.)

– Как? Разве я недостаточно упражняюсь? Прежде чем встать, я раз семь перевернусь с боку на бок. Неужели этого мало? Папа Александр по совету врача-еврея делал то же самое и назло завистникам дожил до самой своей смерти. Меня к этому приучили мои бывшие учителя, – они говорили, что завтрак хорошо действует на память, и по этой причине за завтраком, никого не дожидаясь, выпивали. Я от этого чувствую себя прекрасно и только с большим аппетитом ем. Магистр Тубал говорил мне, – а он здесь, в Париже, лучше всех сдал на лиценциата: дело, мол, не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы выбежать пораньше; так же точно, если человек хочет быть в добром здравье, то не следует пить, и пить, и пить бесперечь, как утка, – достаточно выпить с утра. Unde versus⁷⁴:

Беда с утра чуть свет вставать —
С утра полезней выпивать.

Плотно позавтракав, Гаргантюа шел в церковь, а за ним в огромной корзине несли толстый, засаленный, завернутый в мешок служебник, весивший вместе с

⁷⁴ 74Откуда стихи (лат.)

салом, застежками и пергаментом ни более, ни менее как одиннадцать квинталов шесть фунтов. В церкви Гаргантюа выстаивал от двадцати шести до тридцати месс. Тем временем подходил и его домашний священник, весь закутанный, похожий на хохлатую птицу, отлично умевший очищать свое дыхание изрядным количеством виноградного соку. Вместе с Гаргантюа он проборматовал все ектеньи и так старательно их вышелушивал, что зря не пропадало ни одного зерна.

Когда Гаргантюа выходил из церкви, ему подвозили на телеге, запряженной волами, груды четок св. Клавдия, причем каждая бусинка была величиною с человеческую голову, и, гуляя по монастырскому дворику, по галереям и по саду, Гаргантюа прочитывал столько молитв, сколько не могли бы прочитать шестнадцать отшельников.

Потом на какие-нибудь несчастные полчаса он утыкался в книгу, но, по выражению одного комика, «душа его была на кухне».

Далее, напрудив полный горшок, он садился обедать, а так как был он от природы флегматиком, то и начинал с нескольких десятков окороков, с копченых бычьих языков, икры, колбасы и других навинопозывающих закусок.

Тем временем четверо слуг один за другим непрерывно кидали ему в рот полные лопаты горчицы; за-

тем он, чтобы предотвратить раздражение почек, единым духом выпивал невесть сколько белого вина. После этого он ел мясо – какое именно, это зависело от времени года, ел сколько влезет и прекращал еду не прежде, чем у него начинало пучить живот.

Зато для питья никаких пределов и никаких правил не существовало, ибо он держался мнения, что границей и рубежом для пьющего является тот миг, когда пробковые стельки его туфель разбухнут на полфута.

Глава XXII.

Игры Гаргантюа

Затем Гаргантюа, еле ворочая языком, бормотал самый кончик благодарственной молитвы, выпивал разгонную и ковырял в зубах кабаньей костью, после чего начинал оживленно болтать со слугами. Слуги расстилали зеленое сукно и раскладывали видимо-невидимо карт, видимо-невидимо костей и пропасть шашечных досок. Гаргантюа играл:

в свои козыри, в шашки,
в четыре карты, в бабу,
в большой шлем, в *primus, secundus*,⁷⁵
в триумф, в ножик,
в пикардийку, в ключи,
в сто, в чет и нечет,
в несчастную, в решетку,
в плутни, в камушки,
в кто больше десяти, в шары,
в Тридцать одно, в башмак,
в триста, в сову,
в несчастного, в зайчонка,
в перевернутую карту, в тирлитантэн,

⁷⁵ 75Первый, второй (лат.)

в недовольного, в поросенок, вперед,
в ландскнехта, в сороку,
в кукушку, в рожки, рожки,
в пий-над-жок-фор, в бычка,
в марьяж, в совушку-сову,
в две карты, в засмейся, не хочу,
в тарок, в курочка, клюнь, клюнь,
в глик, в расковать осла,
в онеры, в но, пошел,
в мурр, в но, но,
в шахматы, в сажусь,
в лису, в жмурки,
в фишки, в дичка,
в коровы, в догонялки,
в белую дамку, в куманечек, дай мне твой мешочек,
в три кости, в кто взял, тот проиграл,
в ник-нок, в кожаный мяч,
в трик-трак, в пятнашки,
в марсельские фиги в где ветка?
в ищи вора, в сегодня пост,
в драть козла, в развилину дуба,
в продаем овес, в чехарду,
в раздувай уголек, в волчью стаю,
в прятки, в пукни в нос,
в судью живого и в Гильмен, подай копье, судью
мертвого, в качели,

в таскай утюги из печки, в тринадцатого,
в перепелов, в березку,
в щипки, в муху,
в грушу, в му-му, мой бычок,
в пимпомпэ в мнения,
в триори, в девять рук,
в круг, в шапифу,
в свинью, в мосты,
в живот на живот, в Колен бриде,
в кубики, в ворона,
в палочки, в кокантен,
в кружок, в Колен майяр,
в я здесь, в мирлимофль,
в фук, в сыщика,
в кегли, в жабу,
в вертуна, в костыль,
в колачик, в бильбоке,
в тронь навоз в ремесла,
в Анженар, в булавочки,
в шарик, в косточки,
в волан, в буку,
в разбей горшок, в щелчки,
в будь по-моему, в решето,
в палочку, в сеем овес,
в булавку, в обжору,
в хорька, в мельницу,

в бабки, в чур меня,
в замок, в прыжки,
в лунки в под зад коленкой,
в храпуна, в пахаря,
в волчок, в филина,
в монаха, в стук, стук лбами,
в волка, в мертвого зверя,
в челнок, в выше, выше, лесенка,
в величаем тебя, святой Косма, в дохлого поросенка,
в соленый зад, в растирай горчицу,
в голубка, в пикандо,
в прыг через вязанку, в ворона,
в прыг через кустик, в жаворонков,
в фигу, в журавля.

Вволю наигравшись, просеяв, провеяв и проведя свое время сквозь решето, Гаргантюа почитал за нужное немножко выпить, – не больше одиннадцати кувшинов зараз, – а потом сейчас же вытянуться на доброй скамейке или же на доброй мягкой постели да часика два поспать сном праведника.

Пробудившись, он некоторое время протирап глаза. Тут ему приносили холодного вина; пил он его с особым смаком.

Понократ пытался внушить ему, что пить прямо со сна вредно для здоровья.

– Но ведь так жили святые отцы, – возражал Гаргантюа. – Тем более сон у меня от природы какой-то соленый: во сне я словно все время ем ветчину.

Затем он нехотя принимался за уроки и прежде всего – за молитвы; запасшись четками, чтобы все было чин чином, он садился на старого мула, служившего уже девяти королям, и, бормоча себе под нос и покачивая головой, отправлялся вынуть из западни кролика.

По возвращении он заходил на кухню узнать, что жарится на вертеле.

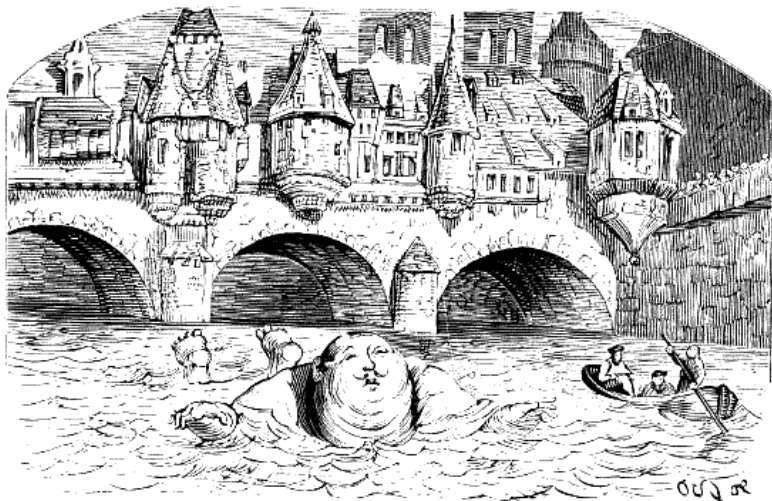
И ужинал он, – скажу вам по чистой совести, – отлично и часто приглашал к себе кое-кого из своих соседей, любителей выпить; и он от них не отставал, а они ему рассказывали небывальщины, и старые и новые. Домочадцами его были, между прочим, сеньоры дю Фу, де Гурвиль, де Гриньо и де Мариньи.

После ужина снова появлялись в большом количестве прекрасные деревянные евангелия, то есть шашечные доски; или дулись в свои козыри, перед тем же как разойтись – в банк, а не то так шли к девицам и по дороге туда и по дороге обратно выпивали и закусывали, выпивали и закусывали. Затем Гаргантюа спал восемь часов кряду.

Глава XXIII.

О методе, применявшейся Понократом, благодаря которой у Гаргантюа не пропадало зря ни одного часа

Увидев, какой неправильный образ жизни ведет Гаргантюа, Понократ решил обучить его наукам

иначе, однако ж на первых порах не нарушил заведенного порядка, ибо он полагал, что без сильного потрясения природа не терпит внезапных перемен. Чтобы у него лучше пошло дело, Понократ обратился к одному сведущему врачу того времени, магистру Теодору, с просьбой, не может ли он наставить Гаргантюа на путь истинный; магистр по всем правилам медицины дал Гаргантюа антикирской чемерицы и с помощью этого снадобья излечил его большой мозг и очистил от всякой скверны. Тем же самым способом Понократ заставил Гаргантюа забыть все, чему его научили прежние воспитатели, – так же точно поступал Тимофей с теми из своих учеников, которые прежде брали уроки у других музыкантов.

Чтобы вернее достигнуть своей цели, Понократ ввел Гаргантюа в общество местных ученых, соревнование с коими должно было поднять его дух и усилить в нем желание заниматься по-иному и отличиться.

Затем он составил план занятий таким образом, что Гаргантюа не терял зря ни часу: все его время уходило на приобретение полезных знаний.

Итак, вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, он должен был прослушать несколько страниц из Священного писания, которое ему читали громко и внятно, с особым выражением, для каковой цели был нанят юный паж по име-

ни Анагност, родом из Ваше. Содержание читаемых отрывков часто оказывало на Гаргантюа такое действие, что он проникался особым благоговением и любовью к Богу, славил Его и молился Ему, ибо Священное писание открывало перед ним Его величие и мудрость неизреченную.

Затем Гаргантюа отправлялся в одно место, дабы извергнуть из себя экскременты. Там наставник повторял с ним прочитанное и разъяснял все, что было ему непонятно и трудно.

На возвратном пути они наблюдали, в каком состоянии находится небесная сфера, такая ли она, как была вчера вечером, и определяли, под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце и под каким луна.

После этого Гаргантюа одевали, причесывали, завивали, наряжали, опрыскивали духами и в течение всего этого времени повторяли с ним заданные накануне уроки. Он отвечал их наизусть и тут же старался применить к каким-либо случаям из жизни; продолжалось это часа два-три и обыкновенно кончалось к тому времени, когда он был совсем одет.

Затем три часа он слушал чтение.

После этого выходили на воздух и, по дороге обсуждая содержание прочитанного, отправлялись ради гимнастических упражнений в Брак или же шли в луга и там играли в мяч, в лапту, в пиль тригон, столь

же искусно развивая телесные силы, как только что развивали силы духовные.

В играх этих не было ничего принудительного: они бросали партию когда хотели и обыкновенно прекращали игру чуть только, бывало, вспотеют или же утомятся. Сухо-насухо обтерев все тело, они меняли сорочки и гуляющей походкой шли узнать, не готов ли обед. В ожидании обеда они внятно и с выражением читали наизусть изречения, запомнившиеся им из сегодняшнего урока.

Наконец появлялся и господин Appetit, и все во благовремени садились за стол.

В начале обеда читалась вслух какая-нибудь занимательная повесть о славных делах старины, – читалась до тех пор, пока Гаргантюа не принимался за вино. Потом, если была охота, чтение продолжалось, а не то так завязывался веселый общий разговор; при этом в первые месяцы речь шла о свойствах, особенностях, полезности и происхождении всего, что подавалось на стол: хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, плодов, трав, корнеплодов, а равно и о том, как из них приготовляются кушанья. Попутно Гаргантюа выучил в короткий срок соответствующие места из Плиния, Афинейя, Диоскорида, Юлия Поллукса, Галена, Порфирия, Оппиака, Полибия, Гелиодора, Аристотеля, Элиана и других. Чтобы себя проверить, сотрапез-

ники часто во время таких бесед клали перед собой на стол книги вышепоименованных авторов. И все это с такой силой врезалось в память Гаргантюа и запечатлевалось в ней, что не было в то время врача, который знал хотя бы половину того, что знал он.

Далее разговор возвращался к утреннему уроку, а потом, закусив вареньем из айвы, Гаргантюа чистил себе зубы стволком мастикового дерева, ополаскивал руки и глаза холодной водой, после чего благодарил Бога в прекрасных песнопениях, прославлявших благоутробие его и милосердие. Затем приносились карты, но не для игры, а для всякого рода остроумных забав, основанных всецело на арифметике.

Благодаря этому Гаргантюа возымел особое пристрастие к числам, и каждый день после обеда и после ужина он с таким увлечением занимался арифметикой, с каким прежде играл в кости или же в карты. В конце концов он так хорошо усвоил ее теоретически и практически, что даже английский ученый Тунстал, коему принадлежит обширный труд, посвященный арифметике, принужден был сознаться, что по сравнению с Гаргантюа он, право, смыслит в ней столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, – Гаргантюа оказывал успехи и в других математических науках, как-то: в геометрии астрономии и музыке. В то время как их же-

лудки усваивали и переваривали пищу, они чертили множество забавных геометрических фигур, а заодно изучали астрономические за коны.

Потом они пели, разбившись на четыре или пять голосов, или же это было что-нибудь сольное, приятное для исполнения.

Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейте немецкой о девяти клапанах, на виоле и на тромбоне.

На подобные упражнения тратили около часа; за это время процесс пищеварения подходил к концу, и Гаргантюа шел облегчить желудок, а затем часа на три, если не больше, садился за главные свои занятия, то есть повторял утренний урок чтения, читал дальше и учился красиво и правильно писать буквы античные и новые римские.

По окончании занятий они выходили из дому вместе с конюшим Гимнастом, молодым туреньским дворянином, который давал Гаргантюа уроки верховой езды.

Сменив одежду, Гаргантюа садился на строевого коня, на тяжеловоза, на испанского или же на арабского скакуна, на быстроходную лошадь и то пускал коня во весь опор, то занимался вольтижировкой, заставлял коня перескакивать через канавы, брать ба-

рьеры или, круто поворачивая его то вправо, то влево, бегать по кругу.

При этом он ломал, – но только не копыя (что может быть глупее такого хвастовства: «Я сломал десять копий на турнире или же в бою», – да это сумеет сделать любой плотник!), – нет, честь и слава тому, кто одним копьем сломит десятерых врагов. Гаргантюа же своим копьем, крепким, негнущимся, со стальным наконечником, ломал ворота, пробивал панцири, валил деревья, поддевал на лету кольца, подхватывал седло, кольчугу, латную рукавицу. Все это он проделывал в полном вооружении.

Насчет того, чтобы погарцевать и, сидя верхом, показать разные фокусы, то тут ему не было равных. Сам феррарский вольтижер по сравнению с ним просто-напросто обезьяна. Особенно ловко перескакивал он с коня на коня – в мгновение ока и не касаясь земли (такие лошади назывались дезультуарными), в любую сторону, держа в руке копые; при этом в стремя он не ступал и, не прибегая к поводьям, направлял коня, куда ему только хотелось, что в военном искусстве имеет значение немаловажное.

В иные дни он упражнялся с алебардой: размахивал ею с такой силой и так стремительно, круговым движением, ее опускал, что все его стали почитать за настоящего рыцаря, рыцаря-воина и рыцаря турнир-

ного.

Кроме того, он владел пикой, эскадром для обеих рук, длинной шпагой, испанской шпагой, кинжалом широким и кинжалом узким; бился в кольчуге и без кольчуги, со щитом обыкновенным, со щитом круглым, завертывая руку в плащ.

Охотился он, верхом на коне, на оленей, козуюль, медведей, серн, кабанов, зайцев, куропаток, фазанов, дроф. Играл в большой мяч, подкидывая его ногой или же кулаком. Боролся, бегал, прыгал, но не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки, ибо Гимнаст находил, что эти виды прыжков бесполезны и не нужны на войне, — он перепрыгивал через канавы, перемахивал через изгороди, взбегал на шесть шагов вверх по стене и таким образом достигал окна, находившегося на высоте копья.

Плавал в глубоких местах на груди, на спине, на боку, двигая всеми членами или же одними ногами; с книгой в руке переплывал Сену, не замочив ни одной страницы, да еще, как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ. С помощью одной руки, ценою огромных усилий взбирался на корабль, а оттуда снова вниз головой бросался в воду, доставал дно, заплывал в расселины подводных скал, нырял в пучины и водовороты. Поворачивал судно, управлял им, вел его то быстро, то медленно, по течению, против течения, останавли-

вал судно посреди шлюза, одной рукой вел корабль, а Другой орудовал длинным веслом, ставил паруса, влезал по вантам на мачты, бегал по реям, устанавливал буссоль, поворачивал булинь против ветра, руль держал твердо.

Мгновенно выскочив из воды, взбежал на гору и потом так же легко сбегал, лазил по деревьям, как кошка, прыгал с одного на другое, как белка, ломал толстые сучья, как второй Милон. С помощью двух отточенных кинжалов и двух прочных шильев проворно, как крыса, взбирался на кровлю дома, а спускаясь, принимал такое положение, при котором падение не представляло для него опасности.

Метал дротик, железный брус, камень, копье, рогатину, алебарду; натягивал лук; один, без посторонней помощи, заводил осадный арбалет; прицеливался из пищали; ставил на лафет пушку; стрелял на стрельбище в картонную птицу, стрелял снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок и назад, как парфяне.

К высокой башне привязывался канат, спускавшийся до самой земли, и Гаргантюа взбирался по этому канату на руках, а затем спускался с такой быстротою и ловкостью, что вам так не проползти и по ровному лугу.

Между двумя деревьями клали толстую перекалину, и он, держась за нее руками, передвигался взад и

вперед, – ноги на весу, – да так быстро, что его и бегом невозможно было догнать.

Чтобы развить грудную клетку и легкие, он кричал, как сто чертей. Однажды я сам был свидетелем, как он, находясь у ворот св. Виктора, звал Эвдемона, и голос его был слышен на Монмартре. Даже голос Стенора во время битвы под Троей не достигал такой мощи.

Для того чтобы Гаргантюа укрепил себе сухожилия, ему отлили из свинца две громадные болванки в восемь тысяч семьсот квинталов весом каждая, – он их называл гирями; он поднимал их с полу и неподвижно держал над головою, по одной в каждой руке, три четверти часа, а то и больше, что обличало в нем силу непомерную.

В брусья он играл с первыми силачами; когда наступал его черед, он держался на ногах необычайно твердо и, как некогда Милон, уступал только наиболее отважным, кому удавалось сдвинуть его с места. В подражание тому же Милону он брал в руку гранат и вызывал желающих отнять у него этот плод.

После подобных занятий его растирали, чистили, меняли на нем одежду, и он не спеша возвращался домой; если же он шел по лугу или по какому-либо обильному травною месту, то рассматривал деревья и растения и сравнивал их с тем, что о них писали древ-

ние ученые, как, например, Теофраст, Диоскорид, Марин, Плиний, Никандр, Макр и Галей, и когда он и его спутники приходили домой, то руки у них были полны трав, поступавших затем в распоряжение юного пажы по имени Ризотом, ведавшего также полостьюными тяпками, мотыгами, заступами, лопатами, ножами и другими инструментами, необходимыми для правильной гербаризации.

Придя домой, они, пока готовился ужин, повторяли некоторые места из прочитанного, а затем садились за стол.

Надобно заметить, что за обедом, неизменно простым и скромным, Гаргантюа ел, только чтобы заморить червячка, зато ужин бывал обилён и продолжителен, и уж тут он принимал пищу в таком количестве, которое было ему необходимо, дабы подкрепить силы и насытиться, а в этом-то и состоит правильный режим питания, предписываемый истинной и разумной медициной, меж тем как орава тупоголовых докторишек, у коих от софистической выучки мозги стали набекрень, советует нечто прямо противоположное.

За ужином возобновлялся обеденный урок, и длился он, пока не надоедало; остальное время посвящалось ученой беседе, приятной и полезной.

Прочтя благодарственную молитву, пели, играли на музыкальных инструментах, принимали участие во

всякого рода забавах, вроде карт или же костей, так что иной раз обильная трапеза и увеселения длились до тех пор, когда уже надо было идти спать, а иной раз Гаргантюа и его приближенные посещали общество ученых или путешественников, коим довелось побывать в чужих странах.

Темной ночью, перед сном, выходили на самое открытое место во всем доме, смотрели на небо, наблюдали кометы, если таковые были, или положение, расположение, противостояние и совпадение светил.

Затем Гаргантюа в кратких словах рассказывал по способу пифагорейцев наставнику все, что он прочитал, увидел, узнал, сделал и услышал за нынешний день.

Засим молились Господу Творцу, выражали Ему свою любовь, укреплялись в вере, славили Его бесконечную благодать и, возблагодарив Его за минувшее, предавали себя Его милосердию на будущее.

После этого ложились спать.

Глава XXIV.

О том, как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду

Если выпадали дождливые и ненастные дни, то все время до обеда проводили как обыкновенно, с тою, однако же, разницей, что, дабы перебороть непогоду, разводили веселый и яркий огонь. Но после обеда гимнастика отменялась, все оставались дома и в апотерпических целях убирали сено, кололи и пилили дрова, молотили хлеб в риге; потом занимались живописью и скульптурой или же возрождали старинную игру в кости, руководствуясь тем, как ее описал Леоник и как играет в нее добрый наш друг Ласкарис. Во время игры вызывали в памяти те места из древних авторов, где есть о ней упоминание или же связанное с нею уподобление.

А то ходили смотреть, как плавят металлы, как отливают артиллерийские орудия, ходили к гранильщикам, ювелирам, шлифовальщикам драгоценных камней, к алхимикам и монетчикам, в ковровые, ткацкие и шелкопрядильные мастерские, к часовщикам, зеркальщикам, печатникам, органщикам, красильщикам и разным другим мастерам и, всем давая на выпив-

ку, получали возможность изучить ремесла и ознакомиться со всякого рода изобретениями в этой области.

Ходили на публичные лекции, на торжественные акты, на состязания в искусстве риторики, ходили слушать речи, ходили слушать знаменитых адвокатов и проповедников.

Посещали залы и помещения для фехтования, и там Гаргантюа состязался с мастерами и доказывал им на деле, что он владеет любым родом оружия несколько не хуже, а, пожалуй, даже и лучше, чем они.

Вместо того чтобы составлять гербарий, они посещали лавки москательщиков, продавцов трав, аптекарей, внимательношим образом рассматривали плоды, корни, листья, смолу, семена, чужеземные мази и тут же изучали способы их подделки.

Ходили смотреть акробатов, жонглеров, фокусников, причем Гаргантюа следил за их движениями, уловками, прыжками и прислушивался к их краснобайству, особое внимание уделяя шонийцам пикардийским, ибо то были прирожденные балагуры и великие мастера по части втирания очков.

Вернувшись домой, они ели за ужином меньше, чем в другие дни, и выбирали пищу сухую и не жирную, дабы тем самым обезвредить влияние сырого воздуха, коим дышит тело, и дабы на их здоровье не

сказалось отсутствие обычных упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа, с каждым днем оказывая все большие успехи и, понятное дело, извлекая из постоянных упражнений всю ту пользу, какую может извлечь юноша, в меру своего возраста сметливый; упражнения же эти хоть и показались ему на первых порах трудными, однако с течением времени сделались такими приятными, легкими и желанными, что скорее походили на развлечения короля, нежели на занятия школьника.

Со всем тем Понократ, чтобы дать Гаргантюа отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал ясный и погожий день, и они с утра отправлялись за город: в Шантильи, в Булонь, в Монруж, в Пон-Шарантон, в Ванв или же в Сен-Клу. Там они проводили целый день, веселясь напропалую: шутили, дурачились, в питье друг от дружки не отставали, играли, пели, танцевали, валялись на зеленой травке, разоряли птичьи гнезда, ловили лягушек, раков, перепелов.

И хотя этот день проходил без чтения книг, но и он проходил не без пользы, ибо на зеленом лугу они читали на память какие-нибудь занятные стихи из Георгин Вергилия, из Гесиода, из Рустика Полициано, писали на латинском языке шуточные эпиграммы, а затем переводили их на французский язык в форме рон-

до или же баллады.

Во время пиршества они, следуя указаниям Катана в *De re rust.*⁷⁶ и Плиния, с помощью трубочки, сделанной из плюща, выцеживали из разбавленного вина воду, промывали вино в чане с водой, а затем пропускали его через воронку, перегоняли воду из одного сосуда в другой или же изобретали маленькие автоматические приспособления, то есть такие, которые двигаются сами собой.

⁷⁶ 76«О сельском хозяйстве» (лат.)

Глава XXV.

О том, как между лернейскими пекарями и подданными Гаргантюа возгорелся великий спор, положивший начало кровопролитным войнам

В эту пору, а именно в начале осени, когда на родине Гаргантюа идет сбор винограда, местные пастухи сторожили виноградники и смотрели, чтобы скворцы не клевали ягод.

В это самое время по большой дороге не то на десяти, не то на двенадцати подводах лернейские пекари везли в город лепешки.

Помянутые пастухи вежливо попросили пекарей продать им по рыночной цене лепешек. А ведь надобно вам знать, что для людей, страдающих запором, виноград со свежими лепешками – это воистину пища богов, особливо «пино», «фьер», «мюскадо», «бикан» или же «фуарар»; от этого кушанья их так несет, что они иной раз не успевают донести до отхожего места, – вот почему их зовут недоносками.

Просьбу пастухов пекари не соизволили удовлетворить, – более того, они начали изрыгать на них самую зазорную брань: обозвали их беззубыми поганцами, рыжими-красными – людьми опасными, ерниками, за...рями, прощелыгами, пролазами, лежебоками, сластенами, пентюхами, бахвалами, негодьями, дубинами, выжигами, побирушками, задирами, франтами – коровьи ножки, шутами гороховыми, байбаками, ублюдками, балбесами, оболдуями, обормотами, пересмешниками, спесивцами, голодранцами, с...ными пастухами, г...ными сторожами, присовокупив к этому и другие оскорбительные названия и прибавив, что они, мол, хороши с отрубями да с мякиной, а такие вкусные лепешки не про них писаны.

В ответ на подобные оскорбления один из пастухов, по имени Фрожье, юноша именитый и достойный, кротко заметил:

– С чего это вы стали так нос задирать? Скажите пожалуйста! Бывало, раньше сколько угодно продавали, а нынче не желаете? Это не по-добрсоседски, мы с вами так не поступаем, когда вы приезжаете покупать нашу отборную пшеницу, из которой вы печете пирожки и лепешки. А мы еще хотели дать вам за них винограду в придачу! Нет, клянусь раками, вы потом пожалеете. Не зарекайтесь, вам еще придется с нами дело иметь, а мы вот так же с вами обойдемся, – тогда

вы меня вспомните.

На это Марке, великий жезлоносец братства пекарей, ему сказал:

– Что это ты нынче уж больно распетушился? Видно, проса на ночь наелся. А ну, поди сюда, я тебе дам лепешку!

Тут Фрожье, ничего не подозревая, приблизился к нему и достал из-за пояса монету, ибо он был уверен, что Марке продаст ему лепешек; однако вместо лепешек он получил кнутом по ногам, да так, что на них тотчас же выступили рубцы. Засим Марке попытался улепетнуть, но в эту минуту Фрожье, истощным голосом завопив: «Караул!» – запустил в него здоровенной дубиной, которая была у него под мышкой, и угодил прямо в шов лобной кости, над правой височной артерией, так что Марке замертво свалился с кобылы.

Тем временем сбежались хуторяне, сбивавшие поблизости длинными шестами орехи, и начали молотить пекарей, как недоспелую рожь. Заслышав крики Фрожье, налетели со своими пращами другие пастухи и пастушки и принялись осыпать пекарей градом камней. В конце концов они догнали пекарей и отняли у них штук шестьдесят лепешек, заплатив им, однако ж, по обычной цене и надавав им в придачу орехов и три корзины белого винограду. Пекари помогли тяжко раненному Марке сесть верхом, а затем двинулись,

но уже не в Парелье, а обратно в Лерне, и тут с языка у них сорвались мрачные и недвусмысленные угрозы сейийским и синейским хуторянам и пастухам.

А пастухи и пастушки досыта наелись лепешек и отменного винограда, потом заиграла приятная для слуха волынка, и они начали веселиться, со смехом вспоминая заносчивых пекарей, которым так не повезло, очевидно, потому, что они нынче не с той ноги встали, а что касается Фрожье, то ему с крайним тщанием промыли раны на ногах соком простого винограда, и он тут же выздоровел.

Глава XXVI.

О том, как жители Дерне под предводительством короля Пикрохола без объявления войны напали на пастухов Гаргантюа

Пекари, как скоро возвратились в Лерне, так прямо, не пивши, не евши, отправились в Капитолий, принесли жалобу своему королю Пикрохолу Третьему, показали ему сломанные корзины, измятые шляпы, разорванные плащи, раздавленные лепешки, а главное, тяжелораненого Марке, и объявили, что это дело рук пастухов и хуторян Грангузье, которые-де учинили побоище на большой дороге, за Сейи.

Все это привело короля в совершенное неистовство, и, даже не потрудившись доискаться причины, он велел кликнуть по всей стране клич, чтобы в полдень все под страхом смертной казни через повешение явились в полном вооружении на главную площадь, что возле королевского замка. В подтверждение сего приказа он велел бить в барабаны по всем

улицам города, а сам в это время, пока ему готовили обед, пошел распорядиться, чтобы все орудия были поставлены на лафеты, чтобы знамя его и орифламма были развернуты и чтобы всего было запасено вдоволь: как военного снаряжения, так и провианта.

За обедом король подписал назначения. Согласно его указу сеньор Плюгав должен был принять командование авангардом, насчитывавшим шестнадцать тысяч четырнадцать пищальников и тридцать пять тысяч одиннадцать добровольцев. Обер-штальмейстеру Фанфарону было поручено командовать артиллерией, располагавшей девятьюстами четырнадцатью тяжелых медных орудии, пушек, двойных пушек, василисков, серпантин, кулеврин, бомбард, фальконетов, пасволанов, спиролей и других орудий. Арьергард был отдан под начало герцогу Грабежи. Над главными силами приняла командование сам король и принцы королевской крови.

Когда же войско было более или менее приведено в боевой порядок, то, прежде чем выступить в поход, решено было выслать отряд легкой кавалерии численностью в триста всадников под командой военачальника Жру, с целью обследовать местность и удостовериться, нет ли где-нибудь засады. Однако тщательная разведка показала, что кругом царят тишина и спокойствие, и никаких воинских частей она

не обнаружила.

Получив таковые сведения, Пикрохол приказал всем сей же час становиться под знамена.

И тут сразу все смешалось: Пикрохолово воинство в беспорядке и впопыхах устремилось вперед, все на своем пути ломая и круша и не щадя ни бедного, ни богатого, ни храмов, ни жилищ. Угоняли быков, коров, волов, бычков, телок, овец, баранов, козлов и коз, кур, каплунов, цыплят, гусят, гусаков, гусынь, хряков, свиней, подсвинков, сбивали орехи, обрывали виноград, уносили с собой целые лозы, отрясали плодовые деревья. Бог знает что они творили, и никто не оказывал им ни малейшего сопротивления; все сдавались на милость победителей и молили только о том, чтобы победители обходились с ними по-человечески, приняв в соображение, что подданные Грангузье исстари были для них добрыми и дружественными соседями и никогда не чинили им ни обид, ни оскорблений, те же, мол, здорово живешь, так их утесняют, а ведь Бог-то за такие дела наказывает неукоснительно. В ответ на эти предостережения враги твердили одно: они, мол, хотят научить их, как нужно есть лепешки.

Глава XXVII.

О том, как некий монах из Сейи спас от неприятеля монастырский фруктовый сад

Так, буйствуя и бесчинствуя, промышляя разбоем и грабежом, дошли они наконец до Сейи и принялись обирать до нитки мужчин и женщин и хватать все, что

попадалось под руку: ничем они не брезгали и ничем не гнушались. Почти во всех домах свирепствовала чума, однако ж они врывались всюду, все решительно отбирали, и при этом никто из них не заразился, а это случай исключительный, ибо священники, викарии, проповедники, лекари, хирурги и аптекари, навещавшие, лечившие, пользовавшие, исповедовавшие и увещевавшие больных, все до одного заразились и умерли, а к этим чертовым грабителям и убийцам никакая зараза не приставала. Что это за притча, господа? Право, тут есть над чем призадуматься.

Разграбив селение, они с шумом и грохотом двинулись к аббатству, однако же аббатство оказалось на запоре: по сему обстоятельству главные силы двинулись дальше, к Ведскому броду, а семь отрядов пехоты и две сотни копейщиков остались для того, чтобы, сломав садовую ограду, произвести полное опустошение на виноградниках.

Бедняги монахи не знали, какому святому молиться. На всякий случай они стали звонить *ad capitulum capitulantes*⁷⁷. На этом совете было решено устроить торжественную процессию, а также молебствие с чтением особых молитв *contra hostium insidias*⁷⁸ и с пре-

⁷⁷ 77Созывая членов капитула на капитул (лит.)

⁷⁸ 78Против вражеских козней (лат.)

красными песнопениями pro pace⁷⁹.

В то время в аббатстве находился монах по прозвищу брат Жан Зубодробитель, человек молодой, прыткий, щеголеватый, жизнерадостный, разбитной, храбрый, отважный, решительный, высокий, худощавый, горластый, носатый, мастак отбарабанить часы, отжарить мессу и отвалять вечерню, – одним словом, самый настоящий монах из всех, какими монашество когда-либо монашественнейше омонашивалось. Помимо всего прочего, по части служебника он собаку съел.

Вот этот-то самый монах, услышав шум, производимый неприятелем на виноградниках, вышел узнать, в чем дело; когда же он обнаружил, что враги обрывают виноград и что, таким образом, монастырь лишится годового запаса вина, то побежал на клирос, где в это время монахи с видом литейщиков, у которых от колокола остались одни черепки, тянули:

– I-im-pe-e-e-e-e-tu-um i-ini-i-imi-co-o-o-o-o-o-o-gu-um...⁸⁰

– Славные вы певуны-п...уны, накажи меня Бог! – молвил он. – Только не лучше ли вам спеть:

⁷⁹ 79Во славу мира (лат.)

⁸⁰ 80Натиск врагов (лат.)

Прощай, корзины, кончен сбор?

Пусть меня черт возьмет, если они уже не в нашем саду, и так они здорово режут лозы вместе с кистями, что – вот как Бог свят! – нам еще несколько лет придется одни хвостики подбирать. Ах ты, Господи, что же мы теперь, горемычные, пить-то будем? Боже милостивый, *da mihi potum!*⁸¹

Тут заговорил настоятель:

– Что здесь нужно этому пьянчуге? Отведите его в темницу! Как он смеет мешать нам воспевать Богу?

– Не должно мешать ни воспеванию, ни воспеванию, – возразил монах. – Ведь вы сами, отец настоятель, любите хорошее вино, как и всякий порядочный человек. Ни один благородный человек не станет хулить вино, – такая у нас, у монахов, существует апофтегма. А эти ваши песнопения, ей-Богу, сейчас не ко времени! Почему же тогда в пору жатвы и сбора винограда у нас читаются краткие часы, а в течение всей зимы – длинные? Блаженной памяти покойный брат наш Масс Пелос, истинный ревнитель благочестия (пусть меня черт унесет, если я вру!), объяснял мне это, сколько я помню, так: летом и осенью мы-де отжимаем виноград и делаем вино, зимой же

⁸¹ 81Даруй мне питье! (лат.)

мы его потребляем. Слушайте меня, все любители хмельного: с нами Бог, за мной! Пусть меня спалит антонов огонь, если я хоть разок дозволю хлебнуть тем из вас, которые не помогут мне отбить виноградник! Мать честная, да ведь это же церковное достояние! Но только вот что: святой Фома Английский решился умереть за церковное достояние. Дьявольщина! Стало быть, если и я за него умру, меня тоже причислят к лику святых? Нет уж, я умирать не стану, пусть лучше по моей милости будут помирать другие.

С этими словами он скинул рясу и схватил перекладину от ясеневого креста: перекладина была длинная, как копье, и толстая, как здоровенный кулак; в некоторых местах на ней были нарисованы лилии, ныне почти уже стершиеся, Итак, сделав из своей рясы перевязь, он вышел в одном подряснике и, взмахнув перекладиною от креста, внезапно ринулся на врагов, а враги между тем, нарушив боевой порядок, без знамен, без трубача и барабанщика обирали в саду виноград, ибо знаменщики прислонили знамена и стяги к стене, барабанщики продырявили с одного боку барабаны, чтобы было куда сыпать виноград, в трубы тоже понапихали гроздий, – словом, все разбрелись кто куда, и вот брат Жан, не говоря худого слова, обрушился на них со страшною силой и, по старинке колотя их по чему ни попало, стал расшвыривать, как

котят. Одних он дубасил по черепу, другим ломал руки и ноги, третьим сворачивал шейные позвонки, четвертым отшибал поясницу, кому разбивал нос, кому ставил фонари под глазами, кому заезжал по скуле, кому пересчитывал зубы, кому выворачивал лопатки, иным сокрушал голени, иным вывихивал бедра, иным расплющивал локтевые кости.

Кто пытался укрыться среди густолиственных лоз, тому он, как собаке, перебивал спинной хребет и переламывал крестец.

Кто пытался спастись бегством, тому он ударом по ламбдовидному шву раскалывал на куски черепную коробку.

Кто лез на дерево, полагая, что там безопаснее, тому он загонял перекладину в прямую кишку.

Если кто-нибудь из его старых знакомцев кричал: «Эй, брат Жан, брат Жан, друг мой милый, я сдаюсь!» – то он говорил: «Да у тебя другого выхода нет. Сдавай заодно и свою душу чертовой матери!» И тут же его ухлопывал.

Смельчаку, который решался с ним переведаться, он охотно показывал силу мышц своих, а именно пробивал ему средогрудную перегородку и сердце. Кого ему не удавалось поддеть под ребро, тому он выворачивал желудок, и смерть наступала мгновенно. Иных он со всего размаху бил по пупку, и у них вывалива-

лись кишки. Иным протыкал мошонку и задний проход. Свет еще не видел столь ужасного зрелища, можете мне поверить!

Одни зывали: «Святая Варвара!»

Другие: «Святой Георгий!»

Третьи: «Святая Недотрога!»

Четвертые: «Кюноская Божья Матьер! Лоретская! Благовестница! Ленуйская! Ривьерская!»

Одни поручали себя св. Иакову.

Другие прибежали под покров шамберийской плащаницы, которая, кстати сказать, три месяца спустя сгорела дотла, так что от нее ровно ничего не осталось.

Третьи – под покров плащаницы кадуинской.

Четвертые поручали себя Иоанну Предтече Анжелийскому.

Пятые – св. Евтропию Сентскому, св. Месму Шинонскому, св. Мартину Кандскому, св. Клавдию Синейскому, жаварзейским святыням и разным другим святым, помельче.

Одни умирали, ничего не говоря, другие говорили, но не умирали. Одни умирали говоря, другие, умирая, говорили.

Иные громко кричали: «Исповедника! Исповедника! Confiteor! Miserere! In manus!»⁸² Услышав громкие

⁸² 82Каюсь! Помилуй! В руки [твои предаю дух мой!] (лат.)

стоны поверженных, настоятель со всею братией направился в сад; когда же они увидели этих несчастных, смертельно раненных, распростертых среди виноградных лоз, то поспешили некоторых из них исповедать. А пока иеромонахи возились с исповедью, молодые послушники побежали к брату Жану спросить, не могут ли они чем-либо ему помочь. Он же на это ответил, что нужно дорезать тех, кто валяется на земле. Тогда послушники, развесив долгополые свои подрясники на изгороди, принялись дорезывать и приканчивать тех, кого он уходил насмерть. И знаете, каким оружием? Просто-напросто резачками, маленькими ножичками, которыми дети в наших краях шелушат зеленые орехи.

Затем брат Жан стал со своею перекладиною у стены, возле самого того места, где она была проломлена неприятелем. Кое-кто из послушников уже успел растащить по своим кельям знамена и стяги себе на подвязки. Когда же те, кто исповедался, попытались юркнуть в пролом, брат Жан стал их приканчивать одного за другим, да еще приговаривал:

– Кто исповедался, покаялся и получил отпущение грехов, те – прямым путем в рай, прямым, как серп, как спина у горбуна!

Так благодаря его отваге были перебиты враги, проникшие в монастырский сад, перебиты все до одного,

а их тут было тринадцать тысяч шестьсот двадцать два человека, не считая, как водится, женщин и детей.

Даже отшельник Можис, о котором говорится в Деяниях четырех сыновей Эмона, и тот, пойдя со своим посохом на сарацин, не выказал такой доблести, как наш монах, с перекладиною от креста вышедший на врагов.

Глава XXVIII.

О том, как Пикрохол взял приступом Ларош- Клермо, а равно и о том, как тяжело и прискорбно было Грангузье начинать войну

Как уже было сказано, монах продолжал расправляться с теми, кто ворвался в монастырский сад; Пикрохол между тем, с великою поспешностью пройдя со своими войсками Ведский брод, вступил в Ларош-Клермо, и там ему не оказали никакого сопротивления, а так как дело было ночью, то он порешил расположиться здесь со своими войсками на ночлег, дабы зуд его гнева на время утих.

Полуночью Пикрохол взял приступом городской вал и замок, а затем отлично укрепил этот замок и снабдил его боевыми припасами, ибо он полагал, что в случае, если на него нападут, лучше всего ему отсидеться именно здесь, так как благодаря своему расположению и местоположению замок обладал не только искусственными, но и естественными укреплениями.

И тут мы его и оставим и обратимся к доброму нашему Гаргантюа, который усердно изучает полезные науки, чередуя занятия с атлетическими упражнениями, и к его отцу, доброму старику Грангузье, а старик между тем только сейчас поужинал и греется у весело и ярко пылающего огня, чертит на стенках очага обгоревшим концом палки, коей размещивают угли, и, пока жарятся каштаны, рассказывает жене и всем домочадцам про доброе старое время.

В эту самую пору к нему прибежал один из пастухов, стороживших виноградники, по имени Пило, и подробно рассказал о том, что в его землях и владениях бесчинствует и разбойничает король Лернейский Пикрохол и что он разграбил, разорил, опустошил всю страну, за исключением Сейийского сада, который брат Жан Зубодробитель сумел отстоять только благодаря своей храбрости; ныне же упомянутый король обретается-де в Ларош-Клермо и вместе со своими воинами тщится елико возможно укрепить его.

– Увы! увы! – воскликнул Грангузье. – Что же это такое, добрые люди? Сон это или явь? Пикрохол, мой старый и неизменный друг, связанный со мною узами родства и свойства, напал на меня! Кто подвигнул его на это? Кто его подстрекнул? Кто его подбил? Кто ему подал такой совет? Ох, ох, ох, ох, ох! Боже, Спаситель мой, помоги мне, просвети меня, научи! Клят-

венно уверяю Тебя, под страхом лишиться Твоего заступления, что никогда я никаких огорчений ему не доставлял, подданным его не досаждал, земель его не грабил. Напротив того, я никогда не отказывал ему ни в войске, ни в деньгах, ни в поддержке, ни в совете, во всех случаях жизни я старался быть ему полезен. Нет, верно, лукавый его попутал, коли мог он так меня избидеть. Господи Боже мой, Ты знаешь мои помыслы, зане от Тебя ничто не утаится! В случае если он повредился в уме и Ты назначил мне в удел образумить его, то подай мне сил и уменья мирным путем вновь привести его под начало святой Твоей воли. Ох, ох, ох! Добрые люди, друзья мои и верные слуги! Ужели я вынужден буду докучать вам просьбами о помощи? Увы мне! На старости лет я только покоя и жаждал, всю жизнь я только к миру и стремился. Но, видно, придется и мне облечь панцирем мои несчастные плечи, слабые и усталые, и взять в дрожащие руки булаву и копье, дабы защитить и оградить несчастных моих подданных. Так мне подсказывает здравый смысл, ибо их трудом я живу, их потом кормлюсь я сам, мои дети и вся моя семья. И все же я не пойду на Пикрохола войной до тех пор, пока не испробую всех мирных способов и средств. Таково мое решение.

Затем он созвал совет, рассказал, как обстоит дело, и решено было на этом совете послать к Пикрохолу

какого-нибудь толкового человека, чтобы тот дознался, с чего это он вдруг распалился гневом и вторгся в земли, на которые у него нет решительно никаких прав; кроме того, было решено послать за Гаргантюа и его приближенными, дабы они выступили на защиту своего отечества и отвели от него беду. Грангузье со всем согласился и отдал надлежащие распоряжения. В частности, он тут же велел своему лакею-баску как можно скорее ехать к Гаргантюа и написал сыну следующее послание.

Глава XXIX.

О чем Грангузье писал к Гаргантюа

Ты столь прилежно учишься, что я долго еще не выводил бы тебя из состояния философического покоя, но вот горе: бывшие мои друзья и союзники не пожалели моей старости и обманули мое доверие. А уж если таково предопределение судьбы, что мне изменили именно те, в ком я особенно был уверен, то и нет у меня иного выхода, как призвать тебя на защиту подданных твоих и по естественному праву принадлежащего тебе достояния. Ибо подобно тому как любое оружие, находящееся вне дома, бессильно, коли и в самом доме некому подать совет, так же точно бесплодно учение и бесполезны советы, ежели они не будут вовремя претворены в жизнь и благой цели своей не достигнут.

Я же не разжигать намерен, но умиротворять, не нападать, но обороняться, не завоевывать, но защищать моих верных подданных и наследственные мои владения от Пикрохола, который ныне, без всякого повода и основания ко мне вторгшись, пошел на меня войной и,

неуклонно продолжая злое свое дело, чинит вольным людям обиды нестерпимые.

Я почитаю своим долгом утишить гнев сего тирана, удовольствовав его как могу, и уже не один раз я с дружественными намерениями посылал к нему моих людей, дабы узнать, кто, чем и как его оскорбил, он же отвечает мне тем, что упорно отвергает мирные мои предложения и, кроме собственных своих выгод, знать ничего не хочет. Отсюда следствие, что Вечный Судия оставил ему как единственное кормило собственный его рассудок и волю, – воля же его не может не быть злой, коль скоро он всечасно не руководим божественною благодатью, – и, дабы вернуть ему сознание долга и дабы пробудить в нем совесть, наслал его на меня.

По сему обстоятельству, возлюбленный сын мой, прочитав мое письмо, ты как можно скорее возвращайся и поспеши на помощь не мне (хотя и мне ты должен был бы помочь из естественного чувства сострадания), но твоим подданным, коих ты обязан оградить и спасти. Подвиг сей тебе надлежит свершить ценою возможно меньшего кровопролития, и, таким образом, благодаря наиболее разумным средствам, мерам предосторожности и военным хитростям мы, быть может, сумеем спасти всех наших подданных, и, возвеселившись духом, они

возвратятся в свои жилища.

Да будет с тобою, дражайший сын мой, благословение Господа нашего Иисуса Христа. Поклонись от меня Понократу, Гимнасту и Эвдемону.

20 сентября.

Твой отец Грангузье.

Глава XXX.

О том, как к Пикрохолу был послан Ульрих Галле

Продиктовав и подписав письма, Грангузье приказал правителю своей канцелярии Ульриху Галле, человеку неглупому и здравомыслящему, выказавшему свои способности и тонкость суждений при разборе многих запутанных дел, ехать к Пикрохолу и изложить ему все, о чем говорилось на совете.

Добрый Галле тот же час отбыл и, миновав брод, спросил мельника, где обретается Пикрохол; мельник на это ответил, что враги дочиста его обобрали, а что потом они засели в Ларош-Клермо и что он, мельник, не советует ему следовать далее, а то как бы не наткнуться на дозор, свирепость же врагов безгранична. Ульрих Галле легко этому поверил и заночевал у мельника.

Наутро он был уже у ворот замка и, трубным звуком возвестив о своем прибытии, потребовал, чтобы часовые пропустили его к королю, в интересах коего, дескать, выслушать его речь.

Королю о нем доложили, но король велел ни под каким видом его не пускать, – он вышел сам на кре-

постной вал и, обратясь к послу, молвил:
– Ну, что там еще? Что ты хочешь сказать?
Тогда посол произнес нижеследующую речь.

Глава XXXI.

Речь Галле, обращенная к Пикрохолу

– Из всех поводов к огорчению наиболее важным следует признать тот, когда человеку, который по праву рассчитывал на милость и благорасположение, чинят ущерб и досаду. И не без основания (хотя его и нельзя считать достаточно разумным) многие при таких обстоятельствах, рассудив, что лучше умереть, нежели терпеть подобную низость, и уверившись, что здесь ни силой, ни какими-либо ухищрениями ничего поделаться нельзя, добровольно накладывали на себя руки.

Неудивительно поэтому, что твое вторжение, свидетельствующее о том, что ты преисполнен к моему повелителю, королю Грангузье, вражды и злобы, отягчило его печалью и в крайнее привело замешательство. Удивительно было бы, если б его не взволновали чудовищные беззакония, чинимые тобою и твоими людьми в его владениях над его подданными, беззакония, неслыханные по своей бесчеловечности, которые он принимает особенно близко к сердцу потому, что подданных своих он любит такую нежною лю-

бовью, какой ни один смертный от века еще не любил. Однако ж, говоря по чистой совести, еще тяжелее ему сознавать, что все эти злодеяния и утеснения чинятся именно тобою и твоими людьми, ибо и ты и твои деды и прадеды испокон веков водили дружбу с ним самим и с предками его, и дружбу эту, до сего времени нерушимую, вы поддерживали, хранили и берегли, как святыню, так что не только он и его подданные, но и народы чужеземные, как, например, пугтевинцы, бретонцы, мансонцы, а равно и живущие за Канарскими островами и городом Изабеллою, полагали, что легче обрушить небосвод, а преисподнюю вознести до самых хлябей небесных, нежели расторгнуть союз ваш, столь грозный для всех их враждебных замыслов, что никто не решался озлобить кого-нибудь одного из вас, бросить ему вызов или же нанести урон из страха навлечь на себя гнев другого.

Более того. Слухом об этой священной дружбе полнится вся поднебесная, вследствие чего среди народов, ныне населяющих материк и острова океана, немного найдется таких, которые не почли бы за честь вступить в ваш союз на условиях, вами самими указанных, и которые бы не уважали неприкосновенность ваших объединенных держав в той же мере, как неприкосновенность собственных земель и владений; коротко говоря, никто не запомнит государя или же со-

юз государей, который в свирепости своей и заносчивости осмелился бы посягнуть – я уж не говорю: на ваши земли, но хотя бы на земли союзников ваших, а если, послушавшись необдуманного совета, кто-нибудь и вознамеривался совершить нападение, то при одном имени и названии вашего союза тотчас же от своего замысла отказывался.

Что же ныне привело тебя в такое неистовство и заставило, расторгнув союз, поправ дружбу, преступив права, с враждебными намерениями вторгнуться в его владения, несмотря на то что ни он сам, ни его подданные ничем перед тобой не провинились, ничем тебе не досадили и гнева твоего не навлекли? Где же верность? Где закон? Где разум? Где человечность? Где страх Господень? Уж не надеялся ли ты скрыть свои злодеяния от горних духов и от Всевышнего, который воздаст всякому по делам его? Если ты таковые надежды питаешь, то ты заблуждаешься, ибо от Его суда ничто не утаится. Быть может, таково предопределение судьбы или же таково влияние небесных светил, позавидовавших благополучию твоему и покою? То правда, всему на свете положен конец и предел, и когда что-либо достигает наивысшей точки, сейчас же и низвергается, ибо долго продержаться в этом положении не может. Таков конец всех, кто, благоденствуя и преуспевая, забывает о благоразумной

умеренности.

Но если даже это и было предустановлено и счастьем твоим и покою пришел конец, то неужели же это должно было обнаружиться в том, чтобы ты причинил зло моему королю, а ведь он-то и возвел тебя на престол? Если дому твоему суждено рухнуть, то неужели же необходимо, чтобы, рушась, он упал на очаг того, кто дом твой украсил? Все это так явно выходит за пределы человеческого понимания и так противно здравому смыслу, что разум едва в состоянии это постигнуть, иноземцы же будут отказываться этому верить до тех пор, пока подтвержденные и засвидетельствованные последствия не убедят их, что нет ничего святого и священного для того, кто отошел от Бога и от разума и отдался на волю дурных страстей.

Если бы мы причинили какой-либо ущерб твоим подданным или же твоим владениям; если бы мы оказали покровительство твоим недругам; если бы мы не помогли тебе в твоих начинаниях; если бы мы затронули твою честь и доброе имя; вернее сказать, если бы лукавый, стараясь подбить тебя на злое дело и являя твоему взору всякие обманчивые подобия и призрачные видения, оклеветал нас и вселил в тебя подозрение, что мы совершили по отношению к тебе нечто недостойное нашей старинной дружбы, – то прежде всего тебе надлежало бы узнать всю правду, а потом

объявить о своем неудовольствии нам, и мы постарались бы уболагорворить тебя таким образом, что тебе нечего было бы больше желать. Но, Боже правый, как же ты поступил? Ужели ты и впрямь задумал, по примеру всех вероломных тиранов, разграбить и разорить королевство моего повелителя? Ужели ты почитал его за такого труса и глупца, ужели ты полагал, что он так беден людьми, деньгами, мудрыми советчиками и искусными военачальниками, что не захочет и не сможет дать отпор беззаконному твоему нашествию ?

Сей же час уходи отсель, уходи навсегда, и чтобы завтра ты уже вступил в пределы своей державы, дорогою же никаких беспорядков не производи и насилий не чини, да уплати тысячу золотых безантов за убытки, которые мы через тебя понесли. Половину указанной суммы пришли нам завтра; половину – к ближайшим майским идам, а в качестве заложников оставь нам на это время герцогов де Пустомель, де Карапуз и де Шваль, а также принца де Парша и викаонта де Вши.

Глава XXXII.

О том, как Грангузье для достижения мира велел возвратить лепешки

На этом кончил свою речь Галле, но Пикрохол на все его доводы ответил так:

– Придите и возьмите, придите и возьмите! Они у меня молодцы ребята. Они вам наделают лепешек.

Тогда Галле возвратился к Грангузье и увидел, что тот с непокрытой головой стоит на коленях в углу своей комнаты и молит Бога укротить гнев Пикрохола и образумить его, чтобы не нужно было применять насилие. Заметив вошедшего Галле, добряк Грангузье сказал:

– А, это ты, друг мой? Ну, что нового, что нового?

– Все вверх дном, – отвечал Галле. – У этого человека ум за разум зашел, сам Господь от него отступился.

– Так, друг мой, – сказал Грангузье, – но как же он объясняет свои бесчинства?

– Он и не дал мне никаких объяснений, – отвечал Галле, – он только проворчал что-то насчет лепешек.

Кто их там знает, – чего доброго, его пекарям досталось от наших пастухов?

– Прежде чем вынести окончательное решение, я должен в этом разобраться, – объявил Грангузье.

Он тут же приказал расследовать это дело и установил, что его подданные отняли у пекарей некоторое количество лепешек и что Марке хватили дубиной по голове, но что расплатились они с пекарями по-честному и что упомянутый Марке первый хлестнул Фрожье кнутом по ногам. Грангузье созвал совет, и все в один голос объявили, что нужно грудью встать на врага. Тем не менее Грангузье сказал:

– Коли все дело в нескольких лепешках, я постараюсь удовлетворить Пикрохола, – уж очень мне не по душе начинать войну.

Затем он осведомился, сколько было взято лепешек, и, узнав, что всего штук шестьдесят, велел запечь их за ночь пять возов и на один из них положить лепешки, приготовленные на лучшем масле, на самых свежих желтках, с наилучшим шафраном и другими пряностями, каковые лепешки предназначались им для Марке, а еще он жаловал Марке семьсот тысяч три филиппа на расплату с лечившими его цирюльниками и сверх того передавал в вечное и безвозмездное владение ему и его наследникам мызу Помардьеру. Отвезти и доставить дары было поруче-

но Ульриху Галле, и по дороге, близ Соле, он велел нарвать как можно больше тростника и камыша, украсить стеблями повозки и каждому вознице дать в руки по стеблю; сам он тоже взял в руки стебель, – этим он желал показать, что они хотят мира и прибыли затем, чтобы его достигнуть.

Подъехав к воротам, они объявили, что их уполномочил Грангузье вести переговоры с Пикрохолом. Пикрохол не велел впускать их и не пожелал сам выйти к ним для переговоров, а велел сказать, что ему недосуг и что если им уж так нужно, пусть потолкуют с военачальником Фанфароном, который в это время устанавливал на крепостной стене орудие. Добрый Галле обратился к нему с такими словами:

– Сеньор! Дабы прекратить междоусобицу и устранить препону, мешающую вам вновь вступить с нами в союз, мы возвращаем вам лепешки, послужившие причиной раздоров. Наши взяли у вас шестьдесят штук, они дали вам за них хорошую цену, но мы из чистого миролюбия возвращаем вам целых пять возов, из коих один поступает в распоряжение Марке, как наиболее пострадавшего. Кроме того, для полного его удовлетворения я ему вручу семьсот тысяч три филиппа, а в возмещение убытков, коего он имеет право с нас требовать, я передам в вечное и безвозмездное владение ему и наследникам его мызу По-

мардьеру: дарственная – вот она. Итак, ради Создателя, давайте отныне жить в мире, идите себе бодрым шагом домой, верните нам эту крепость, притязать на которую у вас, как вы сами отлично знаете, нет ни малейшего основания, и будемте снова друзьями!

Фанфарон передал все до последнего слова Пикрохолу и, еще пуще раззадоривая его, повел с ним такую речь:

– Нагнали мы на мужичье страху! Несчастный пьянчужка Грангузье поди в штаны наложил! Это ему не из бутылочки тянуть, тут надо показать военное искусство. Я так полагаю: лепешки и деньги мы у них возьмем, а сами в кратчайший срок здесь укрепимся и будем продолжать успешно начатое дело. Что они, правда, за дурачка вас принимают? Надеются задобрить своими лепешками? А все оттого, что вы милоливо с ними обходились и держали себя запросто, вот они вас теперь ни во что и не ставят: посади свиню за стол – она и ноги на стол.

– Верно, верно! – сказал Пикрохол. – Ну да я им покажу, истинный Бог покажу! Как ты сказал, так и поступай.

– Только вот насчет чего я должен вас упредить, – заметил Фанфарон. – У нас здесь с припасами обстоит неважно, съестного маловато. Ежели Грангузье предпримет осаду, я все зубы себе повырву, оставлю

штуки три, не больше, и пусть другие последуют моему примеру, а то мы враз все подберем.

– Нет, – возразил Пикрохол, – еды у нас предостаточно. Зачем мы сюда пришли: нажираться или сражаться?

– Конечно, сражаться, – отвечал Фанфарон, – но только ведь на голодный желудок много не наговоришь прибауток, и где царствует голод, там сила в опале.

– Ну, довольно, довольно! – сказал Пикрохол. – Тащите все, что они привезли.

В ту же минуту у послов были отобраны деньги, лепешки, вола и повозки, а самих послов отослали обратно, не дав им никакого ответа, – им только сказали, чтобы они не подходили близко к крепости, а почему – это, мол, они завтра узнают. Так послы и вернулись, ничего не добившись, и, рассказав Грангузье обо всем, прибавили от себя, что склонить врагов к миру нет никакой надежды и что нужно немедленно объявлять войну не на жизнь, а на смерть.

Глава XXXIII.

О том, как некоторые учителя Пикрохола своими необдуманнами советами толкнули его на чрезвычайно опасный путь

Как скоро лепешки были отобраны, к Пикрохолу явились герцог де Шваль, граф Буян, военачальник Молокосос и сказали ему:

– Ваше величество! Сегодня вы у нас будете самым счастливым, самым непобедимым государем после Александра Македонского.

– Наденьте шляпы, наденьте шляпы! – сказал Пикрохол.

– Весьма признательны, ваше величество, – сказали они, – мы знаем свое место. Вот наш совет: оставьте здесь небольшой отряд во главе с каким-нибудь военачальником, – этот гарнизон будет охранять крепость, которая, впрочем, представляется нам и так достаточно защищенной благодаря естественным укреплениям, а также благодаря крепостным стенам,

возведенным по вашему почину. Армию свою разделите на две части как вам заблагорассудится. Одна часть обрушится на Грангузье с его войском. В первом же бою она без труда разобьет его наголову. Там вы сможете огрести кучу денег, – у этого мужлана денег уйма. У мужлана, говорим мы, ибо у благородного государя гроша за душой никогда не бывает. Копить – это мужицкое дело. Тем временем другая часть двинется на Они, Сентонж, Ангумуа и Гасконь, а также на Перигор, Медок и Ланды и, не встречая сопротивления, займет города, замки и крепости. В Байенне, в Сен-Жан-де-Люс и в Фуэнтеррабии вы захватите все суда и, держась берегов Галисии и Португалии, разграбите все побережье до самого Лиссабона, а там вы запасетесь всем, что необходимо завоевателю. Испанцы, черт их дери, сдадутся, – это известные ротозеи! Вы переплывете Сивиллин пролив и там на вечную о себе память воздвигнете два столпа, еще более величественных, чем Геркулесовы, и пролив этот будет впредь именоваться Пикрохоловым морем. А как пройдете Пикрохолово море, тут вам и Барбаросса покорится...

– Я его помилую, – сказал Пикрохол.

– Пожалуй, – согласились они, – но только он должен креститься. Вы не преминете захватить королевства Тунисское, Гиппское, Алжирское, Бону, Кирену,

всю Барбарю. Далее вы приберете к рукам Майорку, Менорку, Сардинию, Корсику и другие острова морей Лигурийского и Балеарского. Держась левого берега, вы завладеете всей Нарбоннской Галлией, Провансом, землей аллоброгов, Генуей, Флоренцией, Луккой, а там уж и до Рима рукой подать. Бедный господин папа умрет от страха.

– Клянусь честью, я не стану целовать ему туфлю, – сказал Пикрохол.

– Завоевав Италию, вы предаете разграблению Неаполь, Калабрию, Апулию, Сицилию, а заодно и Мальту. Желал бы я видеть, как эти несчастные рыцаришки, бывшие родосцы, станут с вами сражаться, посмотрел бы я, из какого они теста сделаны!

– Я бы с удовольствием проехал оттуда в Лорето, – сказал Пикрохол.

– Нет, нет, – сказали они, – это на обратном пути. Мы лучше возьмем Крит, Кипр, Родос, Кикладские острова и ударим на Морею. Вот мы ее уже, слава Тебе Господи, заняли. И тогда берегись, Иерусалим, ибо могуществу султана далеко до вашего!

– Я тогда вновь построю храм Соломона, – сказал Пикрохол.

– Нет, погодите немного, – возразили они. – Не будьте столь поспешны в своих решениях. Знаете, что

говорил Октавиан Август? *Festina lente*.⁸³ Вам предстоит сперва занять Малую Азию, Карию, Ликию, Памфилию, Киликию, Дидию, Фригию, Мизию, Вифинию, Сарды, Адалию, Самагерию, Кастамун, Лугу, Себасту – до самого Евфрата.

– А Вавилон и гору Синай мы увидим? – спросил Пикрохол.

– Пока не для чего, – отвечали они. – Мало вам разве переплыть Гирканское море и промчаться по двум Армениям и трем Аравиям?

– Честное слово, мы спятили! – воскликнул Пикрохол. – Горе нам, горе!

– Что такое? – спросили они.

– А что мы будем пить в этих пустынях? Говорят, Юлиан Август умер там от жажды со всем своим войском.

– Мы все предусмотрели, – сказали они. – На Сирийском море у вас девять тысяч четырнадцать больших кораблей с грузом лучшего в мире вина. Все они приплывают в Яффу. Туда же согнано два миллиона двести тысяч верблюдов и тысяча шестьсот слонов, которых вы захватите на охоте в окрестностях Сиджильмассы, как скоро войдете в Ливию, а кроме того, все караваны, идущие в Мекку, будут ваши. Неужели они не снабдят вас вином в достаточном количестве?

⁸³ 83Торопись не спеша (лат.)

– Пожалуй, – сказал Пикрохол, – но только у нас не будет холодного вина.

– Тьфу, пропасть! – вскричали они. – Герой, завоеватель, претендент и кандидат на мировое владичество не может постоянно пользоваться всеми удобствами. Скажите спасибо, что вы и ваши солдаты целыми и невредимыми добрались до Тигра!

– А что делает в это время та наша армия, которая разбила этого поганого забулдыгу Грангузье?

– Она тоже не дремлет, – отвечали они, – сейчас мы ее догоним. Она завоевала для вас Бретань, Нормандию, Фландрию, Эно, Брабант, Артуа, Голландию и Зеландию. Она перешла Рейн по трупам швейцарцев и ландскнехтов, а часть ее покорила Люксембург, Лотарингию, Шампань и Савойю – вплоть до Лиона, и здесь она встретила с вашими легионами, возвращавшимися домой после побед на Средиземном море. Обе армии воссоединились в Богемии, опустошив предварительно Швабию, Вюртемберг, Баварию, Австрию, Моравию и Штирию. Затем они сообща нанесли сокрушительный удар Любеку, Норвегии, Швеции, Дании, Готланду, Гренландии, Исландии – до самого Ледовитого моря. Вслед за тем они заняли Оркадские острова и подчинили себе Шотландию, Англию и Ирландию. Далее, переплыв Песчаное море и пройдя Сарматия, они разгромили и покорили Прус-

сию, Польшу, Литву, Россию, Валахию, Трансильванию, Венгрию, Болгарию, Турцию и теперь находятся в Константинополе.

– Скорей и мы туда! – воскликнул Пикрохол. – Я хочу быть также императором Трапезундским. И не перебить ли нам всех этих собак – турок и магометан?

– А почему бы, черт возьми, нам этого не сделать? – сказали они. – Имущество же их и земли вы разладите тем, кто вам честно служил.

– Так подсказывает здравый смысл и так должно быть по справедливости, – заметил Пикрохол. – Жалую вам Карманию, Сирию и всю Палестину.

– Ах, ваше величество, как вы щедры! – сказали они. – Премного вам благодарны! Дай Бог вам благоденствовать вечно!

На этом совете присутствовал старый дворянин, по имени Эхефрон, человек многоопытный, закаленный в боях; послушав такие речи, он сказал:

– Я очень боюсь, что все это предприятие кончится так же, как известный рассказ о кувшине с молоком, при помощи которого один сапожник мечтал разбогатеть. Кувшин разбился, и он остался голодным. Чего вы добьетесь этими славными победами? Каков будет конец ваших трудов и походов?

– Конец будет таков, – отвечал Пикрохол, – что по возвращении мы как следует отдохнем.

Эхефрон же ему на это сказал:

– Ну, а если почему-нибудь не вернетесь? Ведь путь опасен и долог. Не лучше ли нам отдохнуть теперь же, отказавшись от всех этих походов?

– Вот уж, ей-Богу, чудак! – воскликнул Буян. – Давайте в таком случае забьемся в уголок, поближе к камину, будем весь свой век вместе с женами низать жемчуг или же прясть, как Сарданапал. «Кто не подвергает себя опасности, тот ни коня, ни осла не добудет», – сказал Соломон.

– А Морольф ему на это ответил: «Кто подвергает себя слишком большой опасности, тот и коня и осла потеряет», – возразил Эхефрон.

– Довольно, пойдем дальше, – сказал Пикрохол. – Я боюсь только этих чертовых легионов Грангузье. Что, если, пока мы будем в Месопотамии, они ударят нам в тыл? Что нам тогда делать?

– Очень просто, – отвечал Молокосос. – Вам стоит только послать москвитам краткий, но грозный указ – и в тот же миг под ваши знамена станет четыреста пятьдесят тысяч отборных бойцов. Эх, назначили бы туда меня вашим наместником,

– у них бы лоб на глаза вылез! Растопчу, растреплю, разгромлю, растрясу, разнесу, расшибу!

– Полно, полно! – сказал Пикрохол. – Время не ждет! Все, кто мне предан, за мной!

Глава XXXIV.

О том., как Гаргантюа оставил Париж, чтобы защищать свое отечество, и как Гимнаст встретился с неприятелем

В эту самую пору Гаргантюа, тотчас по прочтении отцовского письма выехавший из Парижа на своей громадной кобыле, миновал уже мост Нонен, а вместе с Гаргантюа и Понократ, Гимнаст и Эвдемон, которые, чтобы не отставать от него, взяли себе почтовых лошадей. Обоз с его книгами и философическими приборами двигался со скоростью обыкновенной.

Прибыв в Парилье, Гаргантюа узнал от хуторянина Гуге, что Пикрохол, укрепившись в Ларош-Клермо, выслал многочисленное войско под предводительством военачальника Трипе захватить леса Вед и Вогодри, что войско это обобрало до нитки всех и вся – вплоть до самой давальни Бильяр – и что совершаемые им злодеяния представляют собой нечто невиданное и неслыханное. Гаргантюа был всем этим так напуган, что не знал, как быть и что придумать. Понократ, однако ж, посоветовал ему направить путь к сеньору

де Лавогюйону, старинному их Другу и союзнику, который-де может дать более точные сведения, и они, нимало не медля, к нему и отправились; он же выразил полную готовность прийти им на помощь и высказал мнение, что прежде надобно послать кого-нибудь на разведки, дабы тот обследовал местность и установил, где именно находится неприятель, а затем уже, глядя по обстоятельствам, начать действовать. Отправиться в разведку вызвался Гимнаст, и тут же было решено, что для пользы дела он возьмет с собой человека, который хорошо знает здесь все дороги, тропинки и речки.

Итак, Гимнаст выехал вместе с Вертопрахом, Лавогюйоновым конюшим, и они, оставшись незамеченными, произвели разведку во всех направлениях. Гаргантюа тем временем отдохнул, малость подкрепился вместе со своими спутниками и велел дать своей кобыле меру овса, что составило семьдесят четыре мюида и три буасо. А Гимнаст со своим товарищем ехали-ехали и, наконец, наткнулись на врагов, – рассыпавшись в беспорядке, они грабили и тащили все, что попадалось под руку. Гимнаста они завидели издалека, и вскоре на него налетела целая орава, явно намеревавшаяся его обобрать. Он же сказал им:

– Господа, я беден как черт знает что. Прошу вас, пощадите меня! У меня еще осталось несколько эю,

вот мы на них и выпьем, ведь это *aurum potabile*,⁸⁴ а чтобы уплатить вам за проезд, я продам свою лошадь. Вы вполне можете считать меня своим, ибо нет человека, который лучше, чем я, умеет сцапать, обчистить, ободрать, ощипать, выпотрошить, а потом и полакомиться. По случаю моего благополучного прибытия пью здоровье всех добрых собутыльников!

С этими словами Гимнаст откупорил свою флягу и, накренив ее, отпил на совесть. Разбойники разинули пасти и высунули языки, точно борзые собаки, в чайнике допить после него, но как раз в это время сюда подоспел узнать, в чем дело, военачальник Трипе. Гимнаст протянул ему флягу и сказал:

– Пейте, ваше высокоблагородие, пейте, не бойтесь, я его уже пробовал, – это из Лафе-Монжо.

– Что такое? – воскликнул Трипе. – Ты смеешь, невежа, издеваться над нами? Кто ты таков?

– Я человек бедный, – отвечал Гимнаст, – бедный как черт знает что.

– А-а, ну если черт тебя знает, тогда я тебя пропущу, – рассудил Трипе, – потому черти и все их знакомые и родные ни податей, ни пошлин не платят. Только я еще никогда не видал, чтобы бедные родственники разъезжали на таких добрых конях. Вот что, господин черт, слезайте-ка, – на вашем коне поеду я, и ес-

⁸⁴ 84Питьевое золото (лат.)

ли он не понесет меня стрелой, то понесете меня вы, господин черт, потому уж очень я люблю, когда меня черт несет!

Глава XXXV.

О том, как Гимнаст ловко убил военачальника Трипе и других Пикрохоловых воинов

Слова Гимнаста кое-кого напугали, и, вообразив, что это переодетый черт, убоявшиеся начали обеими руками креститься. Один же из них, по прозвищу Жан Добрый, предводитель сельского ополчения, достал из своего гульфика молитвенник и довольно зычным голосом крикнул:

– Agios ho Theos!⁸⁵ Если ты послан Богом, тогда говори! Если же ты послан кем-то другим, тогда уходи!

Но Гимнаст и не думал уходить; многие после этого стали разбредаться, а Гимнаст все примечал и мотал себе на ус.

Он сделал вид, что намерен спешиться, и, наклонившись влево, со шпагой на боку ловко перевернулся в стремени, затем пролез под конским брюхом, подпрыгнул и обеими ногами, но только задом наперед, стал на седло.

– Надо б сделать мне по-другому! – сказал он.

⁸⁵ 85Святой Боже! (греч.)

С этими словами он, подскочив на одной ноге, сделал поворот налево, и расчет его оказался до того точен, что он снова занял исходное положение, решительно ни в чем его не нарушив. Тогда Трипе сказал:

– Гм! Я сейчас этого проделывать не стану, у меня есть на то причины.

– Ах ты, пакость какая! – воскликнул Гимнаст. – Промазал я! Придется еще раз.

Тут он, выказав изрядную силу и ловкость, сделал совершенно такой же прыжок, но только с наклоном вправо. Затем, ухватившись большим пальцем правой руки за седельную луку, подтянулся всем корпусом, причем вся его сила сосредоточилась теперь в мускулах и сухожилиях большого пальца, и три раза перевернулся. На четвертый раз, ни за что уже не держась, он перекувырнулся и очутился между ушей коня; затем, опираясь всей тяжестью на большой палец левой руки, сделал мулинет и, наконец, хлопнув ладонью правой руки по середине седла и одним броском очутившись на крупе, сел на дамский манер.

Потом он без малейших усилий занес правую ногу поверх седла и принял положение всадника, едущего на крупе.

– Нет, – сказал он, – сяду-ка я между двумя луками!
Тут он уперся в круп коня большими пальцами обеих рук, перекувырнулся и принял правильное поло-

жение между луками; потом одним рывком вскочил, стал, сдвинув ноги, между луками и, скрестив руки на груди, раз сто подряд перевернулся, громко при этом крича:

– Черти, я беснуюсь, беснуюсь, беснуюсь! Держите меня, черти, держите, держите!

Меж тем как он вольтижировал, разбойники в полном недоумении переговаривались:

– Клянусь раками, это перевертень, не то переодетый черт! *Ab hoste maligno libera nos, Domine!*⁸⁶ В конце концов они бросились врассыпную и долго еще потом оглядывались, точно собака, ухватившая гусиное крылышко.

Тут Гимнаст, оценив всю выгодность своего положения, сошел с коня, обнажил шпагу и стал наносить страшные удары тем, кто был понаряднее, громоздя целые горы изувеченных, раненых, убитых, причем никто из них даже и не помышлял о сопротивлении,

– все были уверены, что это сам черт, да еще изголодавшийся, непреложное чему доказательство они усматривали как в изумительной его вольтижировке, так и в том, что Трипе, ведя с ним беседу, именовал его чертовым родственником; впрочем, Трипе предательским ударом своей ландскнехтской шпаги чуть было не раскрыл ему череп, но Гимнаст был хоро-

⁸⁶ От врага лукавого избави нас, Господи (лат.)

шо защищен и восчувствовал лишь тяжесть этого удара, – он живо обернулся, всадил, не сходя с места, острие своей шпаги в помянутого Трипе, который в это время тщательно прикрывал грудь, и одним махом проколол ему желудок, ободочную кишку и половину печени, вследствие чего Трипе свалился с ног, и, валясь, он испустил из себя более четырех горшков супу, а вместе с супом и дух.

А Гимнаст тот же час удалился, ибо он полагал, что в случаях счастливых не следует перегибать палку, а то счастье может и изменить, и что рыцарю подобает ко всякой своей удаче относиться бережно, не надоедать ей и не докучать; и с этою мыслью он вскочил на коня, дал ему шпоры и двинулся прямым путем к Лавогюйону, а за ним последовал и Вертопрах.

Глава XXXVI.

О том, как Гаргантюа разрушил замок при Ведском броде, и о том, как воины его перешли брод

Возвратившись из разведки. Гимнаст доложил, что собой представляет неприятель, рассказал о той хит-

рости, благодаря которой он один справился с целой воинской частью, и в заключение объявил, что все они каналы, грабители и разбойники, в военной науке ничего не смыслящие, и что Гаргантюа со своими спутниками может безбоязненно выступить в поход, – они-де без труда перебьют, пикрохоловцев, перебьют как скотину.

Выслушав эти донесения, Гаргантюа сел на свою громадную кобылу и вместе с вышеперечисленными сподвижниками тронулся в путь, а по дороге ему попалось высокое и раскидистое дерево (которое прежде обыкновенно называли деревом св. Мартина, потому что оно выросло из посоха, некогда воткнутого в землю св. Мартином), и при виде его он сказал:

– Это-то мне и нужно. Из этого дерева я сделаю себе и посох и копье.

Затем он без всяких усилий вырвал дерево с корнем, обломал ветки и по своему благоусмотрению очистил его.

Кобыле между тем припала охота помочиться, и столь обильным оказалось это мочеиспускание, что вскоре на семь миль кругом все было затоплено, моча же ее стекла к Ведскому броду и так подняла в нем уровень воды, что вся шайка врагов, охваченная ужасом, потонула, за исключением очень немногих – тех, кто взял левей, по направлению к холмам.

Когда Гаргантюа приблизился к Ведскому лесу, Эвдемон довел до его сведения, что остатки вражеских полчищ укрылись в замке. Тогда Гаргантюа, дабы в том удостовериться, закричал во всю глотку:

– Вы – там, или же вас там нет? Если вы там, то больше вы там не будете; если же вас там нет, то мне вам сказать нечего.

Но тут негодяй-пушкарь, стоявший у бойницы, выстрелил в Гаргантюа, и ядро с разлета угодило ему в правый висок; однако Гаргантюа ощутил при этом такую же точно боль, как если бы в него запустили косточкой от сливы.

– Это еще что? – воскликнул он. – Виноградом кидаться? Ну так мы заставим вас подобрать! Он и в самом деле подумал, что это виноградина. Разбойники в это время были заняты дележом добычи, однако ж, услышав шум, они поднялись на бастионы и башни и дали по Гаргантюа более девяти тысяч двадцати пяти бомбардных и пищальных выстрелов, причем всякий раз целились ему прямо в голову, и столь частой была эта стрельба, что Гаргантюа в конце концов закричал:

– Понократ, друг мой! От этих мух у меня рябит в глазах! Сломайте мне ивовую ветку, я буду ею отмываться.

Он вообразил, что свинцовые и каменные ядра – это всего-навсего слепни. Понократ же ему объяснил,

что это вовсе не мухи, а орудийные выстрелы и что ядра летят из замка. Тогда Гаргантюа принялся колотить по замку громадным своим деревом, и от его мощных ударов все бастионы и башни разлетелись и рухнули. Тех же, кто находился внутри, так расплющило, что и костей их нельзя было собрать.

Покончив с замком, Гаргантюа и его приближенные подъехали к мельничной запруде и увидели, что весь брод завален мертвыми телами, загородившими водоспуск; это и были те, что погибли от кобыльего мочепотопа. Стали они тут думать да гадать, как бы им преодолеть препятствие, которое представляли собою трупы, и перебраться на ту сторону. Наконец Гимнаст объявил:

– Если тут перешли черти, так и я отлично перейду.

– Черти здесь переходили, – заметил Эвдемон, – им нужно было унести души осужденных на вечную муку.

– Отсюда прямой вывод, – подхватил Понократ, – что Гимнаст тоже перейдет, да будет мне свидетелем святой Треньян!

– А как же иначе? – отозвался Гимнаст. – Что же мне, так тут и оставаться?

Дав шпоры коню, он свободно перебрался на тот берег, и конь его не испугался мертвецов: воспользовавшись указанием Элиана, Гимнаст приучил его не бояться ни мертвых душ, ни мертвых тел, но для этой

цели он не убивал людей, как это делал Диомед, убивавший фракийцев, или же Одиссей, о котором повествует Гомер, что он клал тела убитых врагов под ноги своему коню, – нет, он зарывал в сено чучело и заставлял коня переступить через него, маня его овсом.

Трое спутников следом за ним перебрались благополучно, застрял только Эвдемон, и вот почему: правая нога его коня по колено увязла в брюхе одного дюжего и ражего поганца, навзничь лежавшего в воде, и конь никак не мог ее вытащить; и до той поры он тут бился, пока Гаргантюа концом своего посоха не погрузил остатки требухи этого мерзавца в воду; тогда конь высвободил ногу, и – редчайший случай в гиппиатрии! – от прикосновения к внутренностям этого жирного негодяя нарост на ноге коня сам собой отвалился.

Глава XXXVII.

О том, как Гаргантюа вычесывал из волос ядра

Оттуда они двинулись берегом речки Вед и немного погодя приблизились к замку Грангузье, а Грангузье в это время с великим нетерпением их ожидал. Как скоро они прибыли, пошел пир горой; никто еще так не веселился, как они, – автор *Supplementam Supplementi Chronicorum*⁸⁷ утверждает, что Гаргамелла от радости даже умерла. Мне ничего об этом не известно – я так же мало думаю о ней, как и о всякой другой.

Достоверно одно: переодеваясь и проводя по волосам гребнем длиною в сто канн, с зубьями из цельных слоновых клыков, Гаргантюа всякий раз вычесывал не менее семи ядер, которые у него там застряли во время битвы в Ведском лесу. Грангузье, глядя на него, подумал, что это вши, и сказал:

– Сынок! Ты что же это, занес к нам сюда ястребов из Монтегю? Разве ты там находился?

Понократ же ему на это ответил так:

⁸⁷ 87Дополнения дополнений к «Хроникам» (лат.)

– Ваше величество! Пожалуйста, не думайте, что я его поместил в этот вшивый коллеж, именуемый Монтегю. Скорее я отдал бы его нищей братии Невинноубиенных младенцев, – такие чудовищные творятся в Монтегю жестокости и безобразия. Мавры и татары лучше обращаются с каторжниками, в уголовной тюрьме лучше обращаются с убийцами, и, уж верно, в вашем доме лучше обращаются с собаками, чем с этими горемыками в коллеже Монтегю. Черт возьми, будь я королем в Париже, я бы сжег коллеж, а с ним и его начальника и всех его надзирателей, коль скоро они допускают такое зверское обращение! – Тут он поднял одно из ядер и сказал: – Это пушечные ядра, коими коварный враг стрелял в вашего сына Гаргантюа, когда он совершал переход через Ведский лес. Враги, однако ж, за это поплатились: они все погибли под развалинами замка, так же точно, как филистимляне, коих погубило хитроумие Самсона, или как те люди, на которых упала башня Силоамская, о чем говорится в Евангелии от Луки, в главе тринадцатой. И вот я полагаю, что, пока счастье нам улыбается, мы должны устремиться в погоню, ибо волосы у случая на лбу растут. А то если он от вас уплывет, вам потом не за что будет его ухватить: сзади он совершенно лыс, а лицом к вам он уже не повернется.

– Нет уж, только не сейчас, – сказал Грангузье, –

нынче вечером я намерен вас чествовать. Милости просим!

Тут подали ужин, для которого, помимо всего прочего, было зажарено шестнадцать быков, три телки, тридцать два бычка, шестьдесят три молочных козленка, девяносто пять баранов, триста молочных поросят под превосходным соусом, двести двадцать куропаток, семьсот бекасов, четыреста судейских и корнуальских каплунов, шесть тысяч цыплят и столько же голубей, шестьсот рябчиков, тысяча четыреста зайцев, триста три дрофы и тысяча семьсот каплунят. Дичины сразу не удалось достать сколько требовалось; впрочем, настоятель Тюрпенеяского аббатства прислал одиннадцать кабанов; сеньор де Гранмон прислал в дар восемнадцать туш красного зверя; сеньор Дезессар прислал сто сорок фазанов, да еще набралось несколько десятков диких голубей, а также речной птицы, чирков, выпей, кроншнепов, ржанок, лесных куропаток, казарок, сукальней, чибисят, турпанов, колпиц, цапель, молодых цаплят, водяных курочек, белых хохлатых цапель, аистов, стрепетов, красноперых фламинго (так называемых феникоптеров), индек; сверх того, было подано изрядное количество супов и рагу.

Все это многое множество кушаний мастерски приготовили повара Грангузье: Оближи, Обглодай и Об-

соси. Жано, Микель и Вернет то и дело подливали ви-
на.

Глава XXXVIII.

О том, как Гаргантюа вместе с салатом проглотил шестерых паломников

Здесь кстати будет рассказать о том, что случилось с шестью паломниками, которые пришли из Сен-Себастьяна, что близ Нанта, и, убоявшись неприятеля, расположились на ночлег в огороде, под стеблями гороха, между капустой и латуком. Гаргантюа, почувствовав жажду, спросил, нет ли латука и нельзя ли сделать салат; когда же ему сказали, что латук здесь самый лучший и самый крупный во всей стране, величиною со сливовое или же с ореховое дерево, он пошел за латуком сам и нарвал сколько ему заблагорассудилось. Вместе с латуком он прихватил и шестерых паломников, паломники же от страха пикнуть не смели.

Латук прежде всего промыли в источнике, и вот тут-то паломники зашептались:

– Как нам быть? Потонем мы в этом латуке. Разве заговорить? А заговоришь – он еще, пожалуй, убьет нас как лазутчиков.

Пока они рассуждали, Гаргантюа положил их вместе с латуком в салатник величиною с ситойскую бочку, полил маслом и уксусом, посолил, а затем, чтобы подзаправиться перед ужином, принялся все это упивать и переправил уже себе в рот пятерых паломников. Шестой паломник забился под лист латука, но кончик его посоха все же торчал. Заметив это, Грангузье сказал Гаргантюа:

– По-моему, это рожок улитки. Не ешь ее.

– Почему? – возразил Гаргантюа. – Улитки в это время года особенно вкусны.

Тут он подцепил посох, поднял вместе с ним паломника и скушал его за мое почтение; потом запил это чудовищным глотком пино и вместе со всеми стал ждть ужина.

Будучи препровождены таким порядком в рот, паломники приложили все усилия, чтобы не попасть под жернова его зубов, и уже начали думать, что их заточили в какое-то глубокое подземелье; когда же Гаргантюа как следует отхлебнул, им показалось, что они сейчас утонут у него во рту, и точно: поток вина чуть было не унес их в пучину его желудка; однако, опираясь на посохи и перепрыгивая с места на место, ни дать ни взять – паломники, идущие на поклонение св. Михаилу, они наконец выбрались из подземелья и уже достигли зубов. К несчастью, один из них, на всякий

случай ощупывая посохом дорогу, ткнул им в дупло одного зуба и, задев челюстной нерв, причинил Гаргантюа столь сильную боль, что тот, невзвидев света, завопил. Чтобы успокоить боль, Гаргантюа велел подать ему зубочистку и, приблизившись к ореховому дереву, мигом выковырял господ паломников. Одного вытащил за ноги, другого за плечи, третьего за суму, четвертого за кошель, пятого за перевязь, а того беднягу, которого угораздило долбануть его посохом, зацепил за гульфик; как бы там ни было, для Гаргантюа это вышло к лучшему, ибо паломник проткнул ему гнойный мешочек, мучивший его с той самой поры, как они миновали Ансени.

Выковырянные паломники что было духу пустились бежать через виноградник, а боль у Гаргантюа мгновенно утихла.

В это самое время Эвдемон позвал его ужинать, так как все было готово.

– Дай сначала помочиться, авось легче будет, – отозвался Гаргантюа.

И тут он пустил такую струю, что она преградила паломникам путь, и пришлось им перебираться через многоводный поток. После этого, идя по краю перелеска, все они, за исключением Фурнилье, угодили в капкан, поставленный на волков, выбрались же они оттуда единственно благодаря находчивости помяну-

того Фурнилье, который порвал все шнуры и веревки. Остаток ночи они провели в лачужке близ Кудре, и тут один из их компании, по имени Неспеша, утешил их в несчастье добрым словом, доказав им, что это их приключение предсказано в одном из псалмов Давида:

– Cum exurgerent homines in nos, forte vivos deglutissent nos,⁸⁸ – когда нас съели вместе с присоленным салатом; cum irasceretur furor eorum in nos, forsitan aqua absorbuisset nos,⁸⁹ – когда он как следует хлебнул; torrentem pertransivit anima nostra⁹⁰ – когда мы перебирались через многоводный поток; forsitan pertransivit anima nostra aquam intolerabilem⁹¹ его мочи, которая нам отрезала путь. Benedictus Dominus, qui pop dedit nos in caplionern dentibus eorum. Anima nostra sicut passer erepta est de laqueo venantium,⁹² – тут подразумевается капкан; laqueus coniritus est⁹³ рукою

⁸⁸ 88Когда б восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас (лат.)

⁸⁹ 89Когда б возгорелась ярость их на нас, воды потопили бы нас (лат.)

⁹⁰ 90Поток перешла душа наша (лат.)

⁹¹ 91Перешла бы душа наша воды бурные (лат.)

⁹² 92Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их. Душа наша спасена, как птица из сети ловцов (лат.)

⁹³ 93Сеть расторгнута (лат.)

Фурнилье, ei nos liberati sumus. Adjutorium nostrum...⁹⁴
и так далее.

⁹⁴ 94И мы вызволены. Опора наша... (лат.)

Глава XXXIX.

О том, как Гаргантюа чувствовал монаха и как прекрасно говорил монах за ужином

Как скоро Гаргантюа сел за стол и первые куски были проглочены, Грангузье повел рассказ о начале и причине войны между ним и Пикрохолом и, доведя свое повествование до того момента, когда брат Жан Зубодробитель одержал победу при защите монастырского виноградника, превознес его подвиг выше деяний Камилла, Сципиона, Помпея, Цезаря и Фемистокла. Тут Гаргантюа попросил сей же час послать за монахом, — он хотел посоветоваться с ним касательно того, как действовать дальше. Во исполнение его желания за монахом отправился дворецкий и немного погодя в веселом расположении духа с ним возвратился, причем брат Жан восседал на муле Грангузье, держа в руках перекладину от креста.

Брат Жан был встречен нескончаемыми кликами восторга, объятиями, приветствиями.

— А, брат Жан, дружище! Брат Жан, приятель! Брат Жан, черт тебя возьми, дай я тебя поцелую, дружок!

– Дай я тебя обниму!

– Поди сюда, блудодей, вот я тебя сейчас задушу!

А брат Жан знай посмеивался. Такого милого и обходительного человека прямо поискать!

– Ну-ка, ну-ка, – сказал Гаргантюа, – поставьте ему скамейку вот тут, подле меня!

– Пожалуйста, куда прикажете, – сказал монах. – Паж, водички! Лей, дитя мое, лей! Это мне освежит печенку. Дай-ка сюда, я пополощу себе горло!

– Deposita sarra, – сказал Гимнаст, – рясу долой!

– Боже сохрани! – воскликнул монах. – Нет, милостивый государь, это нам не положено, – in statutis Ordinis⁹⁵ есть насчет этого особый раздел.

– В задницу, в задницу ваш раздел! – заметил Гимнаст.

– Ряса давит вам плечи, снимите ее!

– Друг мой, – сказал монах, – пусть она останется на мне, – ей-Богу, мне в ней лучше пьется, от нее тебе веселей. Ежели я ее скину, господа пажи наделают себе из нее подвязок, как это уже однажды со мной случилось в Кулене. Вдобавок у меня пропадет весь аппетит. А ежели я сяду за стол в этом самом одеянии, – вот тебе крест, я с легкой душой не только что за тебя, а и за твоего коня выпью! Мир честной компании! Я, правда, поужинал, но это мне не помешает

⁹⁵ 95В уставе ордена (лат.)

есть за обе щеки, – желудок у меня луженый, он пуст внутри, как монашеский посошок, и всегда открыт, как мешок адвоката. Из всех рыб, не считая линя, говорит пословица, лучше всего крылышко куропатки или же окорочок монашки. Наш настоятель страсть как любит белое каплунье мясо.

– Этим он отличается от лисы, – заметил Гимнаст. – Лиса ни у каплунов, ни у кур, ни у цыплят ни за что не станет есть белое мясо.

– Почему? – спросил монах.

– Потому что у нее нет поваров, чтобы его варить, – отвечал Гимнаст, – а если мясо надлежащим образом не проварено, оно все будет красным, а не белым. Краснота мяса есть признак того, что оно не проварено, – исключение составляет лишь мясо омаров и раков: их посвящают в кардиналы, когда варят.

– Свят, свят, свят! – воскликнул монах. – Стало быть, у нашего монастырского лекаря плохо проварена голова, – глаза у него красные, как миски из ольхи... Вот это заячье бедро полезно было бы подагрику. Кстати, отчего это бедра у девушек всегда бывают прохладные?

– Этим вопросом не занимались ни Аристотель, ни Александр Афродисийский, ни Плутарх, – отвечал Гаргантюа.

– Существует три причины, в силу которых то или

иное место естественным образом охлаждается, – продолжал монах. – *Primo*,⁹⁶ когда берега его омываются водой; *secundo*,⁹⁷ если это место тенистое, темное, сумрачное, куда не проникает солнечный свет, и, в-третьих, если оно беспрестанно овеивается ветрами, дующими из теснины, а также производимыми колыханием сорочки и в особенности колыханием гульфика... А ну, веселей! Паж, плесни нам еще!.. Чок, чок, чок!.. Надо Бога благодарить за такое славное вино!.. Живи я во времена Иисуса Христа, – вот как Бог свят, я бы не дал евреям схватить его в Гефсиманском саду! Черт побери, да я бы господам апостолам поджилки перерезал за то, что они испугались и убежали после сытного ужина, а доброго своего учителя покинули в беде! Хуже всякой отравы для меня те люди, которые удирают, когда нужно взяться за ножи. Эх, побыть бы мне французским королем лет этак восемьдесят или сто! Ей-Богу, я бы выхолостил всех, кто бежал из-под Павий! Лихорадка им в бок! Почему они, вместо того чтоб погибнуть, бросили доброго своего государя на произвол судьбы? Разве не лучше, разве не почетнее – умереть, доблестно сражаясь, чем остаться жить, позорно бежав?.. В нынешнем году нам уж гусями не полакомиться. Эй,

⁹⁶ 96Во-первых (лат.)

⁹⁷ 97Во-вторых (лат.)

будь другом, отрежь-ка мне свининки!... А то ведь уж давно стоит, – стаканчик-то давно передо мной стоит! *Germinavit radix Jesse.*⁹⁸ Дьявольщина, я умираю от жажды!.. А вино-то ведь неплохое! Вы что пили в Париже? Мой дом в Париже более полугодом был открыт для всех, ей-ей, не вру!.. Вы знакомы с братом Клавдием из Верхнего Баруа? То-то добрый собутыльник! Какая, однако ж, муха его укусила? С некоторых пор он все только учится да учится. А вот я ничему не учусь. Мы в нашем аббатстве ничему не учимся – боимся свинкой заболеть. Наш покойный аббат говорил, что ученый монах – это чудовище. Ей-богу, любезный друг, *magis magnos clericos pop sunt magis magnos sapientes.*⁹⁹ Если бы вы знали, какая в этом году гибель зайцев! Жаль, нигде я не мог раздобыть ни ястреба, ни кречета. Господин де ла Беллоньер пообещал мне сапсана, а на днях прислал письмо: птица-де стала задыхаться. От куропаток в этом году отбою не будет. Ну да я не любитель расставлять силки, – как раз простуду схватишь. Если я не бегаю туда-сюда, не мечусь, мне все как-то не по себе. Вот только начнешь махать через изгороди да кусты – сейчас же ряса в клочья. Славной борзой я обзавелся.

⁹⁸ 98Пустил росток корень Иессеев (лат.)

⁹⁹ 99Великие духовные лица не бывают великими учеными (средне-век. лат.)

Уж она зайца не упустит, черта с два! Лакей вел ее к господину де Молеврие, ну, а я ее отнял. Дурно я поступил?

– Нисколько, брат Жан, – отвечал Гимнаст, – нисколько, клянусь тебе всеми чертями, нисколько!

– Ну так за чертей, пока они существуют! – подхватил монах. – Бог ты мой, на что этому хромцу борзая! Подарить бы ему пару волов, – истинный Бог, это бы его куда больше порадовало!

– Отчего это вы, брат Жан, все время божитесь? – спросил Понократ.

– Это только для красоты слога, – отвечал монах. – Это цветы Цицероновой риторики.

Глава XL.

Отчего миряне избегают монахов и отчего у одних носы длиннее, чем у других

– Клянусь христианской верой, – воскликнул Эвдемон, – благовоспитанность этого монаха наводит меня на глубокие размышления! Он нас тут всех распотешил, а почему же тогда монахов называют бичами веселья и изгоняют из всякой славной компании, подобно тому как пчелы гонят из ульев трутней?

*Ignavum fucos pecus a prese'pibus arcent,
Трутней ленивых народ от ульев без
жалости гонит (лат.).*

Перевод С. Аверинцева

– говорит Марон.

На это ему Гаргантюа ответил так:

– Не подлежит сомнению, что ряса и клобук навлекают на себя со всех сторон поношения, брань и проклятия, так же точно, как ветер, Цециасом называемый, нагоняет тучи. Основная причина этого заключа-

ется в том, что монахи пожирают людские отбросы, то есть грехи, и, как дерьмоедам, им отводят места уединенные, а именно монастыри и аббатства, так же обособленные от внешнего мира, как отхожие места от жилых помещений. Далее, если вам понятно, отчего все в доме смеются над обезьяной и дразнят ее, то вам легко будет понять и другое: отчего все, и старые и молодые, чуждаются монахов. Обезьяна не сторожит дома в отличие от собаки, не тащит плуга в отличие от вола, не дает ни молока, ни шерсти в отличие от овцы, не возит тяжестей в отличие от коня. Она только всюду гадит и все портит, за что и получает от всех насмешки да колотушки. Равным образом монах (я разумею монахов-тунеядцев) не пашет землю в отличие от крестьянина, не охраняет отечество в отличие от воина, не лечит больных в отличие от врача, не проповедует и не просвещает народ в отличие от хорошего проповедника и наставника, не доставляет полезных и необходимых государству предметов в отличие от купца. Вот почему все над монахами глумятся и все их презирают.

– Да, но они молятся за нас, – вставил Грангузье.

– Какое там! – молвил Гаргантюа. – Они только терзают слух окрестных жителей дилиньбомканьем своих колоколов.

– Да, – сказал монах, – хорошенько отзвонить к

обедне, к утрине или же к вечерне – это все равно что наполовину их отслужить. – Они вам без всякого смысла и толка пробормочут уйму житий и псалмов, прочтут бесчисленное множество раз «Pater noster»¹⁰⁰ попеременно с бесконечными «Ave Maria»¹⁰¹ и при этом сами не понимают, что такое они читают, – по-моему, это насмешка над Богом, а не молитва. Дай Бог, если они молятся в это время за нас, а не думают о своих хлебцах да жирных супах. Всякий истинный христианин, кто бы он ни был и где бы ни находился, молится во всякое время, а Дух Святой молится и предстательствует за него, и Господь ниспосылает ему свои милости. Так поступает и наш добрый брат Жан. Вот почему все жаждут его общества. Он не святоша, не голодранец, он благовоспитан, жизнерадостен, смел, он добрый собутыльник. Он трудится, пашет землю, заступает за утесненных, утешает скорбящих, оказывает помощь страждущим, охраняет сады аббатства.

– Я еще и не то делаю, – сказал монах. – За панихидой или же утреней я стою на клиросе и пою, а сам в это время мастерю тетиву для арбалета, оттачиваю стрелы, плету сети и силки для кроликов. Я никогда без дела не сижу. А теперь, дети, выпьем! Вы-

¹⁰⁰ 100«Отче наш» (лат.)

¹⁰¹ 101«Богородице, Дево, радуйся» (лат.)

пьем теперь, дети! Подай-ка мне каштанов! Это каштаны из Этросского леса, – вот я сейчас и выпью под них доброго холодного винца. Что же это вы так медленно раскачиваетесь? Я, как лошадь сборщика, пью из каждого ручейка, ей-богу!

Гимнаст ему сказал:

– Брат Жан, у вас на носу капля.

– Ха-ха! – засмеялся монах. – Вы думаете, что если я в воде по самый нос, стало быть, сейчас утону? Не бойтесь, не утону. Quare? Quia¹⁰² выйти она из носу выйдет, а обратно не войдет: мой нос весь внутри зарос. Ах, друг мой, если б кто-нибудь сшил себе на зиму сапоги из такой кожи, как моя, он бы в них смело мог ловить устриц – нипочем бы эти сапоги не промокли!

– Отчего это у брата Жана такой красивый нос? – спросил Гаргантюа.

– Оттого что так Богу было угодно, – отвечал Грангузье.

– Каждому носу Господь придает особую форму и назначает особое употребление, – он так же властен над носами, как горшечник над своими сосудами.

– Оттого что брат Жан одним из первых пришел на ярмарку носов, – сказал Понократ, – вот он и выбрал себе какой покрасивее да покрупнее.

¹⁰² 102Почему? Потому что (лат.)

– Ну, ну, скажут тоже! – заговорил монах. – Согласно нашей истинной монастырской философии это оттого, что у моей кормилицы груди были мягкие. Когда я их сосал, мой нос уходил в них, как в масло, а там уж он рос и поднимался, словно тесто в квашне. От тугих грудей дети выходят курносые. А ну, гляди весело! *Ad formam nasi cognoscitur ad Te levavi...*¹⁰³ Варенья я не ем. Плесни-ка нам, паж! *Item*¹⁰⁴ гренков.

¹⁰³ 103По носу узнаешь, как «К Тебе вздымаю я» (лат.). (Слова в кавычках – начало псалма 122)

¹⁰⁴ 104Еще (лат.)

Глава XLI.

О том, как монах усыпил Гаргантюа, о служебнике его и о том, как он читал часы

После ужина стали совещаться о неотложных делах, и решено было около полуночи отправиться в разведку, дабы испытать бдительность и проворство врага, а пока что решили слегка подкрепить свои силы сном. Гаргантюа, однако ж, никак не мог уснуть. Наконец монах ему сказал:

– Я никогда так хорошо не сплю, как во время проповеди или же на молитве. Я вас прошу: давайте вместе начнем семипсалмие, и вы сей же час заснете, уверяю вас!

Гаргантюа весьма охотно принял это предложение, и в самом начале первого псалма, на словах *Beati quorum*¹⁰⁵ они оба заснули. Монах, однако ж, проснулся как раз около полуночи – в монастыре он привык в это время вставать к утрени. Проснувшись, он тут же разбудил всех, ибо запел во все горло песню:

¹⁰⁵ 105Блажен, кому [отпущены беззакония] (лат.)

Эй, Реньо, очнись, проснись,
Эй, Реньо, да ну, вставай же!

Когда все проснулись, он сказал:

– Господа! Говорят, что утренняя начинается с откашливания, а ужин с возлияния. А мы давайте наоборот: утреню начнем с возлияния, а вечером, перед ужином, прокашливаемся всласть.

Тут Гаргантюа сказал:

– Пить спозаранку, тотчас же после сна, – это против правил медицины. Прежде надлежит очистить желудок от излишков и экскрементов.

– Нет, это очень даже по-медицински! – возразил монах.

– Сто чертей мне в глотку, если старых пьяниц на свете не больше, чем старых докторов! Я с моим аппетитом заключил договор, по которому он обязуется ложиться спать вместе со мной, и целый день я за ним слежу, а просыпаемся мы с ним тоже одновременно. Вы себе сколько душе угодно принимайте ваши слабительные, а я прибегну к моему рвотному.

– Какое рвотное вы имеете в виду? – спросил Гаргантюа.

– Мой служебник, – отвечал монах. – Сокольничие,

перед тем как дать своим птицам корму, заставляют их грызть куриную ножку, – это очищает их мозг от слизи и возбуждает аппетит. Так же точно и я беру по утрам веселенький мой служебничек, прочищаю себе легкие, а после этого мне только лей – не жалей.

– Какого чина придерживаетесь вы, когда читаете часы? – спросил Гаргантюа.

– Как придется – вот чего я придерживаюсь, – отвечал монах. – Иной раз читаю по три псалма и по три отрывочка из Священного писания, а нет охоты, так и совсем ничего. Я себя часами не утруждаю – не человек для часов, а часы для человека. Словом сказать, я поступаю с ними, как все равно со стременными ремнями – укорачиваю и растягиваю, как мне вздумается: *brevis oratio penetrat celos, longa potatio evacuat cyphos*.¹⁰⁶ Кто это сказал?

– Честное слово, блудодейчик, не знаю, – молвил Понократ. – Однако ж ты молодчина!

– Весь в вас пошел, – отвечал монах. – А теперь *venite apotemus*.

Тут принесли невесть сколько жаркого, а к нему ломтики хлеба, смоченные в супе, и монах начал пить в свое удовольствие. Некоторые составили ему компанию, прочие отказались. Затем все начали соби-

¹⁰⁶ 106Краткая молитва достигает небес, долгое питание опорожняет чаши (лат.)

раться в поход и надевать бранные доспехи, при этом брата Жана облекли в доспехи против его желания, ибо он сначала и слышать ни о чем не хотел, кроме как о том, чтобы прикрыть живот рясой, а в руку взять перекладину от креста. Однако, не желая огорчать соратников, он все же вооружился до зубов и, приведя сбоку булатный меч, воссел на доброго неаполитанского скакуна, и вместе с ним выступили в поход Гаргантюа, Гимнаст, Эвдемон и еще двадцать пять самых храбрых слуг Грангузье, все в полном вооружении, все на конях и с копьями, как святой Георгий, а позади каждого воина на крупе коня сидел стрелок.

Глава XLII.

**О том, как монах
ободрял соратников и
как он повис на дереве**

Итак, доблестные воины отправляются на поиски приключений, точно условившись перед отбытием, в каких случаях, если пробьет час великого и страшно-го сражения, должно давать бой, в каких

- уклоняться. А монах знай подбадривает их:
- Дети мои, не бойтесь и не пугайтесь! Я поведу вас верным путем. С нами Бог и святой Бенедикт! Будь я так же силен, как и удал, я бы всех наших супостатов, пропади они пропадом, ощипал, как уток! Я не боюсь ничего, кроме артиллерии. Впрочем, подпономарь нашего аббатства дал мне одну молитву, – она охраняет человека от всякого огнестрельного оружия, только мне-то она ни к чему, потому как я в нее вот настолько не верю. А уж этой самой перекладиной я наделаю дел! Клянусь Богом, задай кто из вас стрекача, так пусть меня черт возьмет, ежели я не сделаю его вместо себя монахом и не наряжу в свою рясу, – ряса ведь помогает от трусости. Слыхали вы когда-нибудь про борзого кобеля господина де Мерля? Как охотничья собака, он сплоховал, а хозяин накиннул на него рясу. Клянусь телом Христовым, с тех пор он уж не упустил ни лисы, ни зайца, и это еще что: он покрыл всех сучек в околотке, а ведь прежде он был по этой части слаб, *de frigidis et maleficiatis*.¹⁰⁷

¹⁰⁷ 107О чуждых любовному пылу и подвергшихся злomu воздействию

Брат Жан в сердцах произносил эти слова, как раз когда он, держа путь к Соле, проезжал под ореховым деревом, и тут забрало его шлема зацепилось за обломленный край толстого сука. Невзирая на это обстоятельство, монах изо всех сил пришпорил коня, конь же его не выносил шпор: он скакнул вперед, монах, сиюсь отцепить забрало, выпустил поводья и ухватился рукой за сук, а в это время конь из-под него вырвался. Монах вследствие этого повис на дереве и стал звать на помощь, кричать «караул» и всех обвинять в измене.

Эвдемон заметил его первый и обратился к Гаргантюа:

– Государь, посмотрите поближе на этого висящего Авессалома!

Гаргантюа подъехал и, увидев, какое положение принял монах и как именно он повис, сказал Эвдемону:

– Сравнив его с Авессаломом, вы отступили от истины. Авессалом запутался волосами, а у монаха голова бритая, и его держат уши.

– Помогите же мне, черт бы вас всех побрал! – кричал монах. – Нашли время лясы точить! Вы вроде проповедников-декреталистов, которые говорят, что ежели нашему ближнему грозит смертельная опасность,

то мы под страхом троекратного отлучения должны прежде убедить его исповедаться и воспринять благодать, а потом уже оказывать ему помощь. Ну так когда кто-нибудь из этих проповедников упадет на моих глазах в воду и станет тонуть, я, вместо того чтобы броситься к нему и протянуть руку, прочту ему длинную проповедь de contemptu mundi et fuga seculi,¹⁰⁸ а когда уж он совсем застынет, тут только я его вытащу.

– Не дрыгай ногами, душенька, – сказал Гимнаст, – я тебя сейчас сниму, уж очень ты милый monachus¹⁰⁹:

Monachus in claustro
Non valet ova duo;
Sed quando est extra,
Bene valet triginta.

Видишь в келье чернеца?
Он не стоит и яйца.
Повстречай его в пути:
Сразу стоит десяти.
(средневек. лат.).
– Перевод С. Аверинцева.

¹⁰⁸ 108О презрении к миру и бегстве соблазнов его (лат.)

¹⁰⁹ 109Монах

Я видел на своем веку более пятисот повешенных, но никто еще не болтался на дереве с таким изяществом, как ты. Будь я столь же изящен, я бы согласился провисеть так всю жизнь.

– Да перестанете вы проповедовать? – возопил монах. – Помогите мне ради Господа Бога, если не хотите помочь во имя кого-то другого! Клянусь моей рясой, вы об этом еще пожалеете *tempore et loco prelibatis*¹¹⁰.

Тут Гимнаст соскочил с коня, вскарабкался на дерево и одной рукой подхватил монаха под мышки, другой же отцепил его забрало от сука, по каковой причине монах повалился на землю, а следом за ним спрыгнул Гимнаст.

Сверзившись, монах тотчас же сбросил с себя все свое вооружение и доспех за доспехом расшвырял его по полю, засим схватил перекладину от креста и вскочил на своего коня, которого на бегу перехватил Эвдемон.

После этого ратники в веселом расположении духа поехали дальше, по направлению к Соле.

¹¹⁰ 110В свое время на своем месте (лат.)

Глава XLIII.

О том, как Пикрохолова
разведка наткнула на Гаргантюа,
и о том, как монах убил
военачальника Улепета, а затем
попал к неприятелю в плен

Уцелевшие от разгрома, во время которого был растрепан Трипе, донесли Пикрохолу, что на его людей совершили нападение черти, и весть эта привела Пикрохола в совершенное неистовство; всю ночь он держал совет, на котором Бедокур и Фанфарон утверждали, что могущество его таково, что он разобьет всех чертей ада, если только они на него ополчатся, чему сам Пикрохол и верил и не верил.

Как бы то ни было, он выслал в разведывательных целях отряд легкой кавалерии под командой графа Улепета численностью в тысячу шестьсот всадников, причем все они были тщательно окроплены святой водой и у каждого из них вместо знака отличия красовалась в виде перевязи епитрахиль на тот случай, если они столкнутся с чертями, которые от григорианской воды и от епитрахилей должны были неминуемо исчезнуть и расточиться. Так они доехали почти до самого Лавогюйна и Маландри, но, ни от кого не получив нужных сведений, повернули обратно и, поехав верхней дорогой, неподалеку от Кудре обнаружили в пастушеской то ли хижине, то ли лачужке пятерых паломников, коих они тут же связали веревкой и, невзирая на их вопли, заклинания и мольбы, как лазутчиков увели с собой. Когда же они спускались к Сейи, их заметил Гаргантюа.

– Братцы, – сказал он своим людям, – вон неприя-

тельский разъезд, вдесятеро превосходящий нас числом. Как вы полагаете, ударить нам на них?

– А почему бы нет, черт возьми? – молвил монах. – Неужто вы судите о людях по их численности, а не по их доблести и отваге? – И, недолго думая, он крикнул. – Ударим, черти, ударим!

Когда до врагов донеслись эти крики, они, разумеется, подумали, что это самые настоящие черти, и, бросив поводья, обратились в бегство, за исключением Улепета, – он взял корье наперевес и со всего размаху ударил монаха в грудь, однако железный накопчик его копья мгновенно притупился о грозную ясу монаха: это было все равно, как если бы вы тоненькой свечечкой ударили по наковальне. Вслед за тем монах так хватил его перекладной между шей и воротником, прямо по кости, именуемой «акромиион», что тот обмер, лишился чувств и как подкошенный свалился к ногам коня. Тут только заметил монах, что перевязью служила ему епитрахиль.

– Стало быть, он всего-навсего священник, – сказал он Гаргантюа, – а ведь это лишь малая толика монаха. Я же, клянусь святым Иоанном, я – монах заправский, и я вам их всех перебью как мух.

Тут он вскачь понесся за ними, нагнал тех, что ехали сзади, и, нанося удары направо и налево, перемолотил их, как пшеницу.

Гимнаст немедленно обратился к Гаргантюа с вопросом, должны ли они преследовать отступающих.

– Ни в коем случае, – отвечал Гаргантюа. – Согласно истинной военной науке никогда не следует доводить врага до крайности: если он удручен и изнеможен, то отчаяние придает ему сил и вселяет в него бодрость, ибо отнять у людей растерявшихся и измученных всякую надежду на спасение – значит разделить их спасительнейшим средством. Сколько побед было вырвано побежденными из рук победителей единственно потому, что победители наперекор здравому смыслу стремились к полному и окончательному уничтожению и истреблению врага, не думая о том, что следует хоть кого-нибудь оставить в живых, чтобы было кому явиться вестником их победы! Всегда оставляйте неприятелю все ворота и дороги открытыми, сооружайте ему серебряный мост, чтобы облегчить отступление.

– Так-то оно так, – заметил Гимнаст, – да ведь наш добрый монах бросился в погоню.

– Наш добрый монах? – спросил Гаргантюа. – Ну так им несдобровать, клянусь честью! На всякий случай, однако ж, подождем немного, побудем пока здесь, в сторонке. По-моему, я достаточно хорошо изучил повадку наших врагов, – они полагаются на судьбу, а не на здравый смысл.

Меж тем как они стояли в орешнике, монах все еще гнал врага, разя всех, кого встречал на своем пути, и никому не давая пощады, и наконец увидел всадника, везшего на крупе одного из несчастных паломников. И как скоро брат Жан замахнулся, паломник возопил.

– Господин настоятель, милый! Господин настоятель! Спасите меня, умоляю вас!

При этих словах враги обернулись и, удостоверившись, что свирепствует тут один только монах, принялись колотить его кто во что горазд, но ему совсем не было больно, даже когда удары приходились по рясе, – такая у него оказалась толстая кожа. Затем враги приставили к нему двух лучников и, поворотив коней, удостоверились, что никого больше не видно, из чего они сделали вывод, что Гаргантюа со всем своим отрядом бежал. Тогда они стремглав помчались по направлению к Нуарет, дабы настигнуть Гаргантюа, монаха же оставили под охраной двух лучников.

Заслышав конское ржание и топот копыт, Гаргантюа обратился к своим людям:

– Братцы! Я слышу, как скачут наши враги, и уже различаю отдельных всадников из этого полчища, что мчится на нас. Сомкнем же наши ряды, выстроимся по всем правилам на дороге, и предстоящее сражение послужит нам к чести, а им принесет гибель!

Глава XLIV.

О том, как монах избавился от своей охраны и как была разбита Пикрохолова разведка

Итак, враги впопыхах умчались, и это навело монаха на мысль, что они устремились в погоню за Гаргантюа и его людьми, каковая мысль глубоко огорчила его, ибо он не в состоянии был помочь соратникам. Понаблюдав за двумя лучниками, он убедился, что их так и подмывает броситься вслед за однополчанами, чтобы и на их долю хоть что-нибудь да перепало, — они все поглядывали в сторону долины, куда спускались их товарищи. В конце концов он рассудил так:

«Сейчас видно, что мои часовые в ратном искусстве не искушены, — они даже не взяли с меня клятвы, что я не убегу, и не отобрали меча».

Затем он неожиданно выхватил этот самый меч и, ударив лучника, находившегося справа от него, перерезал ему шейные вены и сфенитидные артерии, а заодно и язычок, вплоть до миндалин, вторым же ударом обнажил спинной мозг между вторым и третьим позвонками, после чего лучник приказал долго жить.

Тогда монах, поворотив коня налево, наехал на другого лучника, а тот, видя, что его товарищ мертв, монах же на него наседает, заорал во всю мочь:

– Ай, ай, ай, господин настоятель, я сдаюсь! Господин настоятель, родной мой, господин настоятель!

А монах свое:

– Не просите меня столь настоятельно, все равно я вам, мой дорогой, накладу по-настоящему!

– Ай, ай, ай! – стонал лучник. – Господин настоятель, голубчик вы мой, помогите вам Бог стать аббатом!

– Клянусь моей рясой, я вас посвящу в кардиналы! – объявил монах. – Вы с духовных особ берете выкуп? Ну так я вам сейчас вручу кардинальскую красную шапку.

А лучник свое:

– Господин настоятель, господин настоятель, господин будущий аббат, господин кардинал, господин все что хотите! Ах! Ох! Ах! Не надо, господин настоятель, миленький мой, господин настоятель, я вам сдаюсь!

– А я тебя сдам всем чертям, – объявил монах.

И тут он одним ударом рассек ему голову – он пробил ему черепную коробку над самой височной костью, разворотил обе теменные кости, вместе со стреловидным мостом и большею частью лобной кости, а заодно проткнул обе мозговые оболочки и глубоко проник в боковые желудочки, так что заты-

лок, держась на одном только кожном покрове черепной надкостницы, повис над плечами наподобие докторской шапочки, черной снаружи и красной внутри. Вслед за тем лучник неподвижно распростерся на земле.

Покончив с лучниками, монах дал шпоры коню и устремился по пути следования врагов, враги же схватились с Гаргантюа и его отрядом на большом дороге, и число их к этому времени значительно поубавилось, ибо Гаргантюа при помощи своего огромного дерева и при содействии Гимнаста, Понократа, Эвдемона и других учинил им столь великое побоище, что от ужаса у них расстроились чувства и помрачился разум, как если бы перед ними предстала смерть в подлинном своем образе и обличье, и они поспешно начали отступать.

Подобно тому как осел, под хвостом у которого овод Юноны или же муха, мчится, не разбирая дороги, сбрасывая наземь поклажу, обрывая недоуздок и поводья, ни разу не передохнув и не остановившись, причем со стороны невозможно понять, чего это он так припустился, оттого что вам не видно, что именно его беспокоит, – так же точно бежали обезумевшие эти люди, сами не зная, почему они бегут: их подгонял панический страх, вселившийся в их души.

Тогда монах, видя, что все их помыслы направлены

к тому, чтобы как можно скорее утечь, соскочил с коня, взобрался на большой придорожный камень и, не жалея и не щадя собственных сил, стал поражать беглецов смертоносными ударами грозного своего меча. И столько он умертвил и уложил на месте, что в конце концов меч его разломился на две части. Тут он рассудил, что резню и избиение нужно приостановить, — уцелевшие пусть себе бегут и разносят весть о случившемся.

Все же он поднял секиру одного из убитых, снова взобрался на камень и, следя за тем, как враги бегут и как они натываются на мертвые тела, принуждал их бросать пики, шпаги, копья и пищали; тех же, кто вез с собою связанных паломников, он вышиб из седел, а коней отдал вышеупомянутым паломникам, и велел он им стать неподалеку от него, на опушке леса, рядом с Фанфароном, которого он взял в плен.

Глава XLV.

О том, как монах доставил паломников и какое прекрасное слово сказал им Грангузье

Как скоро сшибка кончилась, Гаргантюа со всем своим отрядом, за исключением монаха, поехал обратно, и к вечеру он уже был у Грангузье, а Грангузье в это время, лежа в постели, молил Бога сохранить их и даровать им победу; когда же он увидел, что все они целы и невредимы, то расцеловал их от полноты чувств и спросил про монаха. Гаргантюа же ему на это ответил, что монах, вне всякого сомнения, у врагов.

– Ну так они сами не рады будут, – заметил Грангузье.

И он был прав. Недаром у нас до сих пор существует поговорка: подпустить кому-нибудь монаха.

Затем, рассудив, что им необходимо подкрепиться, он велел слугам накормить их, да посытнее. Когда же все было подано, позвали Гаргантюа, однако ж он был так огорчен исчезновением монаха, что не мог ни пить, ни есть.

Но тут нежданно-негаданно появился монах и, еще

стоя. в воротах, крикнул:

– Гимнаст, братец, холодненького винца мне, холодненького винца!

Выйдя во двор. Гимнаст удостоверился, что это точно брат Жан, а с ним пять паломников и пленный Фанфарон. Потом навстречу ему вышел Гаргантюа и, оказав ему чрезвычайно радушный прием, повел прямо к Грангузье, и тот стал его расспрашивать, что с ним приключилось. Монах рассказал ему обо всем: как его взяли в плен, как он избавился от лучников, какую резню учинил он на большой дороге, как он отбил паломников и угнал в плен военачальника Фанфарона. После этого начался у них веселый пир.

За столом Грангузье, обратясь к паломникам, любопытствовал, из какого они края и откуда и куда путь держат.

Неспеша ответил за всех:

– Государь! Я – из Сен-Жну, что в Берри, вот он – из Паллюю, этот – из Онзе, вот тот – из Аржи, тот – из Вильбернена. Ходили мы в Сен-Себастьян, что близ Нанта, а теперь, то там, то здесь устраивая привалы, идем восвояси.

– Так, так, – молвил Грангузье. – А зачем вы ходили в Сен-Себастьян?

– Мы ходили помолиться святому, чтобы он чуму от нас отвел, – отвечал Неспеша.

– Да вы что, с ума сошли? – воскликнул Грангузье. – Неужели вы думаете, что святой Севастьян насылает чуму?

– Еще как насылает! – подтвердил Неспеша. – Это мы знаем от нашего проповедника.

– Что? – воскликнул Грангузье. – Эти лжепророки распространяют подобные суеверия? Клеветают на святых угодников Божиих, уподобляют их бесам, которые только и делают, что сеют в мире зло? Это все равно как у Гомера на греческое войско насылает чуму Аполлон, а другие поэты навывдумывали целое сонмище разных Вейовисов и злых богов. Так же вот в Сине некий ханжа проповедник поучал, что святой Антоний палит огнем ноги, святой Евтропий насылает водянку, святой Гильда – сумасшествие, а святой Жну – подагру. Я его примерно наказал, и хотя он обозвал меня еретиком, однако с того времени ни один ханжа не посмел сунуть нос и мои владения. Так вот, я диву даюсь, как это ваш король не возбранит им проповедовать в его королевстве этакую дичь, – их должно еще строже наказывать, нежели тех, кто насылает чуму при помощи магии и всякого иного колдовства. Чума убивает тело, а эти чертовы обманщики отравляют души бедных простых людей.

В то время как он держал эту речь, с самым решительным видом вошел монах и спросил:

– Вы откуда, горемыки?

– Из Сен-Жну, – отвечали паломники.

– А как там поживает добрый кутила аббат Траншлион? – спросил монах. – А что у вас едят монахи? Вот как Бог свят, пока вы тут паломничаете, присоседаются они к вашим женам!

– Гм! Гм! За свою-то я не боюсь, – признался Неспеша,

– кто ее увидит днем, тот не станет ломать себе шею ради того, чтобы навестить ее ночью.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала! – заметил монах.

– Твоя жена может быть так же уродлива, как Прозерпина, но если только где-нибудь поблизости завелись монахи, они уж ей проходу не дадут, и то сказать: хороший мастер для всякой вещи найдет применение. Пусть я заболел дурной болезнью, ежели по возвращении вы не найдете, что женки ваши растолстели, потому как даже в тени от монастырской колокольни есть нечто оплодотворяющее.

– Это вроде нильской воды в Египте, если только верить Страбону, – вставил Гаргантюа. – А Плиний в книге седьмой, главе третьей утверждает, что на плодovitость влияют также одежды, телосложение и питание.

Тут Грангузье сказал:

– Идите себе с Богом, бедные люди, да будет вечным вашим вожатаем сам Творец, и впредь не пускайтесь вы в столь бесцельные и беспрокие странствия. Заботьтесь о семьях ваших, трудитесь всяк на своем поприще, наставляйте ваших детей, – словом, живите, как учит вас святой апостол Павел. И тогда вы будете Богом хранимы, ангелы и святые от вас не отступятся и не страшны вам будут ни чума, ни какая-либо иная болезнь.

Затем Гаргантюа провел их в столовую на предмет принятия пищи, однако ж паломники все только вздыхали и твердили Гаргантюа:

– Блажен тот край, где царствует такой человек! Его слова сильнее укрепили нас в вере и просветили, нежели все проповеди, какие нам довелось слышать в нашем городе.

– Вот об этом-то и говорит Платон в пятой книге Де гер., – заметил Гаргантюа, – государства только тогда будут счастливы, когда цари станут философами или же философы – царями.

Затем он велел наполнить их сумы съестными припасами, а фляги – вином и, дабы облегчить им остаток пути, каждому из них дал по коню и денег на харчи.

Глава XLVI.

О том, как великодушно поступил Грангузье с пленным Фанфароном

Фанфарона привели к Грангузье, и тот его спросил, что замышляет и затевает Пикрохол и какую цель преследует он внезапным этим переполохом. Фанфарон же ему на это ответил, что намерение и цель Пикрохола – завоевать, буде окажется возможным, всю страну в отместку за обиду, причиненную пекарям.

– Это он уж очень размахнулся, – заметил Грангузье, – на чужой каравай рта не разевай. Времена нынче не те, чтобы завоевывать королевства в ущерб ближнему своему, брату во Христе. Он берет пример с древних, со всех этих Геркулесов, Александров Македонских, Ганнибалов, Сципионов, Цезарей и прочих, но ведь это противоречит евангельскому учению, а по евангельскому учению нам надлежит охранять и оборонять собственные наши земли, владеть ими и править, а не вторгаться с враждебными целями в чужие, и что в былые времена у сарацин и варваров именовалось подвигами, то ныне мы зовем злодейством и

разбоем. Сидеть бы ему у себя дома и блюсти в нем порядок, как подобает королю, а не осквернять мой дом и не грабить его дотла, ибо, блюдя надлежащий порядок, он приумножил бы свое достояние, обирая же меня, он сам разорится.

Идите с Богом, живите по правде, указывайте вашему королю на его оплошности и ни в коем случае не давайте ему советов, исходя только из собственной выгоды, ибо вместе с общим достоянием всегда гибнет и частное. Что же касается причитающегося с вас выкупа, то я с вас его не возьму, а кроме того, велю возвратить вам коня и оружие.

Вот как должны поступать соседи и старинные друзья, тем более что распря наша не есть еще настоящая война, – вспомним, что Платон в книге пятой *De rep.*, говоря о вооруженных столкновениях греков между собой, вместо слова «война» употребляет слово «смута» и советует, если уж случится такая напасть, соблюдать величайшую умеренность. Если вы, однако, называете это войной, то все же это война поверхностная, она не проникла в тайники наших душ, ибо честь ни у кого из нас не была задета, и в общем речь идет лишь о том, чтобы исправить ошибку, допущенную нашими людьми, то есть и вашими и нашими, на каковую ошибку вам следовало посмотреть сквозь пальцы, даже если б она была вам доподлин-

но известна, так как повздорившие скорее заслуживали презрения, а не внимания, и по отношению к ним можно было ограничиться возмещением убытков, что я, со своей стороны, и предложил. Пусть нас рассудит всеправедный Господь, а я готов молить Его о том, чтобы Он послал мне смерть и на моих глазах уничтожил все мое достояние, только бы ни мне, ни людям моим ни в чем его не прогневить.

Сказавши это, Грангузье подозвал монаха и при всех у него спросил:

– Брат Жан, любезный мой друг, это вы взяли в плен присутствующего здесь военачальника Фанфарона?

– Ваше величество, – отвечал монах, – он перед вами, он совершеннолетний, в здравом уме, пусть он сам и расскажет.

Тогда Фанфарон сказал:

– Так, государь, это он взял меня в плен, я открыто признаю себя его пленником.

– Вы с него требуете выкупа? – спросил монаха Грангузье.

– Нет, – отвечал монах. – Я об этом и не помышлял.

– А сколько бы вы желали получить за его пленение? – спросил Грангузье.

– Ничего, ничего, – отвечал монах. – Мне не нужно выкупа.

Тогда Грангузье велел отсчитать монаху в присут-

ствии Фанфарона шестьдесят две тысячи золотых за его пленение, а тем временем вышеозначенному Фанфарону устроили угощение, и пока он угощался, Грангузье задал ему вопрос, желает ли он остаться у него или же намерен возвратиться к своему королю.

Фанфарон ответил, что он поступит, как Грангузье посоветует.

– В таком случае, – молвил Грангузье, – возвращайтесь к своему королю, и да хранит вас Господь!

Засим он пожаловал ему отличную вьеннскую шпагу в золотых ножнах с украшениями в виде веточек винограда, ожерелье из драгоценных камней стоимостью в сто шестьдесят тысяч дукатов, каковые драгоценные камни были оправлены в золото, весившее семьсот две тысячи марок, и сверх того, в знак особой милости, десять тысяч экю наличными. После беседы с королем Фанфарон сел на своего коня. Гаргантюа дал ему охрану, состоявшую из тридцати латников и ста двадцати лучников под командой Гимнаста, и велел проводить его в случае надобности до самых ворот Ларош-Клермо.

Когда пленник отбыл, монах возвратил Грангузье пожалованные ему шестьдесят две тысячи золотых и сказал:

– Ваше величество, сейчас не время для таких подарков. Подождем, пока война кончится, ведь еще

неизвестно, как все обернется, а если война ведется без большого денежного запаса, то, кроме воинской доблести, у нее, значит, никакой другой опоры нет. Звонкие монеты – вот мышцы сражения.

– Ин ладно, – сказал Грангузье, – когда война кончится, я у вас в долгу не останусь, а равно и у всех моих верных слуг.

Глава XLVII.

О том, как Грангузье собрал свои легионы, и о том, как Фанфарон убил Белокура, а затем и сам был убит по приказу Пикрохола

В эти дни из Бесе, Марше-Вье, селения Сен-Жак, из Рено, Парилье, Ривьеры, Рош-Сен-Поля, Вобретона, Потия, Бреемона, Пон-де-Клана, Кравана, Гранмона, Бурда, Вилломера, Юима, Серже, Юсе, Сен-Луана, Панзу, Кольдро, Верона, Кулена, Шозе, Варена, Бургейля, Иль-Бушара, Круле, Нарси, Канда, Монсоро и прочих смежных владений к Грангузье явились послы и сказали, что они осведомлены о том, какой ущерб причинил ему Пикрохол, и что издавна существующий между ними союз обязывает их предоставить в его распоряжение все, чем они богаты, – от людей и денег до боевых припасов.

Всего по договорам было прислано денег на сумму сто тридцать четыре миллиона два с половиной золотых экю. Людской состав исчислялся в пятнадцать ты-

сяч латников, тридцать две тысячи всадников легкой кавалерии, восемьдесят девять тысяч пищальников, сто сорок тысяч добровольцев, а к ним было придано одиннадцать тысяч двести пушек, обыкновенных и двойных, василисков и спиролей, да еще выставлено было сорок семь тысяч землекопов; жалованьем и провиантом все это войско было обеспечено на шесть месяцев и четыре дня. В ответ на это предложение Грангузье не сказал ни «да», ни «нет», – он изъявил послам свою глубокую признательность и объявил, что поведет войну таким образом, что ему не придется губить столько нужных людей. Он ограничился тем, что велел привести в боевую готовность легионы, которые он постоянно держал в Девиньере, Шавиньи, Граво и Кенкене и которые располагали двумя тысячами пятьюстами латников, шестьюдесятью шестью тысячами пехотинцев, двадцатью шестью тысячами пищальников, двумястами тяжелых орудий, двадцатью двумя тысячами землекопов и шестью тысячами всадников легкой кавалерии, причем ни один из отрядов не испытывал нужды ни в казначеях, ни в маркитантах, ни в кузнецах, ни в оружейниках, ни в Других мастерах, без которых в походной жизни не обойдешься, воины же, все до одного, так понаторели в военном искусстве, так хорошо были вооружены, так хорошо умели различать знамена своих отрядов, так

хорошо соображали, чего от них требуют начальники, и так беспрекословно им повиновались, так легки были в беге, так тяжелы на руку, так осмотрительны во всех своих действиях, что скорей походили на гармонично звучащий орган или же на слаженный часовой механизм, нежели на армию и ополчение.

Фанфарон по приезде явился к Пикрохолу и во всех подробностях рассказал, что с ним произошло, как он действовал и что довелось ему видеть. В заключение он, употребляя наикрасноречивейшие выражения, стал склонять Пикрохола на мир с Грангузье, которого он теперь признавал за самого порядочного человека на свете, и попытался внушить ему, что стыдно зря обижать соседей, от которых они ничего, кроме хорошего, не видели, а главное-де, вся эта затея кончится весьма убыточно и весьма плачевно для них же самих, ибо силы Пикрохола таковы, что Грангузье легко с ними справится.

Не успел Фанфарон окончить свою речь, как возвысил голос Бедокур:

– Горе владыке, окружившему себя людьми, которых легко подкупить, а таков, я вижу, Фанфарон, ибо мужество столь явно ему изменило, что он, уж верно, готов был предать нас, перейти в стан врагов и начать сражаться против нас, если б только враги пожелали оставить его у себя; однако ж, подобно тому как лю-

дей доблестных прославляют и ценят все, и друзья и недруги, так же точно подлецы всем ясны и никому доверия не внушают, и пусть даже враги и воспользуются ими в корыстных целях, все же они не могут не презирать подлость и предательство.

Слова эти привели Фанфарона в негодование, он выхватил шпагу и проткнул Бедокура чуть повыше левого соска, после чего Бедокур не замедлил отправиться на тот свет, а Фанфарон извлек из его тела шпагу и во всеуслышание объявил:

– Так погибнет всякий, кто будет клеветать на преданного слугу!

Пикрохол при виде окровавленной шпаги и ножен внезапно пришел в ярость.

– Так тебе дали эту шпажонку, – воскликнул он, – чтобы ты у меня на глазах вероломно убил доброго моего друга Бедокура?

Тут он приказал своим лучникам разорвать Фанфарона на части, каковой его приказ был исполнен без промедления и с такою жестокостью, что вся комната была залита кровью; после этого тело Бедокура было похоронено с почестями, а труп Фанфарона был сброшен с крепостной стены в ров.

Весть об этом зверстве разнеслась по всему войску, и многие начали уже роптать на Пикрохола, так что Цапцарап принужден был ему сказать:

– Государь! Мне неизвестно, каков будет исход всего этого предприятия. Одно могу сказать: люди ваши пали духом. Они находят, что довольствия у нас здесь недостаточно, к тому же после двух не то трех вылазок ряды наши сильно поредели. А к неприятелю между тем должны подойти мощные подкрепления. Если нам придется выдерживать осаду, то, на мой взгляд, дело неминуемо кончится для нас полным разгромом.

– Ни черта, ни черта! – сказал Пикрохол. – Вы похожи на мелюнского угря – начинаете кричать еще до того, как с вас сдерут кожу. Пусть только они попробуют!

Глава XLVIII.

О том, как Гаргантюа осадил Пикрохола в Ларош-Клермо и как он разбил армию означенного Пикрохола

Гаргантюа принял на себя верховное командование. Отец его остался в крепости и, добрым словом подняв дух войска, посулил великие награды тем, кто совершит какой-либо подвиг. Некоторое время спустя войско достигло Ведского брода и на лодках и по мостам, наведенным на скорую руку, все сразу переправилось на другую сторону. Затем, изучив местоположение города, стоявшего на высоком месте, выгодном для обороны, Гаргантюа порешил обдумать за ночь, как быть далее. Гимнаст, однако ж, ему сказал:

– Государь! Природа и нрав французов таковы, что они молодцы только на первых порах. Тут они бывают злее чертей, а чуть застоятся, так и бабы с ними сладят. Я того мнения, что как скоро люди ваши отдохнут и соберутся с силами, тотчас же отдайте приказ идти на приступ.

Мнение Гимнаста признано было разумным. Гар-

гантюа, развернув свое войско на равнине, оставил за косогором засаду. Монах, взяв с собою шесть отрядов пехоты и двести латников, с великою поспешностью миновал болота и выехал на Луденскую большую дорогу, а Пьюи остался у него внизу.

Приступ между тем продолжался. Люди Пикрохола колебались: то ли им предпринять вылазку и встретиться с неприятелем лицом к лицу, то ли защищать город, не двигаясь с места. Наконец Пикрохол, освидрепев, вышел с отрядом латников из замка, и тут его встретили и угостили столь сильной орудийной пальбой, что, дабы не мешать своей артиллерии, беспрерывно бившей по холмам, гаргантюитсы рассудили за благо отступить к долине. Те, что предприняли вылазку, дрались упорно, но их стрелы летели слишком высоко и никому не причиняли вреда. Часть отряда, выйдя из огня, с остервенением кинулась на наших, но ее постигла неудача: вся она была окружена и смята. Прочие решились отступить, но в это время монах обошел их с тыла, и тут началось беспорядочное и неудержимое бегство. Некоторые из наших готовы были броситься за беглецами, однако ж монах удержал их, — он боялся, что, увлекшись преследованием, они оторвутся от своего отряда, а защищающие город, воспользовавшись этим, ударят на них. Выждав некоторое время и удостоверившись, что вылазок по-

ка не предвидится, монах послал герцога Фронтиста сказать Гаргантюа, чтобы тот занял левый холм и, таким образом, не дал Пикрохолу уйти через левые ворота. Гаргантюа, нимало не медля, послал туда четыре легиона из тех, что находились под командой Себаста, но, еще не достигнув высоты, они сшиблись грудью с Пикрохолом и его рассеявшимся было отрядом. Наши стремительно ринулись на врага – и понесли немалый урон, оттого что с городских стен их осыпали ядрами и стрелами. Увидевши это, Гаргантюа почел за нужное оказать им мощную поддержку, и тут его артиллерия столь яростно начала обстреливать эту часть городской стены, что неприятелю пришлось бросить сюда все свои силы.

Как скоро монах удостоверился, что с той стороны, где он стоит со своими людьми, город никем больше не охраняется, он, движимый беззаветною храбростью, вместе с частью своего отряда бросился к городской стене и взобрался наверх, – он полагал, что неприятеля повергают в страх и трепет не столько те, что с ним бьются, сколько те, что внезапно ударят на него из засады. Все же он не производил ни малейшего шума до тех пор, пока на городскую стену не взобрались все его воины, все, за исключением двухсот латников, которых он оставил на всякий случай. Потом он вдруг заорал диким голосом, его люди подхва-

тили этот крик и, перебив стоявшую у ворот стражу, которая не оказала им никакого сопротивления, распахнули ворота,пустили оставшихся снаружи двести латников, а затем с великим проворством помчались вместе с ними к восточным воротам, где кипел жаркий бой, и, обрушившись на врагов с тыла, опрокинули всю их рать. Видя, что они окружены со всех сторон и что гаргантюисты уже в городе, люди Пикрохола сдались на милость победителя. По приказу монаха враги сложили оружие, как холодное, так и огнестрельное, затем монах распорядился загнать их всех в церкви и запереть, а чтобы они не ушли, приставил к церковным вратам своих ратников и отовсюду набрал перекладин от крестов; затем, отперев восточные ворота, поспешил на помощь к Гаргантюа.

Но тут самонадеянный Пикрохол, вообразив, что это к нему подходит из города подмога, усилил натиск до такой степени, что Гаргантюа крикнул:

– Брат Жан, брат Жан, как же ты, дружище, вовремя!

Тут только Пикрохол и его люди поняли, что все погибло, и бросились кто куда. Гаргантюа преследовал их до самого Вогодри и истреблял нещадно, а затем велел бить отбой.

Глава XLIX.

О том, как с Пикрохолом стряслась по дороге беда и как повел себя Гаргантюа после сражения

Пикрохол в отчаянии бросился бежать по направлению к Иль-Бушару, но на Ривьерской дороге конь его споткнулся и упал, и это его так обозлило, что он в исступлении заколол коня мечом. Предложить Пикрохолу другого коня было некому, и он совсем уже подобрался к Мельникову ослу, – мельница была тут рядом, – но мукомолы задали Пикрохолу трепку и раздели его догола, а взамен дали какую-то ветошь.

В таком виде поганый злюка зашагал дальше: когда же он перебрался через реку у Пор-Юо, то повстречал старую колдунью и поведал ей свои злключения, она же в ответ прорекла, что королевство будет ему возвращено, когда рак свистнет. С тех пор о Пикрохоло не слуху ни духу. Слышал я, однако ж, что он теперь в Лионе, простым поденщиком, и все такой же злюка, и кто ни приедет в Лион, он сейчас же с вопросом: не слышать ли, чтоб где-нибудь свистнул рак? – видно,

не забыл, что нагадала ему старуха, и все надеется вернуть свое королевство.

После того как неприятель отступил, Гаргантюа прежде всего сосчитал своих людей и удостоверился, что пали в бою лишь немногие, а именно несколько пехотинцев из отряда военачальника Тольмера, да еще выстрелом из пищали ранило в грудь Понократа. Затем Гаргантюа отдал приказ отдохнуть и подкрепиться, не покидая, однако ж, своих отрядов, причем казначеи должны были уплатить жителям за съестное, воспретил чинить населению какие бы то ни было обиды, раз этот город снова отошел к Грангузье, а кроме того, приказал всем своим ратникам явиться после обеда на площадь перед замком, – там-де они получат жалованье за полгода вперед, что и было исполнено. После этого он велел оставшимся в живых людям Пикрохола собраться на указанной площади и в присутствии владетельных князей и военачальников обратился к ним с такими словами.

Глава L.

Речь, с которой Гаргантюа обратился к побежденным

– Приснопамятные отцы наши, деды и прадеды по своей природе и духу были таковы, что при благоприятном для них исходе битв они в честь торжества своего и победы предпочитали одним своим человеколюбием возводить трофеи и монументы в сердцах у побежденных, нежели на землях, ими завоеванных, памятники архитектурные, ибо живые человеческие предания об их незлобivosti значили для них больше, нежели мертвый язык колонн, арок и пирамид, коих к тому же может и не пощадить непогода, а равно и людская зависть.

Достаточно вам напомнить, какое мягкосердечие выказали они к бретонцам в день битвы при Сент-Обен-дю-Кормье и при разрушении Партене. Вас приводили в восхищение рассказы о том, как милостиво обошлись они с эспаньольскими варварами, разграбившими, опустошившими, разорившими гавань Олонн и весь Тальмондский приморский край.

Хвалы и приветственные клики, излетавшие из ваших уст и из уст отцов ваших, достигали неба в тот

самый час, когда Альфарбал, царь Канарийский, который в жажде все новых и новых завоеваний совершил разбойничье нападение на страну Они и своими пиратскими набегами держал в страхе Арморикские острова и все пограничные области, в конце концов в честном морском бою был разбит и захвачен в плен моим отцом, коему сам Господь оказывал помощь и покровительство. И что же вы думаете? В отличие от других королей и императоров, которые именуют себя католиками, что не мешает им поступать с пленниками жестоко, заточать их в темницы и требовать с них непомерного выкупа, отец мой обошелся с Альфарбалом учтиво и дружелюбно, поместил его в своем дворце, а затем по несказанной доброте своей осыпал его дарами, щедротами, всякого рода дружескими услугами и отпустил на свободу. Что же было потом с Альфарбалом? Возвратившись на родину, он созвал всех владетельных князей и выборных от городов своего королевства, рассказал о том, как великодушно у нас с ним обращались, и попросил незамедлительно вынести решение, которое могло бы послужить примером для всех,

– решение касательно того, как им ответить на нашу учтивую любезность столь же любезною учтивостью. Тогда же было единогласно решено предоставить в полное наше распоряжение все их земли, поместья

и все их королевство. После этого Альфарбал сам, своею собственной персоной, вновь прибыл к нам и привел с собой девять тысяч тридцать восемь больших кораблей, нагруженных сокровищами, не только принадлежавшими ему лично и всему его королевскому роду, но и собранными чуть ли не со всех концов страны, ибо, когда его корабли в ожидании ветра вестнорд-ост приставали к берегу, жители, теснясь, бросали туда золото, серебро, кольца, драгоценности, лакомства, снадобья, душистые вещества, циветт, попугаев, пеликанов, мартышек, генетт, дикобразов. Все, кто только дорожил своим добрым именем, почитали за должное принести в дар что-нибудь редкостное. По прибытии Альфарбал вознамерился облобызать моему отцу ноги, – отец почел это неприличным и не допустил до этого: он дружески обнял Альфарбала. Альфарбал заговорил о дарах, – отец мой их отверг, ибо они показались ему слишком богатыми. Альфарбал объявил себя и потомков своих добровольными его рабами и слугами, – отец мой от этого отказался, ибо почел это несправедливым. Альфарбал уступал моему отцу на основании решения выборных все свои земли и все свое королевство и передавал ему указную крепость, подписанную, скрепленную и утвержденную всеми, кому это надлежало, – отец мой и от этого решительно отказался, а грамоты бросил

в печь. Кончилось дело тем, что, оценив по достоинству свободное волеизъявление простосердечных канарийцев, отец мой растрогался и от жалости к ним залился слезами, а потом в самых изысканных выражениях, приводя подобающие случаю изречения, постарался преуменьшить благодеяние, которое он оказал канарийцам; такому благодеянию грош, мол, цена, никакой особой любезности он по отношению к ним не выказал, – он просто обязан был это сделать. Но тем более превозносил его Альфарбал. На чем же, однако, порешили? Приняв в соображение, что мы могли бы тиранически потребовать за Альфарбала наивысшую сумму выкупа, то есть два миллиона экю, да еще оставить у себя в качестве заложников старших его сыновей, канарийцы объявили себя вечными нашими данниками и обязались выплачивать нам ежегодно два миллиона золотых монет весом каждая в двадцать четыре карата. В первый год они нам столько и уплатили, на второй год они по доброй воле уплатили нам два миллиона триста тысяч экю, на третий – два миллиона шестьсот тысяч, на четвертый – ровно три миллиона, и так они по собственному желанию все увеличивали и увеличивали сумму выкупа, пока наконец мы вовсе не отказались от дани. Таково свойство признательности, ибо если время все на свете разрушает и умаляет, то

добрые дела оно возвеличивает и приумножает, оттого что благодеяние, щедрою рукою оказанное человеку справедливому, беспрерывно возрастает усилиями благородного его ума и памяти.

Я же, со своей стороны, ни под каким видом не собираюсь изменять нашей фамильной черте, то есть добросердечию, и вот теперь я вас освобождаю и отпускаю, – отныне вы такие же вольные и свободные люди, какими были прежде. Сверх того, при выходе из города вы получите каждый такую сумму, которой вам хватит с семьей на три месяца, а чтобы по дороге на вас не напали мои крестьяне, я дам вам охрану, состоящую из шестисот латников и восьми тысяч пехотинцев под командой моего конюшего Александра, и с этой охраной вы благополучно доберетесь до дому. Храни вас Господь!

Мне очень жаль, что здесь нет Пикрохола, – я бы ему объяснил, что война началась помимо моего желания и что у меня и в мыслях не было таким путем разбогатеть и прославиться. Но раз он исчез с лица земли и никто не знает, куда он пропал, я принужден передать все его королевство сыну его; однако ж сын его слишком мал (он еще не достиг пятилетнего возраста), а потому для руководства и воспитания к нему будут приставлены почтенные по возрасту владетельные князья и ученые люди его королевства. Приняв

же в рассуждение, что столь сильно обедневшее королевство легко может быть разорено, если не положить предел алчности и скупости правителей, я поставлю над ними Понократа и облеку его надлежущими полномочиями, и будет он находиться при наследнике до тех пор, пока не признает его способным самостоятельно управлять и вершить дела.

Со всем тем мне ведомо, что порочная и тлетворная склонность попустительствовать злодеям и прощать их ведет к тому, что они, пользуясь этой пагубной страстью миловать всех подряд, безбоязненно совершают новые злодеяния.

Мне ведомо, что Моисей, кротчайший из всех людей, живших тогда на земле, нещадно карал смутьянов, бунтовавших народ израильский.

Мне ведомо, что даже Юлий Цезарь, полководец, давший Цицерону повод сказать о нем, что судьба ничего не могла прибавить к тому, чем он уже владел, и что наивысшая его добродетель заключалась в том, что он только и думал, как бы кого-то спасти или помиловать, и тот в иных случаях строго наказывал зачинщиков мятежей.

По их примеру я требую, чтобы, прежде чем разойтись, вы мне выдали, во-первых, милейшего вашего Марке, чья безрассудная заносчивость явилась предлогом и первопричиною этой войны, во-вторых, его то-

варищей – пекарей, которые не потрудились тут же загладить его сумасбродство, и, наконец, всех советников, полководцев, военачальников и приближенных Пикрохола, которые ему кадили, которые ему советовали, которые его подбивали нарушить границы и на творить нам таких бед.

Глава LI.

О том, как победители-гаргантюисты были награждены после сражения

Как скоро Гаргантюа окончил речь, ему были выданы зачинщики, коих он требовал, за исключением Буяна, Молокососа и де Шваль, ибо они бежали за шесть часов до начала битвы, – один в Аньельское ущелье, другой в Вирскую долину, а третий в Логроньо, бежали без оглядки и без остановки, – и за исключением двух пекарей, павших на поле брани, Гаргантюа не сделал зачинщикам ничего дурного, он только велел им стать к станкам во вновь открытой им книгопечатне.

Затем он приказал всех убитых похоронить с почестями в Нуаретской долине и на Брюльвьевском поле. Раненых он велел отправить на излечение в свой главный госпиталь. Далее, осведомившись о размерах убытков, причиненных городу и его жителям, он распорядился полностью возместить их на основании тех показаний, которые жители дадут под присягой, а также велел заложить в городе крепость и разместить в ней постоянный гарнизон и караул, чтобы на буду-

щее время город лучше был защищен от внезапных нападений.

Перед отбытием Гаргантюа соизволил объявить благодарность легионерам, участвовавшим в деле, а затем приказал им стать на зимние квартиры – всем, кроме десятого, отборного, легиона, особенно в этом бою отличившегося, и некоторых военачальников, коих он почел за нужное повезти с собой к Грангузье.

Наконец, к неописуемой радости доброго короля, воины прибыли во дворец. Король тотчас же задал им пир, да такой великолепный, богатый и роскошный, какого не видывал свет со времен царя Артаксеркса. Выйдя из-за стола, он распределил между ними всю посуду из своего буфета, общий вес которой достигал веса восемнадцати миллионов четырнадцати золотых безантов и которая состояла из больших античных ваз, больших кувшинов, больших мис, больших чаш, кубков, кувшинчиков, канделябров, чашек, ладьеобразных ваз для цветов, ваз для сластей и прочего тому подобного, причем все это было сделано из чистого золота и украшено камнями, эмалью и резьбой, каковые, по общему мнению, стоили еще дороже золота. Этого мало, – Грангузье велел выдать из своих сундуков по миллиону двести тысяч эку на брата, а еще каждый получил в вечное владение (вечное – при условии, если у него останутся наследники) замок

и близлежащие уголья, какие он пожелал. Понократу Грангузье подарил Ларош-Клермо, Гимнасту – Кудре, Эвдемону – Монпансье, Риво – Тольмеру, Итиболу – Монсоро, Акамасу – Канд, Варен – Хиронакту, Граво – Себасту, Кенкене – Александру, Лигре – Софрону и так далее.

Глава LII.

О том, как Гаргантюа велел построить для монаха Телемскую обитель

Оставалось только одарить монаха. Гаргантюа хотел было сделать его аббатом в Сейи, но тот отказался. Тогда Гаргантюа предложил ему на выбор Бургейльское и Сен-Флорентийское аббатства, а была бы, мол, охота, так и то и другое, но монах ответил напрямик, что не желает принимать на себя обязанности по управлению монахами.

– Как я буду управлять другими, раз я не умею управлять самим собой? – сказал он. – Если вы полагаете, что я вам оказал и могу и впредь оказать важные услуги, дозволейте мне построить аббатство, какое я хочу.

Гаргантюа такая затея понравилась, и он отвел для этой цели всю Телемскую область до самой Луары, находящуюся в двух милях от большого леса Пор-Юо, монах же обратился к нему с просьбой основать на этом месте обитель, непохожую ни на какую другую.

– В таком случае, – сказал Гаргантюа, – прежде все-

го вокруг нее не должно быть стены, ибо все прочие аббатства обнесены высоченной стеной.

– А как же, – сказал монах, – и ведь это неспроста: за стеной не лучше, чем в застенке, – там и наушничанье, и зависть, и подсиживанье.

– И вот еще что, – продолжал Гаргантюа. – В некоторых монастырях существует обычай: если туда войдет женщина (я разумею женщину добродетельную и целомудренную), то в местах, через которые она проходила, полагается после производить уборку, ну, а там будет заведен такой порядок: тщательно убирать все те помещения, в коих побывают иннок или инокиня, которые случайно туда забредут. В монастырях все размерено, рассчитано и расписано по часам, именно поэтому мы постановим, чтобы там не было ни часов, ни циферблатов, – все дела будут делаться по мере надобности и когда удобнее, ибо считать часы – это самая настоящая потеря времени. Какой от этого прок? Глупее глупого сообразовываться со звоном колокола, а не с велениями здравого смысла и разума. Item,¹¹¹ в наше время идут в монастырь из женщин одни только кривоглазые, хромые, горбатые, уродливые, нескладные, помешанные, слабоумные, порченные и поврежденные, а из мужчин – сопливые, худородные, придурковатые, лишние рты...

¹¹¹ 111Далее (лат.)

– Кстати, – прервал его монах, – куда девать женщин некрасивых и настырных?

– Настырных – в монастырь, – отвечал Гаргантюа.

– Верно, – согласился монах.

– Следственно, туда будут принимать таких мужчин и женщин, которые отличаются красотой, статностью и обходительностью. Item, в женские обители мужчины проникают не иначе как тайком и украдкой, – следственно, вам надлежит ввести правило, воспрещающее женщинам избегать мужского общества, а мужчинам – общества женского. Item, как мужчины, так и женщины, поступив в монастырь, после годичного послушнического искуса должны и обязаны остаться в монастыре на всю жизнь, – следственно, по вашему уставу, как мужчины, так и женщины, поступившие к вам, вольны будут уйти от вас, когда захотят, беспрепятственно и безвозбранно. Item, обыкновенно монахи дают три обета, а именно: целомудрия, бедности и послушания, – вот почему вам надлежит провозгласить, что каждый вправе сочетаться законным браком, быть богатым и пользоваться полной свободой. Что касается возрастного ценза, то при поступлении для женщин должен быть установлен предел – от десяти до пятнадцати лет, а для мужчин – от двенадцати до восемнадцати.

Глава LIII.

О том, как и на какие деньги была построена Телемская обитель

На построение и устройство обители Гаргантюа отпустил наличными два миллиона семьсот тысяч восемьсот тридцать один «длинношерстый баран» и впредь до окончания всех работ обещал выдавать ежегодно под доходы с реки Дивы один миллион шестьсот шестьдесят девять тысяч эку с изображением солнца и столько же с изображением Плеяд. На содержание обители Гаргантюа определил в год два миллиона триста шестьдесят девять тысяч пятьсот четырнадцать нобилей с изображением розы, каковую сумму монастырская казна должна была получать в виде гарантированной земельной ренты, в подтверждение чего Гаргантюа выдал особые грамоты.

Само здание было построено в виде шестиугольника, с высокими круглыми башнями по углам, диаметром в шестьдесят шагов каждая; все башни были одинаковой величины и одинаковой формы. На севере протекала река Луара. На берегу реки стояла баш-

ня, которая называлась Арктика; с восточной стороны высилась другая башня, под названием Калаэра, следующая башня называлась Анатолия, за нею – Мессембринна, затем – Гесперия и, наконец, последняя – Криэра. Пространство между башнями равнялось тремстам двенадцати шагам. Здание было семиэтажное, если подвальный этаж считать за первый. Своды второго этажа напоминали ручки от корзины. Верхние этажи были оштукатурены фландрским гипсом, замки сводов имели форму лампад. Крыша из лучшего шифера была украшена свинцовыми поделками в виде маленьких человечков и зверьков, искусно сработанных и позолоченных; с крыши, между окнами, на некотором расстоянии от стен спускались водосточные трубы, расписанные крест-накрест золотом и лазурью; внизу они переходили в широкие желобы, из которых вода стекала под здание, а оттуда в реку.

Здание это было стократ пышнее Бониве, Шамбора и Шантильи; в нем насчитывалось девять тысяч триста тридцать две жилые комнаты, при каждой из которых была своя уборная, кабинет, гардеробная и молельня и каждая из которых имела выход в большой зал. Башни сообщались между собой изнутри и через жилой корпус при помощи винтовых лестниц, ступени которых были сделаны частью из порфира, частью из нумидийского камня, частью из мрамора-змеевика;

длина каждой ступени равнялась двадцати двум футам, высота – трем пальцам, от площадки к площадке вели двенадцать таких ступеней. На каждой площадке были две прекрасные античные арки, откуда шел свет и которые вели в ажурные лоджии, по ширине равные лестнице, а лестница поднималась до самой кровли и увенчивалась павильоном. По таким же точно лестницам можно было с любой стороны пройти в большой зал, а из зала в жилые помещения.

Между башнями Арктикой и Криэрой находились превосходные обширные книгохранилища, в которых были собраны книги на греческом, латинском, еврейском, французском, тосканском и испанском языках, причем на каждом этаже хранились книги только на одном каком-нибудь языке.

Посредине была устроена прекрасная лестница, вход на которую был сделан снаружи и представлял собой арку шириною в шесть туаз. Лестница эта была столь соразмерна и широка, что по ней могли одновременно подниматься на самый верх шестеро латников с копьями у бедер.

Между башнями Анатолией и Мессембриной были расположены прекрасные просторные галереи, расписанные по стенам фресками, которые изображали подвиги древних героев, события исторические и виды различных местностей. Между этими башнями бы-

ли такие же точно лестница и вход, как и со стороны реки. А над входом крупными античными буквами была выведена следующая надпись.

Глава LIV.

Надпись на главных вратах Телемской обители

Идите мимо, лицемер, юрод,
Глупец, урод, святоша-обезьяна,
Монах-лентяй, готовый, словно гот
Иль острогот, не мыться целый год,
Все вы, кто бьет поклоны неустанно
Вы, интриганы, продавцы обмана,
Болваны, рьяно злобные ханжи, —
Тут не потерпят вас и вашей лжи.

Ваша ложь опять
Стала б распалять
Наши души гневом,
И могла б напевам
Нашим помешать
Ваша ложь опять.

Идите мимо, стряпчий-лиходей,
Клерк, фарисей, палач, мздоимец хваткий,
Писцы, официалы всех мастей,
Синклит судей, который, волка злей,
Рвет у людей последние достатки.

Сдирать вы падки с беззащитных взятки,
Но нас нападки ваши не страшат:
Сюда не вхожи крючкодел и кат.

Кат и крючкодел
Были б не у дел
В этих вольных стенах;
Обижать смиренных —
Вот для вас удел,
Кат и крючкодел.

Идите мимо, скряга-ростовщик,
Пред кем должник трепещет разоренный,
Скупец иссохший, кто стяжать привык,
Кто весь приник к страницам счетных книг,
В кого проник бесовский дух маммоны,
Кто исступленно копит миллионы.
Пусть в раскаленный ад вас ввергнет черт!
Здесь места нет для скотских ваших морд.

Ваши морды тут
Сразу же сочтут
Обликами гадин:
Здесь не любят жадин,
И не подойдут
Ваши морды тут.

Идите мимо, сплетник, грубиян,
Супруг-тиран, угрюмый и ревнивый,

Драчун, задира, скандалист, буян,
Кто вечно пьян и злостью обуян,
И вы, мужлан, от люэса паршивый,
Кастрат пискливый, старец похотливый.
Чтоб не могли вы к нам заразу внести
Сей вход закрыт для вас, забывших честь.

Честь, хвала, привет
Тем, кто в цвете лет
Предан негам мирным
В зданье сем обширном;
Всем, в ком хвори нет,
Честь, хвала, привет.

Входите к нам с открытою душой,
Как в дом родной, пажы и паладины.
Здесь обеспечен всем доход такой,
Чтоб за едой, забавами, игрой
Ваш шумный рой, веселый и единый,
Не находил причины для кручины.
Приют невинный тут устроен вам,
Учтивым, щедрым, знатным господам.

Господам честным,
Рыцарям лихим
Низость неизвестна
Здесь не будет тесно
Стройным, удалым
Господам честным.

Входите к нам вы, кем завет Христов
От лжи веков очищен был впервые.
Да защитит вас наш надежный кров
От злых попов, кто яд фальшивых слов
Всегда готов вливать в сердца людские.
В умы живые истины святые
Роняйте, выи яростно круша
Всем, у кого глуха к добру душа!

Душ, к добру глухих,
Книжников пустых,
Нету в этом зданье.
Здесь, где чтут Писанье,
Не найти таких
Душ, к добру глухих.

Входите к нам, изящества цветы,
Чьей красоты не описать словами.
Тут днем и ночью двери отперты
Вам, чьи черты небесные чисты,
Сердца – просты, а очи – словно пламя.
Чтоб знатной даме можно было с нами
Здесь жить годами без забот и свар,
Наш основатель дал нам злата в дар.

В дар златой металл
Наш король нам дал,
Чтоб от бед сберечь нас;

Тот не канет в вечность,
Кто нам завещал
В дар златой металл.

Глава LV.

О том, как было устроено жилище телемитов

Посреди внутреннего двора был дивный алебастровый фонтан, увенчанный изображением трех граций, причем каждая грация держала в руках рог изобилия, а вода лилась у них из сосков, рта, ушей, глаз и прочих отверстий.

Стены, выходившие во двор, поддерживались массивными колоннами из халцедона и порфира, которые соединялись прекрасными античными арками, а под этими арками были устроены прелестные галереи, длинные и широкие, украшенные живописью, а также рогами оленей, единорогов, носорогов, клыками гиппопотамов и слонов и другими достопримечательностями.

Помещения для женщин были расположены между башнями Арктикой и Мессембриной. Мужчины занимали все остальные. Напротив женской половины, между двумя первыми башнями, были устроены для развлечения ристалище, ипподром, театр, бассейн для плавания и изумительные трехъярусные бани, где ни в чем не было недостатка, между прочим и

в благовонной смолистой воде.

У реки был разбит для прогулок красивый парк с чудным лабиринтом посередине. Между двумя другими башнями помещались манежи для игры в маленький и в большой мяч. Возле башни Криэры был сад, где росли всевозможные плодовые деревья, рассажженные по косым линиям.

Сад переходил потом в большой парк, где была пропасть всяких зверей.

Между двумя следующими башнями помещалось стрельбище, где стреляли из лука, пищали и арбалета; за башней Гесперией находились одноэтажные службы, за ними – конюшня, а перед службами – соколий двор, коим ведали испытанные сокольничие; туда ежегодно поступали с Крита, из Венеции и Сарматии лучшие образцы разных птичьих пород: орлы, кречеты, ястребы, балабаны, сапсаны, соколы, ястребы-перепелятники, дербники и другие, которых так искусно приручали и обучали, что, вылетев из замка порезвиться в поле, они ловили все, что придется. Псарня помещалась поодаль, ближе к парку.

Все залы, покои и кабинеты были убраны коврами, менявшимися в зависимости от времени года. Полы были застелены зеленым сукном. Кровати – вышитыми покрывалами. В каждой уборной стояло хрустальное зеркало в усыпанной жемчугом раме из чистого

золота, и такой величины оно достигало, что человек виден был в нем во весь рост. Перед залами женской половины находились помещения для парфюмеров и цирюльников, через руки которых непременно должны были пройти мужчины, навещавшие женщин. Парфюмеры каждое утро доставляли в женские покои розовую, апельсиновую и миртовую воду и вносили туда драгоценные курильницы, от коих исходил дым всяческих благоуханий.

Глава LVI.

О том, как были одеты монахи и Телемской обители

Первое время после основания обители женщины одевались сообразно своему вкусу и желанию. Впоследствии же они по своей доброй воле ввели следующую реформу.

Они стали носить темно-красные или же розовые чулки ровно на три пальца выше колена. Кайма на чулках была из вышивок и прошивок. Подвязки были круглые, под цвет рукавчиков. Башмачки, туфельки и домашние туфли делались из алого, красного или же лилового бархата, с бахромчатыми прорезами.

Поверх сорочки надевался лиф из шелкового сукна и кринолинчик из тафты, белой, красной, коричневой, серой и т. д. На кринолинчик надевалась юбка из серебряной тафты с прошивками из чистого золота, напоминавшими желобки на колоннах, или же, в зависимости от погоды и по желанию, из атласа, из шелка, из бархата, оранжевая, коричневая, зеленая, пепельная, голубая, светло-желтая, красная, алая, белая, а по праздникам – юбка из золотой парчи, из серебряной ткани, отделанная у кого канителью, у кого

вышивками.

Плащи надевались глядя по времени года: из золотой ткани с серебряным шитьем, из красного атласа, отделанного золотой канителью, из белой, голубой, черной, коричневой тафты, шелковой саржи, бархата, серебряной парчи, серебряной ткани, золотых нитей, атласа или же бархата, расшитого всеми возможными золотыми узорами.

Летом вместо плащей носили иногда прелестные марлоты из таких же материй или мавританские накидки из лилового бархата с серебряной канителью, прошитые золотыми нитями, а то – с золотыми шнурами, украшенными по швам мелким индийским жемчугом. А на шляпах неизменно красовался султан под цвет обшлагов, со множеством золотых подвесков. Зимой – плащи из тафты вышеперечисленных цветов, подбитые мехом рыси, черной генетты, калабрийской куницы, соболя и прочими дорогими мехами.

Четки, запястья, цепочки, ожерелья – все это было из драгоценных камней, а именно: карбункулов, рубинов, рубинов-баласов, брильянтов, сапфиров, изумрудов, бирюзы, гранатов, агатов, бериллов и отборного жемчуга, как мелкого, так равно и крупного.

Головные уборы соответствовали времени года: зимой носили французские шляпы, весной – испанские, летом – тосканские, по праздничным же и воскрес-

ным дням непременно надевали французские головные уборы, ибо они скромнее и солиднее всех прочих.

У мужчин были свои моды: чулки, шерстяные или же суконные, темно-красные, розовые, белые, черные; бархатные панталоны таких же или приближающихся к этим цветов, с вышивками и прорезами по вкусу каждого; куртки из парчи золотой, парчи серебряной, бархата, атласа, шелка, тафты, таких же цветов, с прорезами, прошивкой и отделкой – всем на загляденье; шнуры – шелковые, таких же цветов, пряжки – золотые, с эмалью; камзолы и кафтаны – из золотой парчи, золотой ткани, серебряной парчи, бархата, расшитые, как кому нравилось; плащи – такие же роскошные, как и у дам; пояса – шелковые, под цвет куртки; у каждого на боку шпага с золоченым эфесом, с золотым острием филигранной работы, в бархатных ножнах одного цвета с панталонами; такие же были и кинжалы; шляпы – из черного бархата, украшенные множеством золотых ягодок и пуговок; на шляпах красовались усыпанные золотыми блестками белые перья, с которых свешивались рубины, изумруды и т. д.

Впрочем, между мужчинами и женщинами царило такое согласие, что и те и другие ходили в одеждах одной и той же ткани, одинаковой расцветки, а чтобы не вышло ошибки, несколько молодых людей должны были ежеутренне оповещать мужчин, что сегодня со-

бираются надеть дамы, ибо все в обители подчинялось желаниям дам.

Не думайте, однако ж, что мужчины и женщины тратили много времени на то, чтобы с таким вкусом и так пышно наряжаться, – там были особые гардеробщики, каждое утро державшие наготове любую одежду, а также горничные, умевшие в мгновение ока одеть и убрать даму с ног до головы. А чтобы телемиты никогда не ощущали недостатка в одежде, возле Телемского леса было построено огромное светлое здание в полмили длиною и со всеми возможными приспособлениями, – там жили ювелиры, гранильщики, вышивальщики, портные, золотошвеи, бархатники, ковровщики, ткачи, и каждый занимался своим делом и работал на телемских монахов и монахинь. Материю и ткани поставлял им сеньор Навсиклет, и он же каждый год отправлял в обитель с Жемчужных и Каннибальских островов семь кораблей с грузом слитков золота, шелка-сырца, жемчуга и драгоценных камней. Если жемчужины теряли от времени природную свою белизну, их скармливали петухам, на которых это действовало, как слабительное на соколов, и благодаря этому восстанавливали первоначальный их цвет.

Глава LVII.

О том, какой у телемитов был уклад жизни

Вся их жизнь была подчинена не законам, не уставе и не правилам, а их собственной доброй воле и хотению. Вставали они когда вздумается, пили, ели, трудились, спали когда заблагорассудится; никто не будил их, никто не неволил их пить, есть или еще что-либо делать. Такой порядок завел Гаргантюа. Их устав состоял только из одного правила:

Делай что хочешь,

ибо людей свободных, происходящих от добрых родителей просвещенных, вращающихся в порядочном обществе, сама природа наделяет инстинктом и побудительною силой которые постоянно наставляют их на добрые дела и отвлекают от порока, и сила эта зовется у них честью. Но когда тех же самых людей давят и гнетут подлое насилие и принуждение, они обращают благородный свой пыл, с которым они добровольно устремлялись к добродетели, на то, чтобы сбросить с себя и свергнуть ярмо рабства, ибо нас искони влечет к запретному и мы жаждем того, в чем нам отказано.

Благодаря свободе у телемитов возникло похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь из мужчин или женщин предлагал: «Выпьем!» – то выпивали все; если кто-нибудь предлагал: «Сыграем!» – то играли все; если кто-нибудь предлагал: «Пойдемте порезвимся в поле» – то шли все. Если кто-нибудь заговаривал о соколиной или же другой охоте, женщины тотчас садились на добрых иноходцев, на парадных верховых коней и сажали ястреба-перепелятника, сапсана или же дербника себе на руку, которую плотно облежала перчатка; мужчины брали с собой других птиц.

Все это были люди весьма сведущие, среди них не оказалось ни одного мужчины и ни одной женщины, которые не умели бы читать, писать, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти или шести языках и на каждом из них сочинять и стихи и прозу. Нигде, кроме Телемской обители, не было столь отважных и учтивых кавалеров, столь неутомимых в ходьбе и искусных в верховой езде, столь сильных, подвижных, столь искусно владевших любым родом оружия; нигде, кроме Телемской обители, не было столь нарядных и столь изящных, всегда веселых дам, отменных рукодельниц, отменных мастериц по части шитья, охотниц до всяких почтенных и неподне-

вольных женских занятий.

Вот почему, когда кто-нибудь из мужчин бывал вынужден покинуть обитель, то ли по желанию родителей, то ли по какой-либо другой причине, он увозил с собою одну из женщин, именно ту, которая благоклонно принимала его ухаживания, и они вступали в брак; они и в Телеме жили в мире и согласии, а уж поженившись, еще того лучше; до конца дней своих они любили друг друга так же, как в день свадьбы. Да, чтобы не забыть: приведу вам загадку, высеченную на медной доске, которая была обнаружена в фундаменте обители. Гласит она буквально следующее.

Глава LVIII.

Пророческая загадка

Мечтающий о счастье сын земли,
Душой воспряв, моим речам внимли!
Коль веришь ты, что может человек
Истолковать светил небесных бег
И силой прозорливости своей
Предугадать дела грядущих дней
И что божественное Провиденье
Ему порой дарует позволение, —
Как утверждают книги мудрецов, —
Проникнуть в судьбы будущих веков,
Прислушайся, и я тебе открою,
Что этой осенью или зимою
Откуда-то придут в наш край родимый
Такие люди, коим нестерпимы
Ни отдых, ни веселие, ни смех
И кои, не считая то за грех,
Людей любого звания совратят,
Повсюду сея распрю и разлад.
И если кто-нибудь любой ценой
Решит пойти дорогою такой,
Того слова прельстительные их
Натравят на друзей и на родных.
Не будет стыдно дерзостному сыну

Вонзить кинжал отцу родному в спину,
И даже на носителей корон
Меч подданными будет занесен,
Ибо они себе составят мнение,
Забыв о долге и повиновенье,
Что всем поочередно суждено
То вверх всплывать, то вновь идти на дно.
И это породит так много споров,
Так много перебранок и раздоров,
Что худшего история не знала,
Хотя известно ей чудес немало.
В ту пору многих доблестных людей
Кого толкнет в водоворот страстей
Их молодой и легковёрный пыл,
Постигнет смерть в расцвете лет и сил.
И кто борьбою этой увлечется,
Тот больше от нее не оторвется,
Пока небесный и земной простор
Не преисполнит шумом свар и ссор.
Повсюду станут воздавать почет
Не тем, кто справедлив, а тем, кто лжет,
Ибо рассудок подчинится слепо
Сужденьям черни, темной и свирепой,
К соблазну жадной, подлой, суеверной.
О, сей потоп, прискорбный и безмерный!
Потопом смуту вправо я назвать:
Она не станет времени терять,
И всю страну охватит, и не минет,
Пока бог весть откуда не нахлынет

Поток воды, скрывая с головою
Всех тех, кто, увлеченный пылом боя,
Свой дух в сраженьях так ожесточит,
Что и скотам безвинным не простит,
Зачем покорно целыми стадами
Они идут со всеми потрохами
Не идолам на жертвоприношенье,
А смертным на обычное съеденье.
Теперь и вы поймете без труда,
Что эта неизбывная вражда
В изрядное расстройство и кручину
Введет шарообразную махину!
И даже те, кому она мила,
Кто ей не хочет гибели и зла,
Попробуют, усилий не жалея,
Закрепостить ее и править ею
Так мудро, что останется несчастной
Лишь вопиять к создателю всечасно.
И в довершенье бед наступит день,
Когда весь небосвод обложит тень,
Светило дня плотнее закрывая,
Чем мрак затмения или тьма ночная,
И встанет между солнцем и землей
Глухой, непроницаемой стеной,
И в мире запустенье воцарится.
Но раньше, чем все это совершится,
Подземными толчками будет он
Сильнее и внезапней потрясен,
Чем Этна в час, когда рука Кронида

Низринула ее на титанида,
И чем громады энарийских скал
В тот страшный день, когда Тифон восстал
И принялся, гордыней обуян,
Швырять мятежно горы в океан.
Итак, земля за краткие мгновенья
Претерпит столь большие разрушенья,
Что те, кто смог ее поработить,
Не станут больше властью дорожить.
Тогда сердца исполнятся желаньем
Покончить с этим долгим состязаньем,
Поскольку вышесказанный поток
Заставит всех пуститься наутек.
Однако до того, как убежать,
Еще успеет каждый увидеть
Огонь, разлившийся по небосводу,
Чтоб высушить нахлынувшую воду.
Когда ж пройдут событий этих дни,
Да будут с ликованием одни
Богатствами и манною небесной
Награждены обильно и чудесно,
Другие ж превратятся в бедняков.
Итак, теперь, когда в конце концов
Грядущее я вам истолковал,
Любой из вас свою судьбу узнал.
Сдержал я слово.
О, сколь счастлив тот
Кто до конца такого доживет!

Как скоро чтение этого документа окончилось, Гаргантюа глубоко вздохнул и сказал присутствующим:

– Люди, преданные евангельскому учению, подвергаются гонениям с давних пор, однако ж счастлив тот, кто, не смущаясь этими гонениями и не соблазняясь и не обольщаясь влечениями плоти, напрямик идет к цели, которую преуказал нам Господь устами возлюбленного своего Сына.

– А как вы полагаете, – спросил монах, – что заключает в себе и что означает эта загадка?

– Что? – переспросил Гаргантюа. – Раскрытие и утверждение божественной истины.

– Клянусь святым Годераном, я эту загадку совсем по-другому толкую! – воскликнул монах. – Это же слог пророка Мерлина! Вычитывайте в ней любые иносказания, придавайте ей самый глубокий смысл, выдумывайте сколько вашей душе угодно – и вы и все прочие. А я вижу здесь только один смысл, то есть описание игры в мяч, впрочем довольно туманное. Соперники людей – это игроки в мяч, обыкновенно состоящие между собой в дружеских отношениях. После двух подач мяча один из них выходит из игры, а другой начинает. Верят первому, кто крикнет, как пролетит мяч: над или под веревкой. Поток воды – это пот; пленка ракетки – из бараньих или же козьих кишок; ша-

рообразная махина – это мяч. После игры обычай та-
ков: обсушиться возле яркого огня, переменить сороч-
ку, а потом с удовольствием сесть за стол, при этом
особенно весело пируют те, кто выиграл. И – гуляй,
душа!

